91.71.5
С-546.

ОПЫТЪ

РУССКОЙ ДІАЛЕКТОЛОГІИ.

Проф. А. К. Соболевскаго.

ВЫПУСКЪ I.

Нарѣчія великорусское и бѣлорусское.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Меркушева, Невскій просп., 8.
1897.

PG
2026
25

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
1234
53

По опредѣленію историко-филологическаго ... бургскаго университета печатать до...

Русская діалектологія имѣетъ много правъ на вниманіе.

1) Каждый изъ насъ, какъ Русскій, обязанъ обладать хотя бы самыми общими свѣдѣніями о томъ, что такое русскій языкъ, какъ говорятъ подъ Новгородомъ, подъ Тулою, около Вильны, Полтавы.

2) Занимающіеся исторіею русскаго языка имѣютъ особенную потребность въ знакомствѣ съ діалектологіею. Интересуются ли они исторіею звуковъ и формъ, или слѣдятъ за судьбами синтаксическихъ явленій, словарнаго матеріала, все равно,—они могутъ найти въ современныхъ русскихъ народныхъ говорахъ то, что давно исчезло изъ говора образованнаго общества, и такимъ образомъ получить ясное представленіе о [illegible]мъ нашего языка. Напримѣръ, мы не имѣемъ теперь въ своемъ [illegible] мягкаго *и*, которое было (какъ показываютъ памятники) въ древне[illegible]омъ языкѣ; обращаясь къ народнымъ говорамъ, въ нѣкоторыхъ изъ [illegible]хъ мы встрѣчаемся съ этимъ *и* и такимъ образомъ составляемъ себѣ [illegible]онятіе о качествѣ древняго звука.

3) Тѣ, которые изучаютъ древніе памятники нашей письменности (какъ литературные, такъ и историческіе, юридическіе), чрезъ изученіе діалектологіи почерпаютъ средства къ пониманію текста памятниковъ. Значительное число словъ, прежде употреблявшихся во всемъ русскомъ языкѣ и нашедшихъ себѣ мѣсто въ памятникахъ, теперь у насъ, въ нашемъ говорѣ, неизвѣстно, но остается въ употребленіи въ другихъ говорахъ. Такимъ образомъ знакомство съ говорами даетъ намъ возможность опре[illegible] значеніе этихъ словъ. Напримѣръ, въ Русской Правдѣ мы на[illegible] слово о л е к ъ: «аже бчелы выдереть, то 3 гривне продаже, а за медъ,—оже будуть бчелы не лажены, то 10 кунъ, будеть ли о л е к ъ, то 5 кунъ». Костромской и шуйскій говоры объясняютъ намъ это слово. [illegible] нихъ о л е к ъ=починъ сотовъ. Слѣдовательно, Русская Правда противупоставляетъ улью полному меда, не подрѣзанному, «не лаженому»,—улей съ небольшимъ количествомъ меда, оставленнымъ для пчелъ на [illegible]. Или, въ Словѣ Даніила Заточника мы читаемъ: «дивья за буяномъ [illegible]аствити, а за добрымъ княземъ воевати». Слово б у я н ъ въ говорахъ значитъ: гора, холмъ. И такъ, фразу Слова мы можемъ перевести:

хорошо за горою коней пасти (т. е. въ укромномъ, прикрытомъ отъ вѣтр мѣстѣ). Конечно, не всѣ слова нашихъ памятниковъ сохраняются в говорахъ; такъ, слово т ы л ѣ с н ь Русской Правды пока еще ни въ одном говорѣ не нашлось. Но за то и значеніе этихъ словъ останется неизвѣст нымъ, если лучшая разработка діалектологіи не дастъ ключа къ ихъ по ниманію.

4) Діалектологія имѣетъ нѣкоторое значеніе, какъ вспомогательная наука, при изученіи исторіи. Историкъ безпрестанно сталкивается с такими вопросами, на которые нѣтъ отвѣтовъ въ лѣтописяхъ и докумен тахъ, но которые могутъ быть разрѣшены современными говорами. На примѣръ, существуетъ вопросъ о населеніи верхняго Поволжья, нынѣш ней Ярославской и Костромской губерній, какого оно происхожденія, откуда пришло и къ какому большому городу первоначально тянул Обыкновенно отвѣчаютъ на этотъ вопросъ такъ, что-де Поволжье был заселено выходцами изъ новгородской области и первоначально должно было тянуть къ Новгороду. Но большая часть говоровъ названныхъ губерній довольно ясно отличается отъ говоровъ древней новгородской земли и новгородскихъ колоній (въ нихъ нѣтъ мѣны *ц* и *ч*); напротивъ того, они близки къ говорамъ средней Руси (Московской, Тульской и сосѣднихъ съ ними губерній). Слѣдовательно, вопросъ о происхожденіи поволжскаго населенія долженъ быть разрѣшенъ иначе: Поволжье за селилось съ юга и его жители никогда не тянули къ Новгороду, а со ставляли одну область съ Москвою, Муромомъ, Рязанью.

Мы не хотимъ приписывать знакомству съ діалектологіею какого-либо значенія для нашего литературнаго языка и не думаемъ, чтобы діалекти ческій матеріалъ могъ пригодиться для обогащенія и вмѣстѣ сохраненія чистоты литературнаго языка. Нѣтъ сомнѣнія, вмѣсто того, чтобы за имствовать новыя слова изъ иностранныхъ языковъ,—было бы для насъ несравненно полезнѣе брать подходящія по значенію слова изъ своихъ діалектовъ. Но мы сомнѣваемся, чтобы такое пользованіе было часто возможно. Дѣло въ томъ, что то русское, чего нѣтъ въ нашемъ говор и что есть въ сосѣднемъ, обыкновенно кажется намъ смѣшнымъ или даже достойнымъ насмѣшки. Мы не удерживаемся отъ улыбки, когда герой «Жениха изъ ножевой линіи» (Чернышева) говоритъ х о т и т намъ немножко смѣшно, когда герой «Бѣшеныхъ денегъ» употребляетъ слово ш а б ё р ъ. Что касается до простаго народа, то онъ почти всегда насмѣхается надъ своимъ сосѣдомъ, имѣющимъ какія-нибудь, хотя бы незначительныя особенности рѣчи, «дразнитъ», преслѣдуетъ его особыми поговорками съ этими особенностями (въ родѣ: курича на уличѣ яйц снесла), даетъ ему насмѣшливыя прозвища (въ родѣ: ягунъ, отъ формы родительнаго падежа *яго*=его, съ *г*, вмѣсто *яво*, съ *в*), вообще обнару живаетъ къ діалектическому матеріалу полную нетерпимость.

Наша задача — указать главныя особенности русскихъ говоровъ въ звукахъ и формахъ, на основаніи почти исключительно печатнаго матеріала. Послѣдній такъ скуденъ и отрывоченъ [1]), а часто и старъ, что нашъ очеркъ русской діалектологіи не имѣетъ притязанья на полноту ни въ какихъ отношеніяхъ. Мы убѣждены, что намъ не пришлось воспользоваться даже всѣмъ тѣмъ, чѣмъ можно бы воспользоваться, но что зарыто въ разныхъ провинціальныхъ «памятныхъ книжкахъ», календаряхъ, газетахъ Изданіе въ свѣтъ настоящаго очерка должно показать, какіе говоры до сихъ поръ остаются наукѣ неизвѣстными и для какихъ она владѣетъ данными неполными и невѣрными.

---

[1]) Мы до сихъ поръ еще не имѣли спеціалистовъ по русской діалектологіи. Ученые занимались ею въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ и при томъ наскоро, проѣздомъ, ухватывая лишь случайно встрѣтившіяся черты. Этнографы обращали на говоры крайне мало вниманія, и мы имѣемъ рядъ хорошихъ сочиненій по этнографіи, гдѣ или нѣтъ никакихъ замѣчаній по діалектологіи, или помѣщены самыя ничтожныя. Помѣщики, священники, уѣздные учителя и т. п. народъ, если дѣлали наблюденія надъ говорами, имъ отлично знакомыми, то не могли—вслѣдствіе отсутствія какой-либо подготовки—дать сколько-нибудь полный и ясный отчетъ объ особенностяхъ этихъ говоровъ, а иногда даже изобразить ихъ звуки Вообще мы имѣемъ чрезвычайно мало описаній говоровъ Обыкновенно мы должны извлекать данныя изъ пѣсенъ, сказокъ и т. п. сыраго матеріала и безпрестанно подвергаться опасности увидѣть діалектическую особенность въ простой опискѣ или опечаткѣ.

Мы можемъ назвать лишь одинъ трудъ посвященный вообще русской діалектологіи. Это—статья проф Потебни въ «Филологическихъ Запискахъ» 1865 года: «О звуковыхъ особенностяхъ русскихъ нарѣчій», вышедшая въ свѣтъ 30 лѣтъ назадъ и основанная почти исключительно на печатномъ матеріалѣ Другой трудъ, сходный съ этимъ по названію, статья Надеждина въ вѣнскихъ «Jahrbücher der Literatur» 1841 года «Mundarten der russischen Sprache», посвященъ не столько описанію, сколько изслѣдованію о происхожденіи русскихъ нарѣчій. Сверхъ того, въ «Исторической Христоматіи» Буслаева 1861 г и въ «Сборникѣ древне-русскихъ памятниковъ и образцовъ народной русской рѣчи» проф Смирнова 1882 г. приведены образцы разныхъ русскихъ говоровъ, взятые главнымъ образомъ изъ печатныхъ источниковъ Наибольшее количество матеріаловъ по русской діалектологіи издано (безо всякой системы) въ изданіяхъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, особенно въ «Этнографическомъ Сборникѣ» и «Живой Старинѣ», далѣе, эти матеріалы разсѣяны въ «Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ», разныхъ годовъ

Ни грамматики, ни словаря всего русскаго языка у насъ нѣтъ

I. Великорусское нарѣчіе.

Мы не будемъ говорить о границахъ великорусскаго нарѣчія съ языками инородцевъ въ европейской Россіи, въ Сибири и на Кавказѣ. Ихъ можно видѣть на этнографической картѣ русскаго государства. Мы скажемъ лишь о границахъ великорусскаго нарѣчія съ нарѣчіями бѣлорусскимъ и малорусскимъ, какъ они опредѣляются имѣющимися у насъ скудными данными [1]).

Великорусское нарѣчіе граничитъ съ бѣлорусскимъ на сѣверо-западѣ приблизительно по чертѣ Псковской губ.; бѣлорусское нарѣчіе начинается ниже Опочки и Великихъ Лукъ, Псковской губ., но Себежъ, Полоцкъ и Суражъ находятся уже въ области этого нарѣчія. Далѣе граница великорусскаго и бѣлорусскаго нарѣчій идетъ внутри губерній Тверской и Смоленской. Значительныя части Ржевскаго и Зубцовскаго и нѣкоторая часть Осташковскаго уѣздовъ (западная часть Тверской губ. [2])

[1]) Точное опредѣленіе границъ между двумя нарѣчіями часто невозможно, по причинѣ существованія такихъ переходныхъ и смѣшанныхъ говоровъ, которые могутъ быть съ равнымъ основаніемъ причислены и къ одному, и къ другому нарѣчію. Сверхъ того, во многихъ губерніяхъ, занятыхъ Русскими въ XVIII—XIX вв., тамъ, гдѣ нарѣчія еще не перемѣшались между собою, ихъ территоріи въ полномъ смыслѣ слова черезполосны.

[2]) «Жители западной половины Ржевскаго уѣзда извѣстны нынѣ подъ именемъ Тудовлянъ, отъ названія рѣки Молодой Тудъ. Съ ними сходны крестьяне Осташковскаго уѣзда на правомъ берегу Волги и жители селеній по рѣкамъ Итомлѣ (Ржевск у) и Кошѣ (Осташк. у.), впадающимъ въ Волгу съ лѣвой стороны. Нѣкоторые относятъ ихъ къ Бѣлоруссамъ. Отличіе ихъ отчасти заключается въ обычаяхъ, отчасти въ словахъ, особенно опредѣляющихъ одежду, обувь, пищу, орудія, мѣстность и разную домашнюю утварь» (Преображенскій, Описаніе Тверской губ. въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. Спб. 1854, стр. 78).

Крестьяне той части Осташковскаго уѣзда, которая прилегаетъ къ Псковской и Смоленской губ., «отдѣлены будучи самою природою отъ другихъ жителей какъ своего, такъ и смежныхъ уѣздовъ, различаются отъ послѣднихъ нравомъ и образомъ жизни, въ особенности же нарѣчіемъ языка, которымъ они близки къ Бѣлорусцамъ» (Іос. Бѣловъ, Путевыя замѣтки и впечатлѣнія по Московской и Тверской губ., стр. 63. М. 1852)

принадлежатъ бѣлорусскому нарѣчію; сѣверо-западная и южная части Смоленской губ. говорятъ или бѣлорусскимъ нарѣчіемъ, или говорами скорѣе бѣлорусскими, чѣмъ великорусскими, а восточная—Вяземскій, Гжатскій, Сычовскій и Юхновскій уѣзды—по-великорусски [1]). Далѣе граница идетъ по сѣверо восточной окраинѣ Черниговской губ.

Пограничная черта великорусскаго нарѣчія съ малорусскимъ опредѣляется съ трудомъ. Сѣверо-восточная окраина Черниговской губ , пограничная съ Орловской губ [2]), съ ея смѣшанными говорами, и почти вся Курская губ. (кромѣ юго-западной окраины) [3]) принадлежатъ великорусскому нарѣчію. Половина Воронежской губ [4]) и большая часть Земли Войска

---

[1]) «Рославльскій уѣздъ составляетъ часть Смоленской губ., населенную жителями бѣлорусскаго племени. Крестьянинъ Рославльскаго уѣзда рѣзко отличается отъ крестьянъ восточной части губерніи въ образъ жизни, домашней утвари, пищѣ, одеждѣ, однимъ словомъ—во всемъ, что касается народнаго характера, домашняго быта и хозяйства» (Пам. книжка Смол. губ. на 1858 г.. стр. 126). Точно также Матеріалы для географіи и статистики Россіи (Смол. губ.) относятъ Рославльскій и Смоленскій уѣзды безъ всякихъ оговорокъ къ числу бѣлорусскихъ (стр. 125)

[2]) «На сколько говоръ черниговскій, распространенный въ особенности въ сѣв. части уѣзда Черниговскаго, въ уѣздахъ Городненскомъ, Суражскомъ, Новозыбковскомъ, Мглинскомъ и зап. части Новгородсѣверскаго, составляетъ переходъ изъ малорусскаго нарѣчія къ бѣлорусскому, на столько сѣверскій, распространенный въ вост. половинѣ Новгородсѣверскаго, сѣв. части Глуховскаго уѣзда Черниговской губ., въ юго-зап. углу Трубчевскаго и въ зап. части Сѣвскаго уѣзда Орловской губ., составляетъ переходъ къ нарѣчію великорусскому». Р. Филол. В 1884 г, № 1, стр. 118.—«Великороссіяне, или, какъ ихъ называютъ здѣсь, Русскіе, слобожане, поселены въ Суражскомъ, Стародубскомъ, Новозыбковскомъ и Городненскомъ уѣздахъ... и составляютъ потомковъ бѣжавшихъ сюда изъ Россіи въ XVII вѣкѣ раскольниковъ». Календарь Черниговской губерніи на 1887 г, стр. 688

[3]) «Обитатели (Суджинскаго у.) сіи суть: Малороссіяне—коренные жители, и Русскіе, начавшіе селиться съ 1664 г. (въ числѣ ихъ старообрядцевъ было въ 1826 г. до 1000 человѣкъ муж. и жен. пола) Между простолюдинами, отъ различія жителей въ Судж. у., т. е Малороссіянъ и Русскихъ, замѣтна немалая разность какъ въ одеждѣ, уборахъ, житьѣ, характерѣ народномъ, тамъ и въ самыхъ нравахъ и обычаяхъ». Московскій Телеграфъ 1826 г., ч 39, стр 256, 262, ст. Дмитрюкова. Около $^1/_{10}$ населенія Обоянскаго уѣзда Курской губ.—Малоруссы переселенцы (Этногр. Сб., V, ст. «Бытъ крестьянъ Курской губ », стр. 1).

[4]) «Малорусское населеніе составляетъ едва ли не половину всѣхъ жителей Воронежской губ. Два самые большіе уѣзда оной – Острогожскій и Богучарскій, за исключеніемъ въ каждомъ двухъ-трехъ селъ великорусскихъ, населены Малоруссами. Бирюченскій и Валуйскій населены ими въ большей степени; въ Павловскомъ 12 слободъ малорусскихъ, кромѣ хуторовъ, и по нѣскольку слободъ въ уѣздахъ Бобровскомъ и Новохоперскомъ. Только въ сѣверныхъ уѣздахъ—Задонскомъ, Землянскомъ, Нижнедѣвицкомъ и Воронежскомъ—Малоруссовъ нѣтъ» (Пам. книжка Воронежск. губ. на 1870—71 г., стр. 247).—Въ Валуйскомъ уѣздѣ «жители состоятъ изъ Русскихъ и Малороссіянъ, почти на половину и тѣхъ, и другихъ» (Статистическіе очерки Воронежской губ., кн. I, стр 15, 1850 г). «Въ Богучарскомъ у.

Донскаго [1])—также. Въ восточной половинѣ Харьковской губ (въ Зміевскомъ, Старобѣльскомъ, Волчанскомъ, Харьковскомъ и Купянскомъ уѣздахъ) есть чисто великорусскія поселенія. Русскіе жители восточной части сѣвернаго Кавказа—переселенные съ Волги и Дона терскіе казаки—говорятъ по-великорусски, а ихъ сосѣди на западѣ—кубанцы, потомки запорожцевъ,—по-малорусски; впрочемъ, въ Терской области есть нѣкоторое число малорусскихъ, а въ Кубанской - великорусскихъ поселеній. Въ Новороссіи великорусское нарѣчіе находится, въ сравненіи съ малорусскимъ, у значительнаго меньшинства населенія. Сверхъ того, съ одной стороны болѣе или менѣе крупныя колоніи съ малорусскимъ населеніемъ и нарѣчіемъ находятся въ великорусскихъ приволжскихъ губ. (особенно въ Саратовской, Самарской [2]) и Астраханской) [3]), а остатки другихъ, меньшихъ по численности колоній, можетъ быть,

---

Малороссовъ болѣе $^2/_3$, Великороссовъ менѣе $^1/_3$» (Пам кн. Ворон. г на 1865—1866 г.).

[1]) «Жители сѣверныхъ частей (Земли В. Д.)—до Хопра и Медвѣдицы—настоящіе Великороссы» «Жители среднихъ частей Дона болѣе сходны съ Великороссами, чѣмъ низовые». «Населеніе нижней части—потомки древнѣйшихъ казаковъ, которые поселились по низовьямъ Дона; они—Великороссы, но принимали къ себѣ людей всѣхъ націй; отъ этого низовое населеніе какъ въ наружности, такъ въ нравахъ и обычаяхъ имѣетъ особенный, почти самостоятельный характеръ». «Малороссы издавна приходили на Донъ; особенно много ихъ въ нижней части Донской земли.» «Когда былъ воспрещенъ переходъ на Донъ, войсковые чины стали записывать за собою приходившихъ сюда большими обществами Малороссовъ и заселили ими округи Миусскій и Донецкій». «Нѣкоторые Малороссы получили права казаковъ и составили нѣсколько станицъ за Дономъ, близь Кавказской дороги» (Матеріалы для хозяйственной статистики Россіи, издаваемые Импер. Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ. Кн. I, Спб 1853, стр. 23—27).—«Донцы низовцы, купно съ донецкими .. отъ Россіи Малыя» (Чтенія Общ. ист. и древн. 1863 г., кн. 3, ст. «Историч. свѣдѣніе о Верхней Курмоярской станицѣ», стр. 4).

[2]) «Вы встрѣтите здѣсь пришельцевъ, можетъ быть, изъ 20 губерній: тутъ есть и остатки польской шляхты, поселившейся когда-то въ Мензелинскомъ у. и отчасти въ Бугульминскомъ, есть и Малороссы по солевознымъ трактамъ, Илецкому и Элтонскому, и по рѣкамъ Иргизу и Кинелю; есть переселенцы изъ всѣхъ окружныхъ губерній, особенно изъ Тамбовской, также Куряне, Туляки, Рязанцы и много другихъ... Поселенцы изъ Тульской и Рязанской губ. въ Самарскомъ и Бузулукомъ уѣздахъ, живя среди Чувашей и Мордвы, до сихъ поръ сохраняютъ свои костюмы и нарѣчіе; еще упорнѣе въ этомъ отношеніи Малороссіяне, какъ напр. по Иргизу въ Новоузенскомъ уѣздѣ». Варенцовъ, Сборникъ пѣсенъ Самарскаго края, Спб. 1862. стр. V—VI.

[3]) «Элементъ собственно-великорусскій въ Астрах. уѣздахъ часто перемѣшивается съ малороссійскимъ; есть цѣлыя села въ нашемъ краѣ, почти исключительно заселенныя Малороссами, есть станицы, населенныя одними казаками, переселенными сюда въ разное время изъ другихъ мѣстностей Россіи и Малороссіи, средняго и верхняго Поволжья и изъ другихъ мѣстъ». Сборникъ трудовъ членовъ Петровскаго Общ. изслѣдователей Астрах. края. Астр. 1892, стр. 13.

еще существуютъ въ Вологодской губ.; съ другой стороны—великорусское нарѣчіе слышится въ малорусскихъ губерніяхъ и во всемъ русскомъ государствѣ у образованныхъ Русскихъ, по преимуществу по городамъ.

Казалось бы, на огромной территоріи великорусскаго нарѣчія должно было бы быть очень много говоровъ; но, вѣроятно, благодаря отчасти почти исключительно равнинному характеру этой территоріи, допускающему самое широкое общеніе для ея населенія, отчасти значительной консервативности великорусскаго нарѣчія,—мы видимъ лишь ограниченное количество рѣзко опредѣленныхъ діалектическихъ разновидностей [1]).

Великорусское нарѣчіе ясно дѣлится на два поднарѣчія, с ѣ в е р н о е и ю ж н о е, о́ к а ю щ е е и а́ к а ю щ е е, граница между которыми идетъ сначала внутри Псковской губ. (здѣсь только сѣверо-восточный уголъ, въ Порховскомъ у., окаетъ), потомъ внутри Тверской губ., потомъ внутри Московской (здѣсь по границѣ съ Владимирской губ. уже окаютъ); Владимирская губ. почти вся (кромѣ части Меленковскаго уѣзда) принадлежитъ окающему поднарѣчію; далѣе граница идетъ внутри Нижегородской, Казанской и Симбирской губ. (въ Арзамасскомъ уѣздѣ Нижегородской губ. отчасти окаютъ, въ Ардатовскомъ, Сергачскомъ и Лукояновскомъ той же губ.—акаютъ, въ Буинскомъ и Симбирскомъ уѣздахъ и въ сѣверной части Курмышскаго уѣзда Симбирской губ., къ сѣверу отъ р. Пьяны, по преимуществу окаютъ, въ южной части Курмышскаго уѣзда акаютъ, въ Лаишевскомъ и Чистопольскомъ уѣздахъ Казанской губ., за Волгою, акаютъ) [2]).

Пріуралье и Сибирь принадлежатъ окающему поднарѣчію, за исключе-

---

[1]) Это—одна изъ причинъ слабой разработки великорусскихъ говоровъ, особенно южныхъ, которые мало отличаются отъ языка образованнаго общества и потому для изслѣдователя мало интересны. Всѣ наши печатныя свѣдѣнія о великорусскихъ говорахъ вообще ограничиваются статьею Даля при I томѣ его «Толковаго Словаря» (которою надо пользоваться съ большою осторожностью), да книгою Колосова. «Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей народнаго русскаго языка», Варшава, 1878. Къ сожалѣнію, послѣдняя, посвященная всему великорусскому нарѣчію, имѣетъ такое расположеніе матеріала, что по ней трудно составить себѣ понятіе объ особенностяхъ того или другаго великорусскаго говора.

Грамматики великорусскаго нарѣчія у насъ нѣтъ, но словарныя данныя этого нарѣчія собраны въ довольно значительномъ количествѣ. Первое мѣсто занимаетъ отличный 4-хъ томный «Толковый Словарь живаго великорусскаго языка» Даля (2-ое изд. Спб. 1880); за нимъ можетъ быть поставленъ «Опытъ областнаго великорусскаго словаря», Спб. 1852, съ «Дополненіемъ» къ нему, изданный Академіею Наукъ.

[2]) Должно замѣтить, что опредѣлить точную границу поднарѣчій окающаго и акающаго въ среднемъ Поволжьѣ едва ли возможно, въ виду того, что здѣсь много смѣшанныхъ говоровъ, соединяющихъ въ себѣ особенности обоихъ поднарѣчій. Замѣтимъ, что городское населеніе Саратова въ 40-хъ годахъ окало (Сарат. Губ. Вѣд. 1845 г., № 31—32).

ніемъ клочковъ, занятыхъ переселенцами изъ средней Руси; впрочемъ, теперь число этихъ клочковъ, вслѣдствіе происходящихъ переселеній, увеличивается.

Слѣдуетъ замѣтить, что акающее поднарѣчіе понемногу вытѣсняетъ окающее въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ существуютъ отхожіе промыслы,—особенно въ Костромской губ. Мѣстные крестьяне съ дѣтства проводятъ помногу лѣтъ въ Москвѣ и Петербургѣ и здѣсь усваиваютъ особенности акающаго поднарѣчія; послѣднія отъ нихъ переходятъ къ мѣстному осѣдлому населенію. Такимъ образомъ цѣлый рядъ деревень и селъ Костромской губ. теперь уже не принадлежитъ окающему поднарѣчію. Такая же замѣна одного поднарѣчія другимъ начинаетъ замѣчаться въ значительныхъ размѣрахъ въ Ярославской и Владимирской губ.

А. Южно-великорусское, или акающее поднарѣчіе.

Передъ нами тотъ говоръ, который употребляемъ мы сами, который слышится у всѣхъ сколько-нибудь образованныхъ людей во всей Россіи и который можетъ быть названъ литературнымъ, или общерусскимъ языкомъ. Центръ и родина его—Москва; здѣсь у мѣстныхъ уроженцевъ онъ является въ наибольшей чистотѣ; въ другихъ городахъ къ нему иногда примѣшиваются мѣстныя черты (изъ ближайшихъ говоровъ): такъ, въ Кіевѣ у образованныхъ людей мѣстнаго происхожденія и воспитанія можно слышать *h* вмѣсто *g* *h*алка, *h*орохъ, и неслоговое *ў* вмѣсто *в* и *л*: любо*ў*, да*ў*, пи*ў*, въ западно-русскихъ городахъ у мѣстной интеллигенціи замѣчается то особенно сильная мягкость согласныхъ, свойственная польскому языку, то полная или почти полная твердость *р* въ словахъ въ родѣ бу*р*а (= бу*р*я).

Обще-русскій языкъ въ его чистомъ видѣ будетъ для насъ исходнымъ пунктомъ при характеристикѣ говоровъ: мы будемъ характеризовать эти послѣдніе, сопоставляя ихъ особенности съ особенностями своего собственнаго языка. Поэтому мы прежде всего остановимся на звукахъ своего языка.

Гласные ударяемые. Ударяемое *а* обще-русскаго языка—звукъ открытый, то болѣе широкій (бр*а*тъ, п*я*тка), то болѣе узкій (р*а*ть, п*я*ть), всегда вполнѣ отличный отъ ударяемаго *о*; этотъ звукъ слышится на мѣстѣ каждаго древняго (= ороографическаго) *а*, *я*.

Ударяемое *е*—звукъ мягкій, почти всегда смягчающій предъидущіе согласные, то болѣе открытый (э́тотъ, ше́стъ), то менѣе, съ приближеніемъ къ *и* (плеть, лечь), но вполнѣ отличный отъ *и*; этотъ звукъ слышится на мѣстѣ какъ древняго (= ороографическаго) *е*, такъ и древняго *ѣ*.

Ударяемое *о* звучитъ открыто, ближе къ *а*, чѣмъ къ *у*; оно слышится

на мѣстѣ древняго (=орѳографическаго) *е* постоянно въ концѣ словъ (плечо́, ещо́, твое́) и очень часто въ серединѣ словъ, передъ слѣдующимъ твердымъ согласнымъ (вёлъ, расплётывать, гребёнка [1]).

Ударяемыя *и* и *ы* вполнѣ ясно отличаются другъ отъ друга; они находятся на мѣстѣ древнихъ *и* и *ы*.

Гласные неударяемые. Изъ нихъ на мѣстѣ древнихъ (=орѳографическихъ) неударяемыхъ *а* и *о* слышится. 1) въ началѣ и въ концѣ словъ всегда и въ серединѣ словъ послѣ искони твердыхъ согласныхъ (не *j*, не *ц* и не шипящихъ) непосредственно передъ удареніемъ—*а*, нѣсколько закрытое, приближающееся къ *о*: *а*ддала́, сло́*в*а, ма́сл*а* (имен. и род. ед.), пита́чо́къ, ны дв*а*ре́, чист*а*ко́лъ, зых*а*те́лъ (=пят*а*чокъ, на дв*о*рѣ, част*о*колъ, захотѣлъ); 2) въ серединѣ словъ послѣ *j*, мягкихъ согласныхъ, шипящихъ и *ц* какъ непосредственно передъ удареніемъ, такъ и послѣ ударенія—*и* или (послѣ *ж*, *ш*, *и*) глухой близкій къ *ы*: *j*и́снѣть, пи́то́къ, чи́сы́, жы́ле́ть, шы́ги́ (=*я*снѣть, пятокъ, *ча*сы, *жа*лѣть, *ша*ги), вы́*и*снить, ску́шыла (=выяснѣть, скушала); 3) въ серединѣ словъ во второмъ слогѣ передъ удареніемъ, если передъ ними *j*, мягкій согласный или *ч*, *щ*,—то *и*: *j*и́равой. пи́тачо́къ, чи́савой (=*я*ровой, пятачокъ, *ча*совой), если же передъ ними твердый согласный, *ж*, *ш*, *ц*,—то глухой близкій къ *ы*: зы́хате́лъ, сы́рако́фка, шы́пава́лъ (=*за*хотѣлъ, *со*роковка, *ша*повалъ).

Неударяемый гласный на мѣстѣ древняго (=орѳографическаго) *е*, *ъ* всегда, кромѣ конца словъ, звучитъ какъ *и*: пи́р*и*хо́тъ, пи́ро́, ви́зу́, *j*и́во́ (=переходъ, перо, везу, его); въ концѣ же словъ онъ звучитъ: 1) какъ *и* (въ формахъ дат. и мѣстн. ед., 2-го л. мн. из. и повел. н.): на бе́риг*и*, на во́з*и*, бири́т*и* (=на берегъ, на возъ, берите), и 2) какъ открытое *е*, или какъ *а* съ предъидущимъ мягкимъ согласнымъ: по́л*е*, мо́р*е*, или по́л*я*, мо́р*я* (=поле, море; часто мы произносимъ имен. поле и род. поля тожественно).

Неударяемый гласный на мѣстѣ древняго (=орѳографическаго) *и* звучитъ какъ глухой близкій къ ударяемому *ы*, но не тожественный съ нимъ, такъ что есть разница между гласными въ дыра́ и до́рка, сы́но́къ и сы́нъ.

Неударяемое *и* по качеству звука ничѣмъ не отличается отъ ударяемаго; неударяемое *у* не приближается къ *в* и всегда составляетъ слогъ.

Опущеніе неударяемыхъ гласныхъ рѣдко: и́спыдвыль=исподо́воль.

Изъ согласныхъ, губныя *б*, *в*, *п*, *ф*, *м* могутъ быть и твердыми, и мягкими; послѣднія слышатся въ *бить*, *вязнуть*, *пялить*, сы*пъ*, чер*фъ*, се*мъ*. При этомъ *в* никогда не приближается къ *у*.

Губное *ф* не смѣшивается съ *х* или *хв*.

---

[1]) Подробнѣе см. въ нашихъ «Лекціяхъ по исторіи русскаго языка».

Гортанное *г* произносится передъ гласными какъ латинское *g*, за исключеніемъ нѣсколькихъ словъ, гдѣ обыкновенно *h* (господь, государь, бога, благословить).

Гортанное *к* передъ *а* и *у*, гдѣ было въ древности твердо, остается твердымъ: бабушк*а*, бабушк*у*.

Зубныя *д* и *т*, будучи мягкими, сохраняютъ древнее качество своихъ звуковъ: *дядя*, *тетка*.

Группа *щ* звучитъ какъ двойное *ш*: *шшюка* (=*щука*).

Шипящія *ж* и *ш* и свистящее *ц* постоянно произносятся твердо, коль скоро они не повторяются: *жэчь*, *жокъ*, *шолъ*, *цэпъ* (=*жечь*, *жегъ*. *шелъ*, *цѣпъ*).

Шипящія *ж* и *ш* при удвоеніи сохраняютъ древнее мягкое произношеніе: ви*жжю*, во*жжи*, *шшюка*, *шшядить* (=визжу, возжи, щука, щадить). Но въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ двойное *ж* или *ш* образовалось черезъ соединеніе конечнаго согласнаго предлога-префикса съ начальнымъ согласнымъ имени или глагола, эти *ж*, *ш* звучатъ твердо *жжэчь*, *шшыть* (=*сжечь*. *сшить*).

Шипящее *ч* не смѣшивается съ *ц* и всегда вполнѣ ясно отличается отъ *ц*.

Плавное *р* можетъ быть и твердымъ, и мягкимъ: бу*р*акъ, бу*ря*; древнее плавное *л* всегда сохраняется и не переходитъ въ *в* или *ў* палъ.

Древніе (=орѳографическіе) звонкіе (=звучные) согласные *б*, *в*, *г*, *д*, *ж*, *з*, твердые и мягкіе, въ концѣ словъ звучатъ какъ соотвѣтствующіе глухіе (=отзвучные) *п*, *ф*, *к* (*х*), *т*, *ш*, *с*, твердые и мягкіе: бо*п*ъ. обу*ф*ь, дру*к*ъ, бо*х*ъ, де*т*ъ, но*ш*ъ, вос*ъ* (=бобъ, обувь, другъ, богъ, дѣдъ. ножъ, возъ).

Точно также произносятся древніе звонкіе согласные передъ глухими согласными: ба*п*ка, ла*ф*ка, выра*ф*ство, саса*т*ка, ро*ш*ки, пириво́ска (=бабка и т. д).

Между формами нашего говора мы должны отмѣтить:

Формы имен.-вин. ед., родит. мн. и 2-го л. ед. повелит. накл. на *е́й* (=*ей*, агне́*й*, гасте́*й*, дычире́*й*, кане́*й*; бе*й*, пе*й*, слипо́*й*, бальшо́*й*, мо*й* (отъ мыть), кро*й* (а также ф. 2-го л. мн. повел. н.: бе́йти, мо́йти, и наст. врем. мо́*ю*, кро́*ю* и т. д).

Формы мѣстн. ед. муж. и женск. р. и дат. ед. ж. р. съ гортаннымъ согласнымъ: ны паро́*ге*, въ руке́, пы сахе́ (=на порогѣ, по сохѣ).

Формы род.-вин. ед. мин*я́*, тиб*я́*, сиб*я́*, дат. тиб*е́*, сиб*е́* (=тебя, тебѣ...).

Формы род.-вин. ед. прилагательн. и мѣстоименій на *во*, *ова*, *ыва*, *ива*: јиво́, слипо́*ва*, до́бр*ыва* (=его, слѣпого, добраго)

Формы род. и вин. ед. женск. р. на *е*, не на *е*: јне́, сымае́ (=ее, самое).

Формы им.-вин. множ. ч. прилагательныхъ и мѣстоименій на *и*, иногда ударяемое: до́бры*и*, бальшы*и*, маи́ (=мои), но фсе, те, ане́ (=всѣ, тѣ...).

Формы род. мн. муж. р. именъ сущ. мягкаго склоненія на *е́й*: рублей, грашей; послѣ *ц*—на *о́фъ*, *ыфъ* (=евъ): купц*о́фъ*, ме́сиц*ыфъ*; формы род. мн. женск. р. никогда не имѣютъ окончаній *о́фъ*, *ыфъ*.

Формы 3-го л. ед. и мн. на *тъ*: идет*ъ*, идут*ъ* (но ест*ъ*, вест*ъ*), съ сохраненіемъ древнихъ шипящихъ: пичо́тъ (=печетъ), жже́тъ.

Формы 2 л. ед. и мн., 1 л. мн. изъявит. накл. съ *е* при ударе́ніи: идешъ, идети, идемъ, при чемъ ф. 1 л. мн. всегда имѣетъ окончаніе *мъ*.

Формы повелит. накл. 1-го л. мн. иде́мъ, иди́ти и т. п.

Формы неопред. накл. на *ть* (рѣдко на *ти́*. итти, вести).

Формы возвратнаго залога на *са*, *съ*, *ца*: скажу*са*, скажу*съ*, скажут*ца* (=скажуся, скажусь, скажутся).

Подведемъ и т о г ъ. Нашъ говоръ можетъ быть названъ умѣренно акающимъ. Открытыя *а* и *о*, требующія сильнаго движенія губъ, употребляются у насъ лишь подъ ударе́ніемъ, неударяемое *а* (неударяемаго *о* у насъ нѣтъ) произносится нами какъ нѣсколько закрытое *а*, слѣдовательно, съ сравнительно слабымъ движеніемъ губъ, и слышится неособенно часто. За то у насъ въ большомъ употребленіи звуки *и*, *ы* и глухой близкій къ *ы*, произносимые почти безъ двиганья губами. Въ виду этихъ и другихъ особенностей нашъ говоръ можетъ быть причисленъ къ числу л е г к и х ъ для рѣчи. Употребляющіе его, начиная съ Ломоносова, находятъ его п р і я т н ы м ъ для слуха; но обиліе *ы* и глухаго близкаго къ *ы* едва ли можетъ производить на свѣжій и развитой слухъ пріятное впечатлѣніе, и потому, можетъ быть, болѣе правы наши окающіе сѣверяне, которымъ не нравится наша «высокая», какъ они выражаются, рѣчь (мы говоримъ, по ихъ мнѣнію, «свысока»).

Если мы обратимся къ московскому простонародному и п о д м о с к о в н о м у говору, то увидимъ, что никакихъ звуковыхъ особенностей онъ не имѣетъ. Главное отличіе его отъ нашего говора—въ формахъ и словарномъ матеріалѣ. Московское и подмосковное простонародье употребляетъ всѣ формы и огромное большинство словъ, которыя мы употребляемъ, но сверхъ ихъ, имѣетъ еще рядъ формъ и словъ, которыя намъ хорошо извѣстны, но которыя мы считаемъ вульгарными. Это формы: им.-вин. мн. ма́е (= мои), тва́е, род. мн. рублёфъ, бара́нкыфъ (рядомъ: бара́нокъ), дѣнъ, сажо́нъ (=дней, сажень), да ке́ихъ поръ, изъяв. н. жгетъ, повелит. н. пало́шь (=положи), пало́шти, ни трошь (= трогай), слышь, наст. времени хошь (= хочешь); это слова: пужа́ть, пуща́ть, жа́литца, убе́чь (= убѣжать), встре́тца (= встрѣтиться), сусе́тъ, уби́вицъ, е́фтотъ, но́нича, тапе́рича, да́вя, ту́тытка, дарма́, во́ (=вотъ), аттэ́дыва и т. п. Не безъинтересно замѣтить, что часть нынѣшнихъ вульгарныхъ формъ и словъ были въ употребленіи у всѣхъ Москвичей не только XVII в. (напримѣръ, у царя Алексѣя Михайловича), но даже XVIII в.; они встрѣчаются болѣе или менѣе часто въ литературномъ языкѣ писа-

телей XVIII в. Очевидно, наша интеллигенція утратила эти слова не ранѣе конца XVIII вѣка.

Нашъ умѣренно акающій говоръ не обладаетъ значительною территоріею. На сѣверѣ отъ Москвы, гдѣ не слышится оканья, на югѣ, на юго-востокѣ и на западѣ Московской губ. уже появляются особенности говоровъ сильно акающихъ. Говоръ Серпуховскаго и Верейскаго уѣздовъ имѣетъ бо́льшее количество случаевъ употребленія неударяемаго *а*, чѣмъ подмосковный. по́ля, мо́ря (им.-вин. ед., постоянно); сверхъ того, въ немъ древнее твердое *к* въ концѣ нѣкоторыхъ именъ и нарѣчій, передъ *а* и *у*, замѣняется мягкимъ: Ва́нька, капе́йка, чій*кю́* (откуда иногда мягкое *т* Ваньтя); появляются формы род.-вин. мине́, тибе́, сибе́ (рядомъ съ миня́), дат. мине́, табе́, сабе́ (рядомъ съ тибѣ), род.-вин ję́ (рядомъ съ ję́=ее), 3-го л. идетъ, идутъ, возвратн. залога скажуси, скажысси (рядомъ съ —*са*), мѣстоименіе 3-го лица иногда звучитъ *ѣнъ, јина́, јино́*. Говоръ сѣверныхъ частей Рязанской, Тульской и Калужской губ., вѣроятно, ничѣмъ или почти ничѣмъ не отличается отъ говора юга Московской губ. Но далѣе начинаются сильно акающіе говоры.

Сильно акающіе говоры, имѣя нѣкоторыя отличія другъ отъ друга (на которыя мы укажемъ ниже), въ общемъ представляютъ одно цѣлое, занимающее почти всю Калужскую, почти всю Тульскую, почти всю Рязанскую, почти всю Тамбовскую, всю Орловскую, всю Курскую, всю Воронежскую губ. [1]), весь великорусскій югъ, отчасти востокъ и западъ (о нихъ у насъ недостаточно свѣдѣній) Особенности этихъ говоровъ, повторяющіяся въ большинствѣ ихъ,—слѣдующія.

Гласные неударяемые. Мѣсто нашего неударяемаго *а* занято тоже *а*, но болѣе открытымъ, рѣзкимъ, произносимымъ отчетливо, непріятно для нашего слуха. Этотъ послѣдній звукъ слышится также на мѣстѣ всѣхъ *и* и глухаго близкаго къ *ы*—послѣ *ј*, мягкихъ согласныхъ, шипящихъ и *ц*: 1) въ слогѣ передъ ударяемымъ твердымъ слогомъ: пя́тока́ъ, часы́, шага́ть, цана́, пиряхо́ть, пяро́, вязу́, а нерѣдко и въ томъ же слогѣ передъ ударяемымъ мягкимъ слогомъ: шаги́, па цане́, вязли́, бяри́тя, нявёста (= везли ...), 2) въ слогѣ послѣ ударенія: скушала, пе́рятъ (= передъ), те́рямъ, въ те́рями; 3) въ концѣ словъ: по́ля, мо́ря, скаре́я, на во́зя, бяри́тя, ска́ча (= скачетъ), игра́я. Иногда *а* является даже на мѣстѣ древняго неударяемаго *и:* ба́рянъ (= баринъ), видя (видитъ). Вслѣдствіе этого употребленіе неударяемыхъ *и* и глухаго *ы* здѣсь ограничено; эти гласные всего чаще слышатся во 2-мъ слогѣ передъ удареніемъ: *ји*рави́й, *пи*тачо́къ, *ты*рапи́ть, *зы*хате́лъ, и то не всегда (мо-

[1]) Мы говоримъ, конечно, только о великорусскихъ частяхъ.

жетъ быть и *я*равóй, п*я*тачóкъ, з*а*хатéлъ, въ началѣ слова всегда *а* *а*ддалá), но *и* (послѣ *ж, ш, ц—ы*) сравнительно нерѣдко въ слогахъ передъ и послѣ ударенія при слѣдующемъ мягкомъ слогѣ: в*и*зли́, н*и*вéста, ж*ы*лéть, игрá*и*ть, слыш*ы*ть (3 л. ед.), и въ концѣ словъ (особенно послѣ гортанныхъ) на бéряг*и*, въ скаск*и* (сказкѣ).

Неударяемое *у* замѣняется чрезъ *в* и, на оборотъ, является на мѣстѣ *в:* *в*кралъ (= укралъ), *в* атцá (= у—), *у* гóратъ, *у*мéсти, *ув* афсé (= въ овсѣ)

Согласные. Конечные губные (особенно *п* и *ф*) звучатъ твердо: гóлу*п*ъ, любó*ф*ъ, даже се*м*ъ.

Губное *в* передъ *у* можетъ опускаться: карóушка (коровушка).

Гортанное *г* передъ гласными произносится или болѣе часто, чѣмъ у насъ, или даже постоянно какъ *h*.

Гортанное *к* передъ *а* и *у* въ концѣ словъ, при предъидущемъ мягкомъ согласномъ или *j*, звучитъ не твердо, какъ у насъ, а мягко: Вáнь*кя*, капéй*кя*, пáлыч*кя*, тóль*кя* (откуда иногда мягкое *т:* Вань*тя*). При шипящемъ *ш (ж)* сохраняется твердое *к:* бáбуш*ка*, дарóш*ка*.

Шипящія *ж* и *ш* при удвоеніи звучатъ твердо: ви*жжу*, во*жжы*, *шш*ука, *шш*адить.

Гласный *у* въ началѣ слова, если предъидущее слово оканчивается на гласный, можетъ имѣть передъ собой *j:* на *ю*лицы.

Между формами въ сильно акающихъ говорахъ распространены формы род.-вин. мин*é*, тиб*é*, дат. м*и*нé, т*а*бé, с*а*бé, род.-вин. jі*é*, я*é* (= ее), формы род. ед. женск. р. (особенно съ предлогомъ) не только на *ы*, но и на *é*: изъ ызб*é*, адъ жын*é*; формы род. ед. прилагат. и мѣстоим. не только на *вó*, *óва*, а*ва*, но и на *hó*, *óhа*, а*hа*. я*hó*, ча*hó*, дóбра*hа*; имен.-вин. мн. ма*é*, тва*é*, чь*é*, 3-го л. ед. и мн. на *ть* и безъ *ть:* ид*еть* или ид*еть*, ид*é*, или ид*é*, или и́д*я*, ви́дя*ть* и ви́д*я* (= видятъ), съ гортанными вмѣсто шипящихъ: пя*к*еть, пя*к*éть, возвратнаго залога на *си* (рядомъ: *ся*, рѣже *са*). скажу*си*, скажут*си*.

Существительныя средняго рода въ сильно акающихъ говорахъ болѣе или менѣе часто соединяются съ прилагательными и мѣстоименіями женскаго рода мая́ сялó (= мое село).

Мѣстоименіе 3-го лица обыкновенно звучитъ: *éнъ*, *янá*, *янó*.

Остановимся на отдѣльныхъ говорахъ сильно акающаго центра.

О говорахъ Калужской губ. мы имѣемъ мало свѣдѣній.

Въ говорѣ с. Воронцова, Тарусскаго у., аканье сильно: с*а*паги́, б*а*рматáть, б*я*рý, н*я*сý, даже. н*я*вéста. Сверхъ того: *г* = g (но: дру*х*ъ, род. мн. но*х*ъ), *у* вм. *в*, твердость двойныхъ *ж* и *ш*, *хв* вм. *ф*: *Хв*éня, *хв*áртукъ, формы род. дóбра*ва*, я*вó*, я*é*, 3 л. ед. ид*еть*, ид*е*, лю́б*я*, 2 л. мн. ид*éтя*.

Въ говорѣ Калужскаго, Перемышльскаго и Лихвинскаго у. отмѣчено: нясу́, ряка́, питачо́къ и пятачо́къ, ма́хынькихъ, вы балоти, ма́лай (им.), то́лькя, капе́нчкю, Ва́ськя (и Ва́сьтя, Перем. у.), увёсь, усе́, у ку́чу, дро́ў (род. мн.), в аднаво́; г произносится очень часто какъ h; вм. ф иногда слышится хв: Мархва, хвунтъ (но иногда звучитъ ясно); двойныя ж и ш тверды; ў передъ у: ю насъ (Лихв. у.). Формы род. ед. мине́ и миня́, куль сахе́ (около сохи), дат. табе́, мѣстн. ед. па тей даро́ги (= по той), им. мн. оны́, дат. мн. лашадёмъ, мѣстн. лашадёхъ (Кал. у.), 3 л. скида́итъ, гуля́ю (= гуляетъ, Лихв. у. [1]).

Мещовскій у.: жани́лися, въ насъ (= у насъ), ва мне́ (= у меня), ва чужихъ варотъ; формы род. ед. таé (= тебя), дат. таé (= тебѣ), род. у те (= у тебя), чаго́ и маво́ (= моего), дат. мн. сянёмъ, 3 л. ед (въ пѣснѣ) кого мнѣ любить будити. Мѣстоименіе що [2]).

Козельскій у. повидимому представляетъ (подобно Мещовскому у.) нѣчто особенное въ діалектическомъ отношеніи сравнительно съ восточною частью губерніи; по крайней мѣрѣ, по словамъ жителей восточной части уѣзда, въ Козельскомъ уѣздѣ такъ говорятъ, что «и понять нельзя».

Мосальскій уѣздъ, кажется, не отличается никакими выдающимися особенностями говора: маладешынька, ня пьеть, бири́тя, свиты́ = цвѣты, вино́къ, бирёза, у вм. в, мягкость к, твердость двойнаго ш, формы род мине́, 3 л. на ть: иде́ть [3])

Относительно говора Жиздринскаго у. мы знаемъ лишь то, что въ немъ есть мѣна ў и в.

Наблюдатель указываетъ, что «въ произношеніи Мосальскаго у. и западной части Жиздринскаго замѣтно вліяніе Бѣлоруссіи» [4]).

Наши свѣдѣнія о говорахъ Тульской губ. также не обширны.

Въ сосѣднемъ съ Московскою губ. Каширскомъ у. (с. Григорьевское) аканье еще слабо: бирў, нясў (чаще), рядомъ съ бярў, нясў (рѣже); мѣны ў и в нѣтъ; мягкое к обычно: чайкю́; двойныя ж и ш часто мягки (не всегда); Хфёдаръ; любо́фъ. Формы: род. мине́, не́,

---

[1]) Кирѣевскій, Пѣсни, VIII, 47; Аѳанасьевъ, Сказки, III; замѣтка М. Полѣвктова.

[2]) Калужскія Губ. Вѣд. 1860 г., № 27—28.

[3]) Р Филол. Вѣстн. 1879 г. № 1, стр. 98.

[4]) Матеріалы для географ. и стат. Россіи (Кал. губ), стр. 183. Отмѣтимъ кстати мѣстныя названія жителей. Жители западной части Мосальск. у. Калужск губ. и Брянскаго и Трубчевскаго у. Орловской извѣстны подъ именемъ полѣховъ, а жители вост. ч. Мосальскаго у. наз. поляне (Мат. для геогр. и стат. Р. Кал. губ., 184; Очерки Россіи, Пассека, IV).

тваяво́, чаво́; 3 л. иде́*ть* и иде́, съ стяженіемъ гласныхъ: зна*ш*ъ, мы де́ла*м*ъ [1]).

Около Тулы и у мѣщанъ самой Тулы аканье сильно: пято́къ, вязу́, часы́, жана́, ня зна́ю, до́брай, даже. мятеть, бяре́за, зяленай, пади́тя (пойдите), харашо́, тарапи́ть, мяло́й (милый), нячаво́ (ничего), но· бире́чь, ищо́, сича́съ, чиса́ть, ка́минь, чилаве́къ, на во́зи, на бе́риги, тырапи́ть [2]). Конечныя *п* и *ф* мягки: карапь, любо*фь*; *г* = *h* чаще, чѣмъ у насъ, но не постоянно: на биряhу́ (отсюда: бе́ряхъ, удру́хъ, нохъ). *ф* вмѣсто *хв*: *ф*остъ, *ф*о́ростъ; *х*, *хф* вм. *ф*: *х*рунтъ, *Хф*едаръ. Формы миня́, тибя́, jiе́, чаво́, до́брава, маво́; 3 л. ед. пьеть, жгеть, пьѐ, игра́ить, игра́я, хо́дя; можно указать еще на *а* вмѣсто *ое*: маво́, тваво́ (род.), на ф. сравнительной степ. на *я́я* (иногда). скаря́я [3]).

Село Боровково, Тульскаго у.: сыпаги́, бяру́, бяре́шъ, пирянясу́, дае́тя; мѣны *у* и *в* нѣтъ; мягкаго *к* нѣтъ; *ф* сохраняется; двойныя *ж* и *ш* тверды: пишша́ть (но: *щи*); кро*фь* (= кровь). Формы: род. мине́, тибе́, дат. табе́ и тибе́, род. яво́, маяво́ и маво́; 3 л. ед. иде́ть и иде́ть, иде́ и иде́, лю́бить и лю́бя, 3 л. мн. лю́бють, 2 л. ед. иде́шъ и иде́шъ, 2 л. мн. иде́тя и иде́тя, 1 л. мн. иде́мъ и иде́мъ; возвр. з. баю́ся, баю́сь, байсьси (2 л.).

Села Слободка и Богучарово, того же уѣзда: сыпаги́ и сапаги́, бяру́, бяре́шъ и бире́шъ, иде́тя, въ агаро́ди; *в* мине́ (= у меня), *у* свае́ время; чайкю́, до́чкя, то́лькя (Слоб.) и толька (Богуч.); пишша́ть, Хама́, *хв*унтъ· кро*фь*. Формы род. ед мине́, тибе́, дат. мине́, табе́, род. яво́, маво́; 3 л. ед. идеть, лю́би; возвр. з. на *ся* и *сь*.

Въ сосѣднемъ съ Тульскимъ Кропивенскомъ уѣздѣ говоръ почти тотъ же, что въ Тульскомъ. Только формы род. ед. звучатъ чаhо́, до́браhа, ф. 3 л. ед. пьеть (съ *е*, не съ *ѐ*); другія формы настоящ. вр пьешъ, пьемъ, пье́тя; отмѣчено употребленіе ф. дат. мн. въ значеніи твор.: бить нага́мъ. Замѣна *хв* черезъ *ф* здѣсь не отмѣчена [4]).

О говорѣ Новосильскаго у. наши свѣдѣнія скудны. Отмѣчено, рядомъ съ употребленіемъ *я* въ ляпе́шка, зна́я, лю́бя, ви́дя (3 л. ед.) и т. п., частое употребленіе *и*: риби́на, чисо́вня, чипра́къ, ридаво́й. От-

---

[1]) На основаніи сообщенія Н. М. Руднева. Онъ замѣчаетъ, что одна деревня Каширск. у., Хорошово, «поетъ».

[2]) Наблюдатель говоритъ: «въ Тульскомъ уѣздѣ неударяемое *я* почти никогда не переходитъ въ другіе звуки; напротивъ, существуетъ какое то особенное тяготѣніе къ этому звуку» (Р. Филологич. Вѣстн. 1883 г. № 3, стр. 28). Говоръ тульскихъ мѣщанокъ еще недавно былъ пѣвучимъ «Нѣтъ ничего непріятнѣе, какъ слышать разговаривающихъ между собою здѣшнихъ женщинъ. Одни слова они повышаютъ и тянутъ, другія понижаютъ и скрадываютъ» (Глаголевъ, Записки р. путешественника, съ 1823 по 1827 г. Спб. 1837, I, 28).

[3]) Р. Фил. В. 1880 г. № 2, 1883 г. № 3.

[4]) Р. Фил. В. 1880 г. №№ 2 и 4, 1883 г. № 3. Наблюдатель характеризуетъ кропивенскій говоръ· «произношеніе словъ бываетъ грубое и рѣзкое».

БИБЛІОТЕКА ЦЕНТРАЛЬНАГО МУЗЕЯ НАРОДОВѢДѢНІЯ.

мѣчены также ф. дат. и мѣстн. съ древними свистящими: на парóзи, въ кабацé, на вéрси, и ф. *таé, саé* (= тебѣ, себѣ) [1]).

О говорѣ Бѣлевскаго у. мы знаемъ лишь то, что въ немъ есть замѣна *в* черезъ *у: у* Тулѣ [2]); а о говорѣ Чернскаго у.,—что въ немъ формы род. ед. имѣютъ *h:* чаh́о.

Изъ говоровъ Орловской губ. мы имѣемъ немного свѣдѣній о говорахъ Елецкаго, Ливенскаго и Малоархангельскаго уѣздовъ.

О говорѣ Елецкаго у. наши свѣдѣнія скудны. Наблюдатель указываетъ на сильное аканье. бяжáлъ, Ялéцъ, знáя, вúдя (3 л. ед.) [3]), на *у* вм. *в* и на оборотъ. *узя́лъ, ув* Яльцý, *в*шолъ (= ушелъ), *въ* батюшки, на мягкое *к*, твердость двойнаго *ш*, формы 3 л. безъ *ть* (пайдé), ф. возвр. з. на *си*. Онъ отмѣчаетъ еще одну «важную» черту—мягкое *л*, «слышимое особенно въ женскомъ говорѣ» и близкое къ фран. *l* пришла, была [4]).

О говорѣ Ливенскаго у. мы знаемъ менѣе. Въ немъ отмѣчены только *у* вм. *в* и на оборотъ, твердое двойное *ш*, формы 3 л. на *ть* (идеть). Аканье его едва ли принадлежитъ къ числу особенно сильныхъ: жына́ [5]).

Говоръ Малоархангельскаго у. принадлежитъ къ числу очень сильно акающихъ. Въ немъ отмѣчены *у* вм. *в* и на оборотъ, формы род. ед. на *во*: яво́, дат. тибé, 3 л. ед. идéть, сикéть, 2 л. мн. идéтя, возвр. з. на *си* (рядомъ съ ф. на *са*) [6]). На мягкость *к* нѣтъ указаній.

Съ говорами Курской губ. мы сравнительно хорошо знакомы.

Говоръ Щигровскаго у. принадлежитъ къ числу очень сильно

---

[1]) Этнограф. Сборникъ, II, 94.

[2]) «Бѣлевское нарѣчіе, удаляясь отъ правильнаго тульскаго, приближается болѣе къ калужскому и отличается особеннымъ употребленіемъ предлоговъ, своемѣстнымъ выговоромъ словъ, незамѣтныхъ въ другихъ областныхъ нарѣчіяхъ. Въ короткомъ и звучномъ произношеніи мужчинъ слышно всегда грубое *о* и рѣдко встрѣчаются мягкіе тоны. Бѣлевецъ въ быстромъ, почти всегда визгливомъ выговорѣ звукъ *в* превращаетъ въ *у* и всегда говоритъ· былъ у Тулѣ. Такъ только говорятъ люди средняго класса. Въ выговорѣ поселянъ Бѣлевскаго уѣзда замѣтно болѣе пріятности и очень рѣдко можно встрѣтить людей съ городскими тяжелыми словами». Маякъ 1843 г., кн. 16, стр. 56 (смѣсь).

[3]) По его словамъ, во всемъ уѣздѣ выговариваютъ по-московски на *а* и весьма рѣзко.

[4]) Стаховичъ. Исторія, этнографія и статистика Елецкаго у. М. 1858 (то же въ Вѣстн. Имп. Р. Геогр Общ., ч. 25). Такое же *л* и тоже въ женской рѣчи, говорятъ, слышится въ Казанской губ.

[5]) Матеріалы въ «Сказкахъ» Аѳанасьева, 1-е изд., вып. 3-й.

[6]) Матеріалы въ «Пѣсняхъ» собр. Якушкинымъ и въ «Калѣкахъ» Безсонова.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА Общественных Наук Академии Наук СССР

акающихъ (бя́реза, на нявéстя, ви́дя, 3 ед., залату́я гривну, вин.). Глухое *ы* въ немъ большая рѣдкость и является иногда лишь во 2-мъ слогѣ передъ удареніемъ (тарапи́ть, залато́й); неударяемое *и* на мѣстѣ древнихъ *я*, *е* употребляется тоже не часто или во 2-мъ слогѣ передъ удареніемъ (пиляна́), или послѣ удареніе (ако́ничкя); *у* и *в* мѣняются; мягкое *к:* чайкю; двойныя *ж* и *ш* тверды; конечное *п* твердо: го́лупъ; вмѣсто конечнаго мягкаго *ф*—твердое *в:* кровъ (=кровь), *г* постоянно =*h*; *хв* и *х* постоянно вм. *ф: Хведаръ*; формы род. мине́, тибе́; яво́; дат. мине́, табе́; род. тые́, адные́ (= той, одной), дат.-мѣстн. тэй, аднэ́й, твор. тэю, аднэ́ю; мѣстн. ед. муж.-ср. р. на *у*: у даму́, абъ мяшку́, на кану́, абъ няшша́стью; дат.-мѣстн. ед. ж. р. послѣ гортанныхъ на *и:* ряки́; рядомъ ф. дат.-мѣстн. ед. ж. р. съ древними свистящими: на даро́зя, на руце́; 3 л. ед. нясе́ть, нясе́, лю́бя; 3 л. мн. жужжа́, гавар*я́* (но: идуть); при ф. возвр. з. на *си* нерѣдки ф. на *ся* (не *са*) [1]).

Въ Тимскомъ [2]) и Старооскольскомъ [3]) уѣздахъ говоръ тотъ же, что въ Щигровскомъ. Въ Старооокольскомъ отмѣчены ф. род. на *ho:* яго́, и ф. 3 л. иде́ть.

Въ Обоянскомъ и Суджинскомъ у. глухое *ы* совсѣмъ неизвѣстно (тарапи́ть), но *и* на мѣстѣ *я*, *е* очень распространено, такъ что рядомъ съ сястра́, бяреза, ба́бя (дат.)—слышится систра́, бире́за, у по́ли. Другія особенности тѣ же, что въ Щигровскомъ у. Можно отмѣтить только ф. род. на *ho:* яго́, до́брага, тіе́, сіе́ (= тебя, себя), дат. *таé*, *саé* (= тебѣ), дат.-мѣстн. ед. ж. р. бядо́, на ряки́, а блахи́, мѣстн. муж.-ср. р. на *у* абъ Якаву́, при Ивану́, на канцу́, при грашу́, абъ сяну́, (отъ сѣно), ув акну́ (рядомъ: на кани́, абъ рубли́), 3 л. ед. нисе́ть, лгеть и нисе́, 2 л. нисе́шь, нисе́тя (съ *е*), 3 л. мн. стаи́, спиша́ (но нясуть). Сверхъ того, здѣсь слышны ф. дат.-мѣстн. женск. р. на *ый* (вм. *ой*): тэ́й, аднэ́й [4]).

О говорѣ Новооскольскаго у. можно сказать, что онъ занимаетъ среднее мѣсто между говоромъ Щигровскаго у. и говоромъ Обоянскаго. Глухое *ы* въ немъ неизвѣстно; *и* вм. *я*, *е* нерѣдко: начи́вать, лита́ть, тысича. Но формы *тіе́*, *сіе́*, *таé*, *саé* также неизвѣстны (вмѣсто нихъ *тибе́*, *табе́*). Ф. род. имѣютъ оконч. *ho:* яго́, но рядомъ отмѣчена форма

---

[1]) Матеріалы, прекрасно записанные, въ Р. Филол. Вѣстн. 1879 г. и слѣд. Описаніе говора тамъ же, 1879 г. № 2.

[2]) Матеріалы въ Трудахъ Курскаго Губ. Статистич. Комитета, вып. I. Курскъ, 1863.

[3]) Филологич. Зап. 1867 г.

[4]) Матеріалы и описаніе въ Трудахъ Курск. Г. Стат. Ком.. вып. I.—Р. Филог. В. 1889 г. № 1; Этнограф Сб., V. О «салнахъ» (какъ называютъ жителей Об. и Судж. у.. оть дат. *саé?*) см. также ст. Добротворскаго въ Вѣстн. Евр. 1888 г. № 9.

зилянóва; ф. 3 л. нисéть и нисé, 2 л. нисéшь, 3 л. мн. спишá и идýть, возвр. з. на *си* и на *ся* [1]).

Говоръ Бѣлгородскаго у. принадлежитъ къ числу смѣшанныхъ. Аканье его очень близко къ аканью предъидущаго говора. Глухаго *ы* почти нѣтъ (только послѣ шипящихъ: *жы*нá); *и* вм. *я*, *е* нерѣдко. Формы род. минé, тибé, явó, свавó, дóбрава; ф. дат. *ти*бé, 3 л. на *ть*, возвр. з. на *сы*: зашыталсы, лажылсы. Рядомъ съ этими великорусскими особенностями есть малорусскія: спорадическое неударяемое *о*: молодéцъ, гóлосомъ; спорадич. *и* вм. *ъ*: гъ жыни; спорадич. согл. звонкіе вм. глухихъ: дорóжка (рядомъ· пать кустóмъ) [2]).

Говоръ Путивльскаго у. также принадлежитъ къ числу смѣшанныхъ. Глухое *ы* неизвѣстно, *и* вм. *я*, *е* сравнительно часто: *ги*звóй, *ди*вя́тай (рядомъ, чаще. бя́реза, вяли́кай). Формы род. на *ho*: яго; ф. род.-дат.-мѣстн. ж р. на *э́й*: аднэ́й, святэ́й, какэ́й, балышэ́й; ф. дат.-мѣстн. ж. р. на *ы*: къ жаны, на травы; ф. тв. мн. на *мы*: саньмы, слизáмы; ф. крыю, мыю. Рядомъ съ великорусскими особенностями мы находимъ въ этомъ говорѣ черты малорусскія и бѣлорусскія. Таковы еще: спорадическое *и* вм. *ъ*: *си*яли = сѣяли, паглядили; двойныя *л*, *н*, *д* и др. вмѣсто *ль*, *нь*, *дь*: наллю́ = налью, вýгалля, замирéння; звонкіе въ концѣ и серединѣ словъ: годъ, грыбковъ, слезки, *в* вм. *л* въ ф. прошедш. вр.: давъ=далъ; ф. 3 л. *ёсть*=есть [3]).

Вотъ наши свѣдѣнія о говорахъ Рязанской губ.

Говоръ Зарайскаго у, повидимому, близокъ къ подмосковнымъ. Отмѣчено только: пиринóсъ и пирянóсъ, и частое *г*=*g*.

Говоры центра и юга Ряз. г.—уже сильно акающіе, съ мягкимъ *к*: чай*кю́*, твердыми двойными *ж* и *ш*, съ *j* передъ *у* въ началѣ словъ послѣ гласныхъ: на *ю*лицу, съ прилагат. женск. р. при существит. средн. р.: густа́*я* дирявцó, худа́*я* вядрó; мѣна *у* и *в* въ нихъ сравнительно рѣдка и не повсемѣстна.

Изъ нихъ въ говорѣ Скопинскаго у. отмѣчено: шылíшъ, жылеть, лéнтыми (тв.), пиляна́, сирядú, жанúхъ, выпялъ, вытащялъ (=выпилъ, вытащилъ), подáйтя, въ убóри, даже касýя (вин. ед. ж. р.); *г*=*h* (нохъ, дéняхъ, род.); формы род. минé и миня́, явó, свавó, јеé, дат. табé, мѣстн.

---

[1]) Р. Филол. В. 1884 г. № 2.

[2]) Тамъ же 1882 г. № 1. О «курскомъ нарѣчіи» (такъ авторъ называетъ говоры всей Орловской, Курской и юго-зап. частей Калужской и Тул. губ.) см. интересную ст. Васьянова въ «Очеркахъ Россіи» Вад. Пассека, вып. IV. М. 1840. О немъ же ст. въ Пам. кн. Курск. губ. на 1893 г. Матеріалы на одномъ изъ курскихъ говоровъ въ Р. Фил. В. 1879 г. № 1, на другомъ—въ «Сказкахъ» Аѳанасьева.

[3]) Р. Фил. В. 1886 г. № 4.

на *у*. на мо́стик*у*; 3 л. аре́*ть* (и безъ *ть*), возвр. з. ко́нчила*съ* и купала*си;* мѣстоименіе (мѣстами) *що* [1]).

Въ одномъ говорѣ Данковскаго у. (дер. Чернышовка): пяро́, жана́, лятéли, при чиво́, свича́, вилю́, по́гр*и*пъ. въ по́л*и*, на ахо́тушк*и*; сверхъ того: формы род. чиво́, сваво́, 3 л. на *ть*. Еще: патъ кра́сн*ую* акошичк*у*. Въ другомъ говорѣ того же у. (д. Гремячка): малада́, жана́, рядомъ съ запр*и*гу́, л*и*са́ (=лѣса), сп*и*шы́лъ; сверхъ того, мягкое *жд* вм. *жж* въ съи*жд*я́лъ (=съѣжжалъ); формы род. чиво́, 3 л. на *ть* [2]).

Говоръ Раненбургскаго у. имѣетъ глухое *ы* во 2-мъ слогѣ передъ удареніемъ и въ слогѣ послѣ ударенія: т*ы*рапи́ть, по́ м*ы*рю (также ж*ы*лéть); въ немъ обычно *и* передъ удареніемъ и послѣ ударенія: б*и*реза, в*и*зли́, с*и*стра́, ка́м*и*нь, ска́зыва*и*ть, на во́з*и*, на бéриг*и*, рядомъ съ с*я*стра́, *я*во́, ч*а*ты́ри, игра́*я* (3 л.); *г* = *h*; мѣны *у* и *в* нѣтъ; двойное *ж* можетъ быть мягко (ви*жжю*), но двойное *ш* твердо; вмѣсто мягкаго *к* мѣстами—мягкое *т*: Вань*тя*; формы род. *ѵ*е́, *я*е́, *я*во́, до́бры*ва;* 3 л. ед.—прид*еть* и прид*е* (ф. 3 л мн. безъ *ть* нѣтъ); ф. возвр. з. оканчиваются на *си* и на *ся* [3]).

Говоры заокской части Рязанской губ. принадлежатъ къ числу переходно-смѣшанныхъ и соединяютъ въ себѣ черты акающихъ говоровъ съ чертами говоровъ окающихъ, и, сверхъ того, имѣютъ не мало своихъ собственныхъ своеобразныхъ чертъ.

«При переѣздѣ черезъ Оку (съ юго-востока), говоритъ наблюдатель, мы слышимъ говоръ южно-рязанскій лишь на разстояніи какихъ-нибудь 10—15 верстъ, и то съ легкой примѣсью цоканья». Здѣсь, въ Спасскомъ у., при преобладающемъ *г*=*h*, есть и *г*=*g*. Далѣе, съ д. Деревенское, начинается новая группа говоровъ, занимающая большую часть Спасскаго и Касимовскій уѣздъ. Всѣ они болѣе или менѣе сильно акающіе. Одни изъ нихъ, большая часть, имѣютъ лишь *ц* (твердое) вм. *ч*, другіе (въ углѣ Касим. у. отъ р. Гуся, внизъ по Окѣ, до границы Тамбовской губ.)—взаимную мѣну ясныхъ *ц* и *ч*, третьи (центра Касим. у.) мѣняютъ средніе звуки: *ч* съ свистящимъ оттѣнкомъ и *ц* съ шипящимъ. Обширный районъ около с. Тумы, Касим. у, отличается шепелеватостью своихъ говоровъ; мягкое *с* въ немъ звучитъ съ шипящимъ оттѣнкомъ: де́с^{ш}ить (десять); такъ же, но кажется, рѣже, звучитъ мягкое *з*: *з*^{ж}има́, *з*^{ж}ять. Тотъ же районъ и еще нѣкоторыя мѣстности Касим. у. имѣютъ мягкія *д* и *т* (особенно *д*) съ свистящимъ оттѣнкомъ: а*дз*е́жа; а въ одной мѣстности (Парахинская волость на сѣверѣ Касим. у.) мягкое *д* звучитъ

---

[1]) Будде. Къ діалектологіи великорусскихъ нарѣчій. Изслѣдованіе особенностей рязанскаго говора. Варш. 1892 г.—Жив. Стар. 1894 г., I, 288, 290.

[2]) На основаніи сообщенія О. П. Семеновой.

[3]) Пам. книжка Рязанск. губ. на 1868 г., ст. Ермакова; Жив. Старина 1891 г., IV, 1894 г., II, матеріалы О. П. Семеновой.

также съ шипящимъ оттѣнкомъ: *аджежа*. Наблюдатель отмѣтилъ въ заокской группѣ говоровъ «растянутость рѣчи». которая сообщаетъ ей «какую-то особенную музыкальность». Ему послышались долгіе гласные въ разныхъ частяхъ словъ, но всего чаще въ концѣ ихъ; въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ (Китовская и Парахинская волости и с. Ярыгино Касим. у.) онъ слышалъ даже дифтонги *уо* и *іе*, подъ удареніемъ и безъ ударенія: зим*у́ой*, *у́*оба, прид*уо́*тъ (3 л. мн.), игр*а́ю*отъ (3 л. ед.), дыляк*уо́*; ста́н*іе*мъ. куп*іе*мъ (1 л. мн.), между прочимъ на мѣстѣ древняго *ѣ*: м*іе́*ра, п*іе́*сьня (съ преобладаніемъ то *і*, то *е*). Употребленіе *ў* вм. *в* въ этой группѣ очень распространено, даже между гласными, т. е. не только въ о́*ў*цы (рядомъ съ о́*ф*цы), ку́за*ў* (кузовъ), но и я*ў*о́ (рядомъ съ я*во́*); встрѣчается *ў* даже вм. твердаго *л* въ концѣ словъ. Кромѣ того, твердое *в* нерѣдко замѣняется черезъ *h* и *х*: *h* Масквé (=въ—), *h* вадé (въ—), *х* по́ля, *х* сабо́ри, ло*х*ка (ловко), дé*х*ки (дѣвки), жы*х*ъ (живъ), зубо́*х*ъ (род.), а мягкое *в* черезъ *j*: свякро́*j* (свекровь), любо́*j*и (любови), гало́*j*ки (головки) Наконецъ встрѣчается опущеніе *в* между твердыми гласными, между прочимъ въ формахъ род. п. *цао́* (чего), въ началѣ и въ концѣ словъ. Другія спорадическія черты. *у* вм. *о* безъ ударенія: за нявéст*уй*, самау́цк*уй*; глухое *ы* въ слогѣ передъ удареніемъ: г*ы*сти́ла, с*ы*сва́талъ; *е* вм. *я* апéть, дéдя, éсли; далѣе: *нн* вм. *дн*: а*нн*а́: *мм* вм. *бм*: а*мм*а́нъ; *жж* вм. *жд*. *жжя*ли=ждали, *жжы*=жди; двойныя *ж* и *ш* то твердыя, то мягкія: до*шъ* и до*жжé*фъ; *х* и *хв* вм. *ф*: Хéдя; изрѣдка замѣна мягкаго *д* черезъ *j*: па*j*емъ, хо*j*атъ, скла*j*ёшъ (Парах. вол.); мѣстами мягкость *к* (Китовск. вол.), мягкость *с* въ суфф. *ск*: атцо́*j*с*ь*кай.

Формы род. ед. *jie*, *тея́*, до́бра*в*а, *цао́* и даже *цо*; 3 л въ однихъ мѣстахъ (Спасск. у. и югъ Касим. у.) на *ть*, въ другихъ на *тъ* и безъ *тъ*, въ третьихъ рядомъ и на *ть*, и на *тъ*; 1 л. ед. со́*ўестю*ся, усту*пю́*, *спю*, возвр. з. иногда на *си*. Формы им. и вин. ед. ж. р. членныхъ прилагат.: изба бальш*а́*, рядомъ съ бальш*а́я*, и т. п. Формы члена сравнительно разнообразны: работу-*ту*, ба́бы-*ти*. Существит. ср. р. могутъ имѣть при себѣ прилагат. женск. р. Мѣстоименіе звучитъ: *што*, *ште*, *шчо*, *ще* [1]).

Говоры восточной чассти Егорьевскаго у., вѣроятно, близки къ говорамъ Спасскаго и Касимовскаго у.; во всякомъ случаѣ, они имѣютъ мѣну *ц* и *ч*.

Мы не богаты свѣдѣніями о говорахъ Тамбовской губ.

Въ сѣверной ея части, въ Кадомскомъ уѣздѣ, слышится (мѣстами?)

---

[1]) Свѣдѣнія объ заокской группѣ говоровъ—въ названномъ выше трудѣ Будде, въ его же соч. «Къ исторіи великорусскихъ говоровъ», Каз. 1896 (мы могли познакомиться лишь съ началомъ этого соч.), и въ его же «Отчетѣ» (Уч Зап. Каз. ун. 1895 г., I)

очень сильное аканье: т*а*рапи́ть, ч*а*тыр*я*, *я*що, н*я* уви́д*я*, бу́д*я* (3 л.), вме́ст*я*. Но есть и *и* передъ ударяемымъ мягкимъ слогомъ: б*и*ре́за. Кромѣ того, здѣсь отмѣчены мягкость *к*, формы род. *яе́*, *яhо́*, 3 л. приде́. Мѣстоименіе *что* звучитъ *що* [1]).

Говоры Шацкаго и Тамбовскаго у. акаютъ слабѣе: п*я*то́къ, пир*я*хо́тъ, но б*и*ре́за, н*и*ве́ста. Глухой извѣстенъ: т*ы*рапи́ть. Отмѣчены еще формы род. мин*я́*, і*е́*, возвр. з. на *си*. Ф. 3 л., повидимому, оканчиваются на *тъ* [2]).

Одинъ изъ говоровъ Липецкаго у., кажется, тожественъ съ тамбовскимъ. Рядомъ съ п*я*то́къ, бириге*тя* (2 л. мн.), здѣсь часты глухое *ы* (т*ы*рапи́ть, тите́рьк*ы*ю, твор.) и *и* (б*и*реза, па пре́жн*и*му). Отмѣчены формы род. мин*я́*, і*е́*, 3 л. ед. на *ть* и безъ *ть* (нисе*ть* и *ё*=есть), возвр. з. на *си*. Мѣстоименіе звучитъ *що*. Мѣны *у* и *в* и мягкаго *к* повидимому нѣтъ.—Другой говоръ того же у. акаетъ сильнѣе. б*я*ре́за, н*я*бе́снай, а́нь*я*лъ, зло́б*а*ю, игра́*я*, убе́йт*я* (рядомъ: э́нт*ы*ва, род.). Отмѣчены мягкость *к*, твердость двойнаго *ш* и ф. род. *яво́*. Мѣстоименіе звучитъ *що* [3]).

Воронежская губ. занята Великоруссами-переселенцами изъ разныхъ областей вр. нарѣчія. Названія селъ (напримѣръ, въ Воронежскомъ у.: Московское, Коломенское, Можайское, Мосальское, Данковъ) часто показываютъ, откуда вышли ихъ жители. Въ одномъ селѣ иногда живутъ переселенцы изъ разныхъ губерній. Отсюда разнообразіе мелкихъ чертъ въ говорахъ, говорятъ *яhо́*, ка*hо́* и *яво́*, ка*во́*, бяре́шъ и бяре́шъ, *што* и *що*. Отсюда насмѣшливыя прозванія, данныя жителями Воронежской губ. другъ другу: ягуны́, кагуны́, щекуны́ [4]).

---

[1]) Матеріалы въ «Сказкахъ» Аѳанасьева.

[2]) Матеріалы тамъ же (1-е изд. вып. 2).

[3]) Матеріалы тамъ же (вып. 2).

[4]) «Между Великороссіянами тѣ, которые принадлежатъ къ сословію однодворцевъ, особенно въ сѣверо-западной половинѣ губерніи, носятъ общее названіе талагаевъ или щекуновъ, по произношенію большею частію изъ нихъ *що* вм. *что*; принадлежащіе же къ разряду бывшихъ экономическихъ крестьянъ, наиболѣе поселенные по р. Форостани, въ уѣздахъ Воронежскомъ и Коротоякскомъ, называются цуканами, отъ цуканья, т. е. произношенія нѣкоторыми изъ нихъ буквы *ц* вм. *ч*. Талагаи называютъ себя старожилами и не знаютъ, откуда переселились сюда ихъ предки; у цукановъ, напротивъ, по большей части сохраняются въ памяти разсказы дѣдовъ о томъ, изъ какихъ мѣстъ они вышли; самыя названія многихъ селеній, въ которыхъ живутъ цуканы, ясно указываютъ на мѣста первоначальнаго ихъ жительства; напримѣръ, поселки Московскій, Мосальскій, Можайскій, Коломенскій, Коширскій, Одоевскій, Дорогобужскій, Новоклинскій, Верейскій, Мещовскій, Епифанскій. Замѣтимъ здѣсь кстати, что нѣкоторые экономическіе крестьяне, выселившіеся не изъ подмосковныхъ мѣстъ, не называются ни цуканами, ни талагаями. Точно также не встрѣчается этихъ названій въ юго-восточной половинѣ губерніи». Воронежскій Юбилейный Сборникъ, т. II, Ворон., 1886, стр. 269;—Ворон. Бесѣда, стр. 265.

Сѣверъ Воронежской губ. едва ли отличается отъ юга Тамбовской.

Середина ея, уѣзды Нижнедѣвицкій [1]) и Бобровскій [2]), имѣютъ говоры очень близкіе къ сосѣднимъ говорамъ Курской губ.— щигровскому и старооскольскому. Аканье здѣсь очень сильно: бя́реза, н*я*льзя́, н*я* е́здилъ, ве́с*я*лъ, игра́*я*, пла́ч*а* (3 ед.), бяри́т*я*, на во́з*я*, въ астро́г*я*, на маши́н*я*, даже жану́ маладу́*я*. Глухое *ы*—очень рѣдко (тарапи́ть); *и* вмѣсто *я*, *е*—чаще: б*и*ре́за, н*и*ве́ста, зна́*и*шъ, гр*и*бяшо́къ. Здѣсь отмѣчены *у* вм. *в* и на об., *г* «вообще» произносимое какъ *h*, мягкость *к*, твердость двойныхъ *ж* и *ш*, формы род. мине́, тибе́, 3 л. ед. нясе́*т*ъ и нясѐ, пякѐ, возвр. з. на *си*.

Говоръ мѣщанъ г. Воронежа, какъ многіе великорусскіе городскіе говоры, близокъ къ московскому простонародному. Аканье менѣе сильно, чѣмъ у крестьянъ Воронежскаго у. («послѣ шипящихъ чаще употребляется звукъ *ы*, звукъ же *а* служитъ признакомъ болѣе деревенской рѣчи»): ж*ы*на́, ж*ы*ла́ть, рядомъ съ к*а*рава́й, на́ш*а*му, ражж*а*ва́лъ, п*и*рида́йт*и*, р*и*бо́й, бу́д*и*ть. Отмѣчены формы: им. ед. на *и* вм. *я*: Ва́н*и*, ба́рышн*и*, ми́лы*и* мая́, ба́бы*и* схо́тка, род. ед. у рике́, у жыне́, окала талпе́, мѣстн. ед. въ гарьсьте́, фъ часьте́ [3]).

Теперь передъ нами акающіе говоры великорусскаго юга и востока, насколько мы ихъ знаемъ по наличнымъ скуднымъ даннымъ.

Говоръ городка Погара, Черниговской губ., принадлежитъ къ числу смѣшанныхъ. Аканье здѣсь очень сильное: бя́реза, мастя́ръ, игра́*я*, ви́д*я*, бяри́т*я*, тарапи́ть, рядомъ съ мыладо́й, го́рыду (дат.); *и* вмѣсто *я*, *е* сравнительно рѣдко (во 2-мъ слогѣ передъ удар. и въ концѣ словъ у хат*и*). Здѣсь отмѣчены *у* вм. *в* и на оборотъ, формы род. тябе́, я*е*, я*h*о́, свай*h*о́, дат. сабе́ и сябе́, 3 л. ед. нясе́, сид*и*ть (по-малорусски и бѣлорусски), и нѣсколько мало- и бѣлорусскихъ чертъ: звонкіе на мѣстѣ нашихъ глухихъ: разказавъ, *лл*, *нн* вм. *ль*, *нь*: куша*нн*я, *в* вм. *л* (прош. вр. на *въ*): бы*в*ъ, жа*в*токъ=желтокъ, замо*в*кли=замолкли, префиксъ *з* вмѣсто *с*, *из* (*з*робить), формы им. ед. муж. т*э*й (звѣрь), 3 л. *есть*, наст. вр. наш*ы*ю=нашью, неопр. н. стере*к*ти́, распра́ш*у*вать. Словарный составъ этого говора имѣетъ въ себѣ много мало- и бѣлоруссизмовъ (*што*) [4])

Въ восточной части Новгородсѣверскаго у., Черниг. губ. (близъ границы Орлов. г.), говоръ одинъ изъ самыхъ смѣшанныхъ, однако

---

[1]) Воронежскій Литературный Сборникъ, изд. П. Гарденинымъ Вып. I. Ворон., 1861.

[2]) Филолог. Зап. 1885 г., ст. Прядкина,=Воронежскій Юбилейный Сборникъ, т. I.

[3]) Пам. кн. Ворон. губ. на 1892 г., вып. II, Ворон. 1892, ст. Дикарева.

[4]) Матеріалы въ «Путевыхъ письмахъ» Якушкина (Основа 1862 г., № 1=Сочиненія Якушкина) и въ «Сказкахъ» Аѳанасьева. По Потебнѣ, говоръ Погара—великорусскій, переходный къ малорусскому («Замѣтки о малор. нарѣчіи», 3).

болѣе вр., чѣмъ мр. Звуки *е*, *и* часто (не всегда) смягчаютъ предъидущій согласный, при чемъ вмѣсто *е* подъ удареніемъ слышится *е*: теплая хата; *ѣ*=*е*, аканье сильное· *мая́*, *пале́но*, *тяли́ца*, *тябе́* (род.), *тяпе́ръ*, но лишь передъ удареніемъ. А рядомъ много особенностей малорусскихъ: сохраненіе неударяемыхъ гласныхъ послѣ ударенія (а иногда и передъ удар.), сохраненіе звучныхъ согласныхъ (*возъ* и т. п.), *дж* вм. *ж* (*дахаджати*), *в* вм. *л* (*давъ*, *вовкъ*), *зъ*, *одъ* вм. *съ*, *изъ*, *отъ*: *зъ* ро́ду, *зза* стала́. Сверхъ того, здѣсь *у* вм. *в*, *г*=*h*, формы род. на *hо* (свайго́), 3 л. ед. на *е* (по-мр.), возвр. з. на *са* (величáть*са*), *що*=што. Этотъ «сѣверскій» говоръ слышится, кромѣ вост. части Новгородсѣв. у., еще въ сѣв. части Глуховскаго у. Черн. г., въ юго-вост. углу Трубчевскаго и въ зап. части Сѣвскаго у. Орловск. губ. [1]).

Говоръ слободы Трехъизбянской, Харьковской губ., Старобѣльскаго у., близь границы Екатеринославской губ., принадлежитъ къ числу сильно акающихъ. Главная часть жителей этой слободы — переселенцы XVIII в. изъ Бѣлгородскаго у.; другая часть—переселенцы позднѣйшаго времени изъ Обоянскаго, Валуйскаго и Нижнедѣвицкаго у. Здѣсь говорятъ не только пято́къ, *часы́*, игра́*я*, но также· *бяре́за*, *пятачо́къ*, *е́здя*, *ви́дя* (3 ед.), *тарапи́ть*; впрочемъ *и* вм. *я*, *е* нерѣдко: *бире́за*, *зиле́най*. Здѣсь отмѣчены: *у* вм. *в*, формы род. *мине́*, *яhо́*, 3 л. *нясе́ть* (съ *е*, не *ѐ*) и *нясе́*, *литя́ть* и *литя́*. У позднѣйшихъ переселенцевъ слышно *кае́* и *що*=что [2]).

Говоръ слободы Бахмутовки, того же у., повидимому ничѣмъ не отличается отъ говора слободы Трехъизбянской. Отмѣчено: *вязу́*, *лячи́ть*, *вяре́вка*, *харани́ть*, рядомъ съ *бида́*, *бире́*, 3 л., *игня́ты* (=*ягн*—), и при *бу́де*, *ко́рме*, 3 л., *то́льке*; *у* вм. *в*, *г*=*h* (*издро́хъ*, прош.), мягкое *к*, иногда *х* и *хв* вм. *ф*, тверд. *шш*; формы род. ед. исъ *сало́ме*, съ *вадé*, *яhо́* и *иhо́*, *іе́*, *мине́*, вин. ж. р. *адныé* (=одну), род.-мѣстн. *адно́й*, мѣстн. на *каке́й* старане́, на *каню́*, 3 л. на *ть* и безъ *ть*· *виде́ть*, *ду́мае*, *ко́рме*, *лю́бя*, мн. ч. *мало́тя*, *ляжа́* (при *мало́тють*), 2 л. ед. *виде́шъ*. 1 мн. *виде́мъ* (съ *е*, не *е*), возвр. з. на *си*. *напье́шси*. Мѣстоименіе *што*. Въ словарѣ малоруссизмы [3]).

О донскихъ говорахъ мы мало знаемъ. Донцы-верховцы, говоритъ наблюдатель начала нашего столѣтія, «изъ той части Россіи, гдѣ говорятъ яго, чаго и подобныя имъ»; Донцы-низовцы ихъ называютъ чига (что имѣетъ бранное значеніе) [4]).

---

[1]) Р. Филол В. 1884 г. № 1

[2]) Этнограф. Сб., III.

[3]) Р. Филологич. Вѣстн. 1893 г, № 3.

[4]) Чтенія Общ ист. и др 1863 г. кн. 3.

Другой наблюдатель говоритъ: «Верховые казаки говорятъ нарѣчіемъ твердымъ, близко подходящимъ къ великороссійскому. За исключеніемъ звуковъ, происходящихъ отъ буквы *г*, которые они произносятъ безъ всякаго различія, совершеннаго отсутствія звука *щ*, небольшихъ другихъ мѣстныхъ оттѣнковъ, во всемъ прочемъ произношеніе ихъ мало отличается отъ сосѣднихъ съ ними губерній. Напротивъ того, произношеніе жителей низовыхъ очень мягко и бываетъ иногда, особенно у мужчинъ, до приторности нѣжно. Нарѣчіе это имѣетъ многіе оттѣнки малороссійскіе и греческіе. Не слѣдуетъ однако заключать, чтобы сдѣланное наблюденіе касательно верховыхъ казаковъ не имѣло вовсе исключенія. Въ самыхъ близкихъ къ Черкасску станицахъ замѣтны въ выговорѣ нѣкоторые оттѣнки, которые жители ихъ переняли отъ городовыхъ; также казаки, живущіе по Донцу въ станицахъ, ближайшихъ къ Харьковской и Екатеринославской губ., обнаруживаютъ вліяніе малороссійскаго выговора. Въ станицахъ же по Хопру, Медвѣдицѣ и Бузулуку, а также въ самыхъ верхнихъ по Дону—Казанской и Мигулинской, какъ мѣстахъ, ближайшихъ къ губерніямъ Воронежской, Тамбовской и Саратовской, вліяніе великороссійскаго выговора еще ощутительнѣе, нежели въ прочихъ станицахъ по Дону» [1]).

То же мы должны сказать о вр. говорахъ сѣвернаго Кавказа.

Жители станицы Темижбекской, Кубанской обл., переселенцы изъ Бахмутскаго у. Екатеринославской губ., имѣютъ сильное аканье: пя*т*о́къ, н*я*су́, б*я*ре́за, гра́*я*, ви́д*я* (3 л.), ту́*я* ризу (вин. ж. р.), съ употребленіемъ глухаго *ы* во 2-мъ слогѣ передъ уд.: т*ы*рапи́ть, к*ы* рики́, и *и*: *іе́*, *и*шо́ (еще). Здѣсь отмѣчены: *у* вм. *в* и на об., мягкость *к*, твердость двойныхъ *ж* и *ш*, формы род. мин*е́*, тиб*е́*, і*е́*, *яво́*, св*аво́*, 3 л. на *ть* и безъ *ть*: нясе*ть*, нясе́ [2]).

Жители Воронежской станицы (очевидно, переселенцы изъ Воронежской губ.) также акаютъ сильно: приди́т*я*, пиш*а* (3 ед.), но : с*ы* милы́мъ.

---

[1]) Донскія Войсков. Вѣдом. 1859 г., № 34. Здѣсь же мы читаемъ: «Трудно найти гдѣ-либо большую разницу въ физическихъ и нравственныхъ свойствахъ, въ образѣ жизни, нравахъ, обычаяхъ, одеждѣ, даже въ нарѣчіи, которая отличала и до сихъ поръ еще отличаетъ верховыхъ казаковъ отъ низовыхъ. Верховые казаки принадлежатъ къ породѣ блондиновъ, по большей части русые и сѣроглазые; настоящихъ же брюнетовъ между ними мало. Низовые казаки—по большей части брюнеты, черноглазые и черноволосые...» Савельевъ, Сборникъ донскихъ народныхъ пѣсенъ. Спб., 1866 г., стр 11, говоритъ о Донцахъ-низовцахъ: «ихъ не трудно отличить по говору, въ которомъ малороссійскія слова, подъ вліяніемъ мягкаго рязанскаго говора, получили своеобразный характеръ, да и всѣ другія слова выговариваются здѣсь до приторности мягко» У другихъ Донцовъ, по Савельеву, «рязанскій говоръ».

[2]) Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып III. Тифлисъ, 1883.

Отмѣчено: *у* вм. *в*, формы род. *яво́*, 3 л. ед. безъ *ть*, возвр. з. на *си* и *сы* (прашша́лсы). «Въ остальномъ мѣстный языкъ болѣе или менѣе подходитъ къ литературному русскому яз.» [1]).

О жителяхъ Великоруссахъ другихъ мѣстъ Кубанской обл. мы знаемъ лишь то, что они переселились изъ Елецкаго у, изъ Нижнедѣвицкаго у., изъ Курской губ., съ Дону [2]).

У жителей Терской обл. отмѣчены *у* вм. *в* и на об., формы род. съ *в* [3]).

Акающіе говоры сѣвернаго Поволжья—Нижегородской, Казанской, Пензенской и Симбирской губ. принадлежатъ переселенцамъ изъ разныхъ мѣстъ вр. центра, занявшимъ свои мѣста въ разное время, начиная съ XVII в., и смѣшавшимся съ переселенцами изъ-за Волги [4]). Отсюда въ ихъ говорахъ не рѣдкость особенности сѣверно-великорусскія, особенно мѣна *ц* и *ч*.

Наши свѣдѣнія о говорѣ Краснослободскаго у. Пензенской губ. ничтожны. Отмѣчено *ы* вм. *а* въ слогѣ передъ удареніемъ: цыре́фъ сынъ, цыре́вна, рядомъ съ *си*стра́, *ри*пе́й, сте́*ли*тся [5]).

О говорѣ Ардатовскаго у. Нижегородской губ. мы можемъ сказать лишь то, что аканье въ немъ неполное: на дваре́, пара́, сматри́, бяда́ и бида́, ба́ить, рядомъ съ *о*: Іого́рій. Глагольныя формы иногда съ *а* вмѣсто *ае*: знашъ, паде́лыватъ. Мягкаго *к* (чай*кю*) нѣтъ, мѣны *у* и *в* также. Мѣна *ц* и *ч* обычна: ноцью, сабацо́нка, ме́льнича, рытча [6]).

Въ говорѣ Сергачскаго у. той же губ. тѣ же особенности. Глухое *ы* повидимому въ немъ довольно употребительно: мину́тычка; неударяемое *и*—также: пытьсо́тъ, ныде́ля, мыня́, ны до́лга, лыса́ (рядомъ: па-дайди́, ваиво́ды). Мѣна *ц* и *ч*: тысяцы, загуляитча. Форма род.-вин. *тія́*=тебя [7]).

Наблюдатель, сообщая свѣдѣнія о селѣ Ульяновкѣ, Лукояновскаго у. Нижегор. г., даетъ понять, что въ этомъ селѣ «языкъ болѣе

---

[1]) Кубанскій Сборникъ, I, Екатеринодаръ, 1883, стр. 664.

[2]) Сборникъ.. для опис. Кавк., вып. VI.

[3]) Матеріалы въ Терскомъ Сборникѣ (приложеніе къ «Терскому Календарю» на 1891 г.), вып. I. Владикавказъ, 1890.

[4]) Шестьдесятъ лѣтъ назадъ юго-зап. часть Лукояновскаго у. Нижег г. состояла изъ двухъ деревень, а въ 1869 г.—изъ 14. Новыя деревни выведены изъ Орловской, Пензенской, Тамбовской, Нижегородской губ., изъ другихъ частей тогоже уѣзда (Нижегор. Сборникъ, II, Н.-Новгородъ, 1869). Переселенцы съ сѣвера были даже въ Тамбовской губ. Такъ, село Ново-Кирилловское, Спасск. у., основано въ XVII в. крестьянами изъ Бѣлозерскаго и Пошехонскаго у. (Тамб. Губ. Вѣд. 1887 г. № 27).

[5]) Пенз. Губ. В. 1865 г., № 43.

[6]) Русск. Филол. Вѣстн. 1879 г. № 2, стр 161—162.

[7]) Тамъ же, стр. 154—155.

правиленъ и болѣе пріятенъ для слуха» [1]), чѣмъ въ другихъ селахъ того же у., слѣдовательно, болѣе близокъ къ подмосковному. Въ немъ отмѣчено: з*и*мля́, дь*и*чо́къ, *си*дло́, гр*и*да́, рядомъ съ ч*а*во́, ж*а*ва́ть, даже х*а*рашо́, ч*а*лавéкъ. Но говоръ другихъ мѣстъ того же у., намъ извѣстныхъ, акаетъ не сильнѣе: *и*що́, гл*и*жу́, *си*ло́, хр*и*ста́ми (=крестами), п*и*ризабылъ, вы́д*и*ти, встава́йт*и*, рядомъ съ п*а* кане́цъ стала́, аст*а*нави́лася, *я*му́, зиле́н*а*ва, мало́динък*а*й, слугу вѣ́рн*а*ю, бу́йн*а*ю го́лаву. Глухое *ы* здѣсь извѣстно: маладéхынька. На мягкое *к* нѣтъ указаній (напротивъ: малодиньк*а*й, горьк*а*я). Формы род. имѣютъ *в*: к*а*во. Замѣна *ч* черезъ *ц* широко распространена: клюцы́, *ц*ужо́й, вéцыръ. Отмѣтимъ еще формы: *сво* дабро, так*а́* тривога, м*а*во́ [2]).

Одинъ акающій говоръ Курмышскаго у. Симбирской губ. также принадлежитъ къ умѣренно акающимъ: д*и*фчо́нка, тр*и*хнéмъ, в*и*сно́й, б*и*ру́тъ, в*и*за́ть; но послѣ шипящихъ и *j* вмѣсто *и* въ слогѣ передъ ударенiемъ является *а*: ж*а*ну́, ч*а*во́, *я*во́, *я*му́. Глухое *ы* нерѣдко: я́блычкыфъ (род.), мо́шкыфъ (отъ мошка). Стяженіе *ае* въ *а*: б*а*ть, зн*а*ть, м*а*му́, тв*а*му́, даже цалу́тъ (=цѣлуетъ), мо́тъ (=моетъ). Формы род.-вин. т*iя́*, с*iя́* (=тебя, себя), дат. т*iе́*, с*iе́* (таб*е́* и себ*е́* неизвѣстны). Формы 3 л. на *тъ*. Формы имен. мн. худэ́и, прастэ́и, другéи, род. худэ́хъ, дат. худэ́мъ и т. д. Мѣны *у* и *в*, *ц* и *ч* здѣсь нѣтъ; мягкаго *к* также. Другой акающій говоръ того же у. (въ 2-хъ верстахъ отъ 1-го) имѣетъ болѣе сильное аканье: дял*а́* и т. п. [3]).

Говоръ Лаишевскаго у. Казанской губ. принадлежитъ къ числу смѣшанныхъ. Наблюдатель даетъ намъ о немъ очень немного свѣдѣній, изъ которыхъ видно лишь то, что аканье этого говора умѣренное, съ частымъ употребленiемъ глухаго *ы* и *и*: сыпаги́, о́стрыфъ, са́хыру (даже вмѣсто *у*, во 2-мъ слогѣ передъ ударенiемъ: мыжыки́, кылачи́ща=м*у*жыки, к*у*лачище). Остатокъ оканья—*о* на мѣстѣ древняго *о* въ слогѣ передъ ударенiемъ. сыпост*а́*ть, пыстом*е́*ля, сыдом*о́*йка [4]).

О говорахъ Чистопольскаго у. той же губ. мы знаемъ очень немного. Одинъ изъ нихъ имѣетъ: го́л*а*сь, къ н*я*му́, л*я*та́ть, лу́тч*а*, дво́*я*, тре́тяй (имен.), даже к*а*лати́лса, рядомъ съ *ц*що́, бу́д*и*тъ (=будетъ), на даро́г*и*, на све́т*и*, вмéст*и*, ден*и*къ (род.). Въ немъ можно еще отмѣтить: зн*а*шъ, зн*а*тъ (=знаетъ), научáтъ [5]).

Объ южно-великорусскихъ говорахъ Саратовской губерніи мы имѣемъ очень мало свѣдѣній. Наблюдатель говоритъ, что одни изъ нихъ—

[1]) Этногр. Сборн., I, 35.

[2]) Р. Филол. В. 1879 г. № 2, стр. 155 слѣд. Діалектологическая карта Лукояновскаго у., съ объясненіями Б. М. Ляпунова, въ Жив. Стар. 1894 г., II.

[3]) Archiv fur slav. Philol. X, 350.

[4]) Р. Филолог. В 1884 г. № 4; 1883 г. № 2.

[5]) Матеріалы въ «Ск.» Аѳанасьева.

«акающіе по-московски», а другіе—«акающіе по-рязански»; приведенныя имъ записи пѣсенъ на говорѣ Петровскаго у., «акающемъ по-московски», показываютъ, что этотъ говоръ дѣйствительно неособенно сильно акаетъ: в*а*р*а*та́, в*я*сна́, *я*во́, п*и*р*и*ста́лъ, р*и*би́на, де́в*и*ть; мѣны *у* и *в* нѣтъ, мягкаго *к* нѣтъ; формы род. *jie*, мин*я́*, дат. с*и*бе́, 3 л. на *тъ*: зн*атъ*, возвр. з иногда на *си* [1]).

Говоры южнаго Поволжья намъ почти совсѣмъ неизвѣстны. Отмѣчено, что въ Енотаевскомъ у. Астраханской губ. обычны мѣна *у* и *в* и замѣна *ф* черезъ *хв* (*Хв*ока) и что мѣстоименіе въ немъ звучитъ *що* [2]).

Обратимся на сѣверо-западъ. Относительно западныхъ уѣздовъ Московской губ. мы не имѣемъ почти никакихъ свѣдѣній [3]).

Въ Старицѣ, Тверской губ., по словамъ наблюдателя, «крѣпко звучитъ *а*· г*а*л*а*ва», слѣдовательно—говоръ сильно акающій [4]).

«Нарѣчіе тверское чисто», говоритъ наблюдатель начала нынѣшняго столѣтія; онъ приводитъ: *а*на́, *а*дна́к*а*, дат. ма́тушк*и*.

Нарѣчіе Вышняго Волочка, по словамъ того-же наблюдателя, «совсѣмъ отмѣнное отъ новгородскаго и по выговору на *а* ближе подходитъ къ московскому, имѣя въ отмѣну странные недостатки въ удареніи». Отмѣчено сильное аканье и *и* вм. *ѣ*: н*я*в*и́*ста, л*и́*т*а* (им. ед.), п*а*йде́ти ли вы на б*я*с*и́*ду [5]).

Вышневолоцкій говоръ—одинъ изъ переходныхъ говоровъ отъ южновеликорусскаго поднарѣчія къ сѣверно-великорусскому (*ѣ* = *и*). Близокъ къ нему, повидимому, говоръ большей части Осташковскаго у. Наблюдатель не говоритъ объ его аканьѣ, но указываетъ на формы род. на *е́* ух*е́* и дат.-мѣстн. на *ы*: трав*ы́*, твор. мн. на *мъ*: видѣлъ глаза́*мъ*, 3 л. безъ *тъ*: пье, сп*и*, сид*и́*, на дѣеприч. ушо́т*ц*ы [6]).

Великорусскіе говоры Смоленской губ. — сильно акающіе съ

---

[1]) Соколовъ, Былины, историческія.. пѣсни, записанныя въ Сарат. губ., Петровскъ, 1896.

[2]) Матеріалы въ «Ск.» Аѳанасьева (1-е изд., вып. 3-й). Мы имѣемъ еще старыя свѣдѣнія о крестьянахъ Бузулуцкаго у. Самарск. губ., что они «въ нѣкоторыхъ словахъ» произносятъ *дз* вм *д*, *ти* вм. *ц*: *дз*ѣти, *дз*ѣвка, *ти*ебѣ, *ти*ерпѣ*ть* (при: *д*ѣла*ть*, бога*тѣть*) Мы не знаемъ, окаютъ они, или акаютъ (Моск. Телеграфъ 1830 г., ч. 35, стр. 33).

[3]) Матеріалы изъ Можайскаго у. въ «Калѣкахъ» Безсонова

[4]) «Записка о г. Колязинѣ» въ «Архивѣ» Калачова.

[5]) Русскій дорожникъ для употребленія на пути между столицами. Изд. 2-е. Спб. 1802, стр. 162, 112—113.

[6]) Сѣверный Вѣстникъ 1891 г., № 8, стр. 141—142, ст Анучина.—Островскій, ѣдучи изъ Торжка въ Осташковъ по глухому тракту, замѣтилъ, что его ямщикъ говоритъ «на какомъ-то едва понятномъ нарѣчіи» (Морск Сборникъ 1859 г., № 2, стр. 206).

большимъ или меньшимъ количествомъ чертъ свойственныхъ бѣлорусскому нарѣчію.

Въ говорѣ Сычовскаго уѣзда (села Бехтеево и Хотьково, волость Панинская) отмѣчено: малады́хъ, нявѐста, пажалуйтя, рядомъ съ ы и и въ слогѣ послѣ ударенія: мо́лыдицъ, на во́рыным ко́ни; у и ў вм. в: узя́лся, Пятро́ў день; двойное н вм. нь удивле́нння, формы род. ед. мине́, каво́, мѣстн. у чужыхъ люде́хъ, 3 л. на ть.

Въ говорѣ Гжатскаго у. (сс. Скугарево и Вырье) отмѣчено: назави́, маямў, сястри́ца, придумайтя, при иво́ (= его); у и ў вм. в; формы род. чужо́ва, мѣстн. въ чужо́хъ люде́хъ, 3 л. на ть.

Говоръ Вяземскаго у. (с. Новоселье)—вполнѣ переходный. Аканье сильно: маладая, цвято́къ, дянёкъ, ударьтя, рядомъ съ жына́, дисятый, жо́лтыва (род.) и при изрѣдка встрѣчающемся глухомъ ы въ слогѣ передъ ударенiемъ: стыять. Отмѣчено также у вмѣсто неударяемыхъ о и е: пу палти́ни, цулува́тца, падру́жунька. Еще отмѣчено: у и особенно ў вм. в: де́ўка, Миха́йлыўна, гри́ўна, формы им. ед. мило́й, прасто́й, род. ед. рядомъ тако́га и варано́ва, майво́, мине́ и миня́, мѣстн. ва тэй го́ринки, твор. залатэю гриўнаю, им. мн. уси гости, 2 л. иде́шъ, 3 л. на ть.

Говоръ Юхновскаго у. (с. Побитое)—также вполнѣ переходный. Отмѣчено: чаво́, ня пьють, нявѐста и зимля́, твор. ко́сынькуй, у и ў вм. в и на оборотъ, формы им. ед. данско́й казакъ, род. твайво́, тибе́ и тибя́, яе́, мѣстн. на блю́дичку, 3 л. на ть, 2 л. возвр. з. ка́исьтя (= каешься) [1]).

Вотъ наши свѣдѣнiя о говорахъ Псковской губ., соединяющихъ въ себѣ черты акающихъ и окающихъ великорусскихъ говоровъ съ чертами бѣлорусскаго нарѣчiя.

Говоръ Псковскаго у. принадлежитъ къ числу смѣшанныхъ, и рядомъ съ аканьемъ, довольно сильнымъ (гаварю́, барада́, кыграмы́селъ), и и вм. я, е (тилёга, Питра́ Питро́вича, пике́, ина́=она́, де́лаи, 3 ед.), здѣсь существуетъ оканье (одва́, ошшо́, ело́вый, ёму́), у вмѣсто неударяемаго о (курми́лицъ, куне́къ) и ц вм. ч и на об. (цашка), а кое-гдѣ и вмѣсто ть (мни, теби́, ни́ту). Затѣмъ отмѣчены: в вм. у (въ Ивана, въ залофки), формы род. на о́ва, дат.-мѣстн. ж. р. па изби́, формы твор. мн. тремъ мыламъ вымывалася, зъ гарячимъ слязамъ, 3 л. ед. безъ ть (нисе́, пике́, лю́би), возвр. з. на си (jиви́лси=явился) [2]).

---

[1]) Матерiалы въ Смоленскомъ Сборникѣ Добровольскаго, ч. II, Спб. 1894.

[2]) Псковской на 1871 г. Статистич. Сборникъ, Псковъ, 1871 (здѣсь на стр. 108 «и въ этомъ уѣздѣ, какъ и во всей Псковской губ., есть много разности въ произношенiи словъ»).—Живая Старина 1891 г., III, стр. 202.—Васплевъ. Опытъ статистич.-географ. словаря Псковскаго у. Псковской губ. Псковъ. 1882 – «Р. нар. пѣсни» Шейна.

Говоры береговъ Псковскаго озера (Псковскаго же у.)—акающіе лишь отчасти. Въ слогахъ передъ удареніемъ въ нихъ сильное аканье (впрочемъ иногда въ слогѣ передъ удареніемъ слышится звукъ близкій къ *о*), а въ слогахъ послѣ ударенія *о* и *е* по большей части сохраняются. Другія черты представляютъ пеструю смѣсь особенностей и акающихъ, и окающихъ говоровъ, а сверхъ того, нѣчто такое, что имѣетъ полное сходство съ данными псковскихъ книгъ XIV—XV вѣковъ.

Въ говорѣ деревень Любовка и Любницы отмѣчено *х*аладнó, *ч*алавéкъ, тяплó, вц*а*рá, вязде́, бярй, рядомъ съ пылажы́ (повел.), *ў* вм. *в* и на оборотъ: *ў* лясу́, *въ* мяня́; *г* = *g*; *ц* вм. *ч* (чаще) и на оборотъ (рѣже); *и* вм. *ъ* въ формахъ мѣстн. п. ед.: фъ катлѝ, въ рякѝ; группа *дн* звучитъ *нн*: ви*нн*о; двойное *ж* твердо: да*жж*á. Далѣе: мягкія *д* и *т* всегда съ свистящимъ оттѣнкомъ; спорадически вмѣсто мягкаго *с* слышится *ш*: пе́*ш*ня = пѣсня, кра*ш*и́ва = красива, а вмѣсто *ж* изрѣдка *з*: музы́къ = мужикъ. Формы: род. мяня́, тв. мн. почти всегда на *мъ*, 3-го л. на *тъ* и безъ *тъ*: ед. тке́*т*ь, пае́, спи, мн. ч. спя. Прилагательныя часто имѣютъ формы им. и вин. ед. съ стяженіемъ гласныхъ: ста́*ра* кака́=старая какая; сравнит. степень скаре́ и скаре́*е* = скорѣе.

Въ говорѣ сосѣдней (въ двухъ верстахъ) съ предъидущими деревни Колпино въ общемъ тѣ же черты. Отмѣчено: пахаро́нъ (род.), вяду́, дызваля́ю, рыбата́ть, су́пр*и*тки (супрядки), даже: *у*табью́, *у*таймý, съ *у* вм. *о* въ 2-мъ слогѣ передъ удареніемъ, *ў*се, *вў* атца́ (у отца́) де́*ў*ошекъ (род.); *г* = *g*, но не мало словъ съ *h*: паро́хъ (им.), бе́хъ (прош.); *ц* вм. *ч* (даже *ц*то); изрѣдка *и* вм. *ъ*: насмѝшка, особенно въ формахъ мѣстн. ед.: въ рукѝ, на дварѝ; *нн* и *н* вм. *дн*: урянникъ, сты́но. Мягкія *д* и *т* съ болѣе сильнымъ свистящимъ оттѣнкомъ: *дз*верь; спорадическое мягкое *ш* вм. мягкаго *с* и *з* вм. *ж* болѣе часты: пе́*ш*ня, *ш*яштра́ (сестра), *ш*е́ни, *ш*ито, не*ш*и́ (повел.), шпа*ш*ибо, ви*ш*ю (всю), распутля́*ш*ся (прош.), цуза́ старана́, саза́лъ (прош.), Бозе (зв.); сочетаніе *ай* послѣ ударенія звучитъ *эй*: сва́т*эй* (повел.), также какъ и сочетаніе *ой* въ твор. ед. Формы: им. ед. муж. на *ы* и *и*: бо́нны = бѣдный, род. ко*во*, ма*во́*, мяня́, у *тя*, дат. тябе́, дат.-мѣстн. вады́, травы́, вин. *яну́* (ее), тв. мн. на *мъ*, 3 л. безъ *тъ* и съ *тъ*: иде́, е́ди, стаи́, хо́ча (ед.), зажгу́ (мн.); глаголъ *буду* имѣетъ вмѣстѣ съ обычными сокращенныя формы: 2 л. ед. *бу́деш*ь, *буш*ь, 1 мн. *бум*ъ. Существительныя ср. р. часто сочетаются съ прилагат. женск. р.

Въ говорѣ Холмскаго у. отмѣчено: *въ* насъ = у насъ, *уся́*, формы род. тебя́, мово́, молодо́*ва*, дат. Фомы́, тв. мн. алымъ ленточкамъ [2]).

---

[1]) На основаніи замѣтокъ Ж. Р. Моммитонмэ

[2]) Плохо записанные матеріалы въ Псковск. Губ. Вѣд. 1893 г., №№ 31, 32, 1894 г., № 26. Вѣроятно, холмскій говоръ акаетъ лишь отчасти.

Въ говорѣ Островскаго у. отмѣчены лишь формы род. ед. на *óва* и 3 л. ед.: сéя, пóйдя, лю́бя [1]).

Говоры южныхъ уѣздовъ той же губ.— также смѣшанные, и сверхъ особенностей сѣверно-великорусскихъ, въ нихъ слышатся еще особенности бѣлорусскія. Аканье здѣсь очень сильно (дабрó, барадá, бярёза, дярéвня, пирилятéлъ, пиряшóлъ, лашадиная сядло); есть мѣна *у* и *в*; мѣстами мягкія *д* и *т* съ свистящимъ оттѣнкомъ; *ц* вм. *ч* (*ц*алавé*ц*ецкый, *ц*и*ц*авица); *и* вм. *ѣ* (спорадически); твердое двойное *ш*. Изъ формъ отмѣчены: кое-гдѣ имен. ед. муж. р. далгéй, бальшéй; род. мяня́, тябя́, явó; твор. мн.=дат. мн. (на *мъ*); 3 л. ед. почти постоянно безъ *ть* (нисё, лежи́, е, дéлая, пи́ша) [2]).

Одинъ изъ говоровъ юга Псковской губ., говоръ деревень Рунницы и Ярыгино, Великолуцкаго у., таковъ. Онъ сильно акаетъ: гаварю́, сялó, нявéста, при питачóкъ, зимля́, знáишъ, закладáйти (2 л.); глухаго *ы* вм. *о* и *а* въ немъ нѣтъ; повидимому, *о* сохраняется въ 3-мъ слогѣ послѣ ударенія: дóбраво. Другія черты: *г*=*g*; *у* и *ў* вм. *в* и на оборотъ: *у* сялé, крóў (=кровь), ўзя́лъ со смѣшеніемъ падежей: *у* гаспадáхъ=у господъ, *въ* нашихъ дéвушкахъ=у дѣвушекъ); *ў* вм. *л* нѣтъ; *хв* и *х* вм. *ф*; группа *нн* вм. *дн*: раннóй, аннá, на нню́ (=на дню); мягкія *д* и *т* съ съ свистящимъ оттѣнкомъ; *жж*и́ти=ждите. Формы: им. ед. съ удареніемъ на концѣ на *ой* и на *эй*: бальшэй, безъ ударенія послѣ *к*—на *ій*: ўся́кій; им. ед. ж. и ср. р. не только на *ая*, но и на *аа*: пракля́таа душа, кроў гаря́чаа, маá забава, слáткаа (=сладкое), зи́мняа (=зимнее); род. мавó, этаво. мяня́, у *тый* бабы (=той), дат. тябé, сабé; тв. мн. на *мъ*: слязáмъ; уси́, уси́хъ и т. д. (=всѣхъ), 3 л. всегда на *ть*, въ ед. ч. съ *е*, не *е*: идéть [3]).

Другой говоръ юга Псковской губ., говоръ погоста Мори́пчелки, Великолуцкаго у. (въ 30 верстахъ отъ В. Лукъ), также сильно акаетъ (паду́шка, агарóтъ, нявéста, бярéза, трóя), причемъ, рядомъ съ *а* изъ *о*, послѣ ударенія встрѣчается и *у*: бярéзуй, судáрышкуй, рáдыстюй (твор. ед.). Въ немъ употребительны глухое *ы* во 2-мъ слогѣ передъ удар. и въ 1-мъ послѣ ударенія. дырагóй, зылатóй, сýдырь, рáдысь, и *и*: диряве́ньщина, вы́мила. Затѣмъ отмѣчены: *у* вм. *в* и на об.: *у* гóрыди, *въ* насъ, *в*знать, *ув*есь; спорадическое *и* вм. *ѣ*: няви́стушка, зди́ся; твердое *ф*: свякрóфъ; *г*=*g*; *ц* и *ч* не смѣшиваются; формы: им. ед. муж. другéй, дурнэ́й, талстэ́й, хренъ горьки, пирокъ слáтки, чи́сти; род. ед. ж. р. не миновать бядé, не отдáмъ дачкé, многа работи; род. минé, тибé, дóбрыва,

[1]) Матеріалы въ «Руск н пѣсняхъ» Шейна (стр. 126).

[2]) Жив. Ст. 1891 г. III. 203 Кое-какіе матеріалы въ «Руск н. пѣсняхъ» Шейна.

[3]) На основаніи сообщенія В. Орлова.

е́ты*ва*; дат. т*а*бе́, с*а*бе́; дат.-мѣстн. ж. р. въ изб*ы́*, на гор*ы́*; твор. мн.= дат. мн.: са сваи́*мъ* съ тре*мъ* до́чиря*мъ*; 3 л. на *ть* съ *е*, не *е*: иде́*ть* [1]).

Б. Сѣверо-великорусское, или окающее поднарѣчіе.

Главная характеристическая черта сѣверно-великорусскихъ, или окающихъ говоровъ—сохраненіе древняго (=орѳографическаго) неударяемаго *о*. Разные изслѣдователи указываютъ большее или меньшее количество исключеній, т. е. приводятъ случаи аканья. Но значительная часть словъ съ аканьемъ, находящихся въ окающихъ говорахъ,—слова, заимствованныя изъ акающихъ говоровъ, книжныя и новыя русскія или иностранныя к*а*ра́пь, пар*а*хо́тъ, с*а*лда́тъ, к*а*нво́й, Р*а*се́я. Другія слова съ *а* еще въ древне-русскомъ языкѣ: м*а*настырь.

Другія черты окающихъ говоровъ слѣдующія. Древнее (=орѳографическое) ударяемое и неударяемое *а* послѣ твердыхъ согласныхъ сохраняется: б*а*лова́ть, п*а*ха́ть Разные изслѣдователи говорятъ о спорадическомъ произношеніи окающими, вмѣсто неударяемаго *а*,—неударяемаго *о*, но одни изъ указываемыхъ ими словъ имѣютъ древнее *о* (вмѣсто котораго мы пишемъ *а*): р*о*бо́та, р*о*ки́та, р*о*вня́ть, п*о*ро́мъ, к*о*рма́нъ, *о*лта́рь, п*о*ла́та, т*о*рока́нъ, *О*ндре́й, *О*ле́на, ф. родит. ед. до́бр*о*во; другія—позднѣйшія заимствованія изъ акающихъ говоровъ: л*о*мпа́да, к*о*ре́та, к*о*рти́на, л*о*ке́й, т*о*нцова́ть.

Древнее (=орѳографическое) неударяемое *е* передъ твердыми согласными и въ концѣ словъ въ массѣ случаевъ, подобно ударяемому, звучитъ какъ *о* (т. е. *е*): с*е*ло́, ст*е*кло́, б*е*дро́, выл*е*та́ть, ч*о*во́, торгу́*е*тъ, сиди́т*е*, пойд*е*́мъ-т*ё*; при чемъ слышится рядомъ д*е*ру́ и д*е*ри́, пом*е*рла́ и пом*е*ре́ть.

Древнее неударяемое *е* въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ перехода его въ *о* не произошло, иногда звучитъ какъ *и*: пом*и*ре́ть.

Древнее (=орѳографическое) *о* и *о* образовавшееся изъ *е* (т. е. *е*), ударяемое и неударяемое, звучитъ не такъ открыто, какъ въ акающихъ говорахъ, а болѣе или менѣе закрыто, ближе къ *у*. Многіе окающіе говоры имѣютъ *о* очень закрытое, которое иногда кажется намъ тожде-

---

[1]) Жив. Ст. 1891 г., III, 207. Кое-что для знакомства съ великолуцкимъ говоромъ у Семевскаго, Историко-этнограф. замѣтки о Вел Лукахъ и Великолуцкомъ у., Спб., 1857, и Василева, Опытъ геогр.-статист. словаря Псковск. губ., II, Великолуцкій у. Пск., 1884. Покойный славистъ Преисъ говоритъ: «къ чистѣйшему бѣлорусскому нарѣчію принадлежитъ псковское нарѣчіе: оно менѣе испещрено заимствованіями изъ польскаго; его отличія, сравнительно съ великорусскимъ, заключаются главнѣйше въ слѣд: вр. *д*, *т*, *г*, *ло*. *ѣ*. *въ*—пск. *дз*. *ц*. *тц*, *h*, *уо* (*во*), *и*, *у*» (изъ рукописныхъ замѣтокъ. хранящихся у В. И. Ламанскаго).

ственнымъ съ *у* и которое производитъ на нашъ слухъ непріятное впечатлѣніе. Сѣверяне называютъ свою рѣчь съ закрытымъ *о* и низкою.

Древнія группы *ае*, *ое* звучатъ часто (но не всегда) какъ *а*, *о*: дѣ́*лать*, игра́*ть*=дѣлаетъ, играетъ, мово́, мому́=моего, моему.

Древніе мягкіе согласные сохраняются передъ суффиксами *ск* и *ство* (особенно передъ первымъ): ца́рьской, ца́рьство или ца́рьсво, причемъ обыкновенно звучитъ мягко и *с* суффикса: царьсько́й.

Изъ формъ слѣдуетъ отмѣтить форму род. ед. прилагательныхъ, которая, вмѣсто ожидаемаго окончанія *ово*, часто (но не вездѣ) можетъ имѣть окончаніе *ова*: до́бро*ва*, слепо́*ва* (но е́во́, ково́ и т. п.), формы имен.-вин. мн. мое́, твое́, чье́ и т. п.=мои, твои, чьи, ф. род. мн. мое́хъ, твое́хъ и т. п., ф. дат. мн. мое́мъ, твое́мъ и т. д. Формы им. ед. прилагат. муж. р. всегда оканчиваются на *ой*: до́бро*й*, слепо*й*. Мѣстоименіе 3-го лица часто звучитъ *ёнъ*, *ёна́*, *ёно́*, множ. ч. оны́, *ёны́*. Формы 2-го лица ед. — даси́ (=дашь), јиси́ (=ѣшь). Формы сравнительной степени часто на *ле*: скоря*е* и т. п.

Окающіе говоры могутъ быть сведены въ двѣ большія группы: 1) группу не цокающую и 2) группу цокающую. Даль называетъ эти группы восточною и сѣверною, но его названіе едва ли вполнѣ удачно: говоры не цокающіе слышатся далеко на сѣверо-западѣ (даже около Бѣлаго озера), а цокающіе—на югѣ (въ Муромскомъ и Меленковскомъ у. Владимирской губ. [1])

Территорія, занимаемая не цокающими говорами, не обширна. Она состоитъ изъ небольшой части Новгородской губ. (въ Боровицкомъ, Устюженскомъ и Тихвинскомъ уѣздахъ), юго-восточной части Тверской губ. (Колязинскій и Корчевскій уѣзды), большей части Владимирской (такъ что западъ ея почти не цокаетъ, а востокъ, по Окѣ, по сосѣдству съ губ. Рязанской, Тамбовской и Нижегородской, имѣетъ болѣе или менѣе сплошное цоканье), большей части Ярославской (здѣсь цокаютъ по Шекснѣ, Сити и Мологѣ), западной части Костромской (восточная, лѣсная часть—уѣзды Ветлужскій, Варнавинскій, отчасти Кологривскій—цокаетъ), сѣверо-западной части Нижегородской (въ части юго-восточной, по сосѣдству съ Владимирской губ., есть селенія цокающія), Симбирской, большей части Казанской, южнаго Пріуралья. Вообще цоканья не слышно въ предѣлахъ древней Суздальской области и въ тѣхъ мѣстахъ на востокѣ отъ нея (въ среднемъ Поволжьѣ и далѣе), которыя заняты въ XVI в. и позже переселенцами изъ Суздальщины.

---

[1]) Объ окающихъ говорахъ и ихъ дѣленіи см. «Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи въ области сѣверно-великорусскаго нарѣчія» (Записки Акад. Наукъ томы 28, кн. 2, и 30, кн. 1). Авторъ, покойный Колосовъ, объѣхалъ рядъ селеній и сдѣлалъ хотя мимолетныя, но нерѣдко цѣнныя наблюденія въ губ. Владимирской, Ярославской, Новгородской, Олонецкой и Вятской.

Эта территорія не сплошь занята не цокающими говорами: между ними мѣстами, то въ большемъ, то въ меньшемъ количествѣ, какъ бы вкраплены говоры цокающіе; они явились здѣсь вслѣдствіе разновременныхъ переселеній крестьянъ, какъ старыхъ, такъ и позднѣйшихъ. Колосовъ нашелъ цокающія деревни въ уѣздахъ Переславскомъ, Юрьевскомъ, Суздальскомъ, Владимирскомъ и Ковровскомъ Владимирской губ.; Шевыревъ—въ уѣздѣ Александровскомъ, по дорогѣ къ Александрову отъ Сергіевой Лавры [1]).

---

1. Группа не цокающая. Изъ говоровъ Новгородской губ. въ говорѣ с. Левоче, Боровицкаго у. (на границѣ Устюженскаго у.), «замѣтно твердое произношеніе *о*» (отмѣчено: *у*горо́тъ, св*у*ю́), нерѣдко *ё* изъ неударяемаго *е* передъ твердымъ согласнымъ и въ концѣ словъ: Сте́па́нъ, ноч*о*ва́ть, подру́жынёкъ (род.), дале́ч*о*, ми́лоё, *и* изъ неударяемаго *е* передъ мягкимъ согласнымъ: б*и*се́да, н*и*де́ля, п*и*рево́съ, *и*щó, *і*ю́ (вин.,= ее), *е* изъ неударяемаго *я*: *е*чме́нь, *е*йцó, па́м*е*ть, стяженіе гласныхъ въ дум*а*тъ, *нн* вм. *дн*: ла́*нн*о, *мм*, *вв* вм. *бм*, *бв*: о*мм*а́нъ, о*вв*енчалсе, *и* изъ *ѣ* во вс*и*, вс*и*хъ; предлогъ *къ* обыкновенно звучитъ *х*: *хъ* высоку терему, *х*ъ ей, *х*о теплу гнѣзду. Формы род. ед. на ов*а* и ов*о*, дат.-мѣстн. ед. на *ы*: на гор*ы́*, тв. мн. на *мъ*, 3 л. ед. е́ст*е* и е́ст*я*, возвр. з. на *се*, *си*, *сы*, *цы*. бо́йс*е*, го́нят*це*, улыбне́сьс*и*, нашо́лс*ы*, разъе́дут*цы*, сравнит. ст. добр*е́я* и добр*е́*, съ долгимъ *е*. Формы членныхъ прилагательныхъ: добр*ыи*мъ, добр*ыи*хъ и т. п. Дѣеприч. думавш*е* [2]).

Въ говорѣ д. Еглы, подъ г. Боровичами, отмѣчено: н*и*ви́ста и н*и*ве́ста, 3 л. помн*и*, иде́ (не иде).

Говоръ д. Попова, Устюженскаго у., близокъ къ говору с. Левоче: совеща́ньецо, большо́*е*, н*и*ве́рно, *и*во́; сверхъ того, отмѣчено: к*у*лы́бнесьси, погледи́ (повел.), ви*нн*о=видно, *х*ъ намъ, *х*о мне́. Формы: род. пья́нов*о* и ми́лов*а*, 1 л. мн. мы иде́*ма*, возвр. з на *си*, *се*, *сы*: напил*сы*, сравнит. ст. на *ея*: красне́*я*; остатки формъ члена: свою-*ту* волю.

Въ говорѣ д. Чудской Боръ, Новгородскаго у., отмѣчены. *е* изъ *е* безъ ударенія: се́рц*о*, наста́н*е*тъ, *и* изъ *е* безъ ударенія: фъ тер*и*му́, повы́ш*ы*, немно́ж*ы*чко, даже вре́м*и*чко, при суда́р*ы*нька, изрѣдка *е* изъ *я*: глежу́, сусидушки поредо́вныи, е́года, и часто *и* изъ *ѣ*: би́лой, кри́пко,

---

[1]) «Что Владимирцы-то въ Александровѣ какъ говорятъ? по вашему?—Нѣтъ (отвѣчалъ извощикъ), тамъ говорятъ не такъ чисто, какъ у насъ. Бывалые въ Москвѣ, конечно, говорятъ почище, а тутошніе въ Александровѣ присцокиваютъ... Поводомъ къ этому разговору было село Слотино... Женщина, у которой мы спросили квасу, сильно цавокала. Вотъ вамъ *ц*аше*ц*ка, говорила она» (Шевыревъ. Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, М. 1850. I, 31—32).

[2]) Близь г. Боровичъ, по Соминскому тракту, есть цокающія селенія.—Должно замѣтить, что въ не цокающихъ селахъ Боров. у. говорятъ: ушот*це* (ушедши).

ри́звость, терпи́ть, мн*и*, сиби́ (себѣ). Сверхъ того: во *сувѝти* (совѣтѣ), остаѧетце (съ *л* вм. *вл*). Формы род. на ово, дат.-мѣстн. ж. р. на *ы*, 3 л. ед. иногда безъ *тъ*: па́хне, боли́, возвр. з. на *се*, *це*, сравн. ст. на *ія*: темни́*я* [1]).

Говоръ с. Крючково, Тихвинскаго у., изрѣдка имѣетъ *и* изъ *е* безъ ударенія: *ни*ви́ста, *ти*бя́, пой*ди*шъ, жы*ни́*ть; очень часто *и* изъ *ѣ*: *ни*тъ, *и́*халъ, ути́ха; изрѣдка *е* изъ *я*: глежу́. Формы: род. на ово, дат.-мѣстн ж. р. на *ы*, дат. мн. людьм*и́* кла́няйси, ко людьм*ы́*, 3 л. ед. безъ *тъ* часто: пла́че, стои́, 3 л. мн нерѣдко: стоя́, горя́, возвр. з. на *се*, *си* и *сы*. Отмѣчены глагольныя формы стяженныя: погу́ливатъ [2]).

Говоръ д. Малая Будогоща, того же уѣзда, на правомъ берегу р. Пчевжи, и другихъ селеній на этомъ же берегу рѣки, имѣетъ довольно значительное оканье; *ѐ* изъ *е* слышится часто; *и* изъ *ѣ* постоянно: би́лой, хли́пъ, ди́ло. Формы дат. и род. ед. ж. р. и дат. и тв. мн. смѣшиваются; ф. тыихъ, тыимъ=тѣхъ, тѣмъ; ф. 3-го л. безъ *тъ*: иде́, говори́ (ед. ч.), пи́шо, ска́чо, лю́бя (мн.); сверхъ того: *е* и есте́ (есть). Формы члена весьма часты: ба́бы-*те*, банъ-*тыхъ*, на лаву-*ту* [3]).

Говоръ пограничныхъ мѣстъ Крестецкаго и Тихвинскаго у. (Заборовской и Боровенской волостей) имѣетъ *о* довольно закрытое, *и* вм. *ѣ* (часто): би́лой, поли́но, хли́пъ, сни́къ, копи́екъ (род. мн.), на двори́, при: дѣтъ (дѣдъ), стяженіе гласныхъ: гуля́тъ (и гуля́ѣтъ), мово́ (и моево́), туча громова́, твердое двойное *ш*, твердое двойное *ж*. до*жжа́*, формы род. на ово, дат.-мѣстн. на *ы*, твор. мн. на *мъ*, 3 л. безъ *тъ*: пье́, блюе́ (съ *е*, не *ѐ*), *ји* (рядомъ съ ф. на *тъ* и *тъ*: пье́*тъ*, ји*сь*=ѣстъ), говоря́, лю́бя, возвр. з. на *си*. здѝлалс*и*, оьрути́лс*и*. Сверхъ того: бѐда. вѐхорь (=вих-), ш*и*сь (=шесть), *у*дова́ (и *ов*дова=вдова), но*у*горо́цькой, твердыя губныя цэ*п*ъ, цэ́пш (=цѣпь), любо́*фъ*, любо́ви, остатки формъ члена. цэну-*ту*, бабы-*те*, дѣеприч. на *е*: бравше, сказавше, ф. 3 л. ед. есте́, есть́ (=есть) [4]).

Изъ говоровъ Тверской губ. мы имѣемъ свѣдѣнія (скудныя) о говорѣ г. Колязина. Наблюдатель такъ говоритъ о немъ. «Главную роль играетъ буква *о*. Вездѣ, гдѣ только стоитъ она въ словахъ, сохраняетъ свой чистый, неизмѣнный звукъ, и никогда, ни въ одномъ словѣ, не переходитъ въ *а*... Но эта буква не произносится никогда такъ крѣпко, какъ въ

[1]) «Говоръ обывателей с. Померанья, Бабина и Чудова (Новгор. у.) отличается аканьемъ, хотя и не рѣзкимъ». Эти селенія—на большомъ московско-петербургскомъ трактѣ, и ихъ акань̀е—поздняго происхожденія.

[2]) Приведенныя данныя о говорахъ Новгор. г.—изъ матеріаловъ М. А. Спиозерскаго и изъ его же ст. въ Живъ. Стар. 1895 г., III—IV.

[3]) Живъ. Стар. 1894 г., I, ст. Перетца О цокающемъ говорѣ селеній лѣваго берега р. Пчевжи см. ниже.

[4]) На основаніи замѣтокъ В. Н. Перетца.

другихъ мѣстахъ, гдѣ она просто терзаетъ непривычный слухъ. Такъ, слово голова: въ селеніяхъ Колязинскаго уѣзда, прилежащихъ Суздальскому и Переславскому,—го́ло́ва, съ самымъ крѣпкимъ удареніемъ надъ обоими *о*...; въ Колязинѣ—голова. Буква *е* въ началѣ и въ срединѣ словъ произносится большею частію какъ *ѣ*: еще—*ѣще*, стекло—*стѣкло*, ведро—*вѣдро* и т. п. Въ концѣ глаголовъ *е́* звучитъ крѣпче: *спдите*, ходи*тѣ*, торгуе*тъ*, гуля*ѣтъ*, особенно, когда къ глаголу прибавляется *те*: пойдемъ-*тѣ́*, сядѣ́мъ-*тѣ́*. Форма дат. мн. «всегда, безъ исключенія», замѣняется формою твор. и на оборотъ: вотъ гостинецъ ваши*ми* дѣть*ми*, снесите ево и*ми*, какъ я ратъ ва*ми*, съ сыновья*мъ*, дочеря*мъ* и со фсе*мъ* гостя*мъ* ваши*мъ* [1]).

Сверхъ того, у насъ есть нѣсколько данныхъ о говорѣ с. Васильевскаго, Тверскаго у. (12 верстъ отъ Твери). Онъ не вполнѣ окающій: при *О*вдо́тья, тобя́, доро́ж*у*нька, отмѣчено: измя́ни́ла, ца́во́; есть *и* изъ *ѣ*: ви́ки, и случаи цоканья; форма род. *ее* (не *ее*). «Тонъ рѣчи сопровождается удареніемъ голоса надъ каждымъ словомъ, причемъ гласная, надъ которой бываетъ удареніе, вылетаетъ точно изъ груди» [2]).

Объ не цокающихъ говорахъ Владимирской губ. мы знаемъ тоже немного. Колосовъ сообщаетъ, что въ этой губерніи оканье сильнѣе къ югу отъ Владимира, слабѣе къ сѣверу. Онъ же отмѣчаетъ подслушанное имъ въ разныхъ мѣстахъ той же губ. бе́да́, песо́къ, ре́ка (=бѣда, пѣсокъ, рѣка). Мы слышали въ нѣкоторыхъ мѣстахъ послѣдовательную замѣну мягкихъ *г* и *к* черезъ мягкія *д* и *т*: з*д*ипъ (сгибъ), *т*и́нуть, *т*и́снуть (кинуть, киснуть).

Въ говорѣ Ковровскаго у. *о* звучитъ очень закрыто и, можетъ быть, иногда переходитъ въ *у*. Во всякомъ случаѣ въ немъ отмѣчено: бу́я́ре, ку́вы́ль. Сверхъ того, въ немъ вм. неударяемаго *е* часто слышится *е* (даже тре́ми́, тветы=цвѣты) и изрѣдка *и*, послѣ *ж* и *ш*—*ы* (пла́чи́тъ, къ ла́пушки, скажы́тъ), и встрѣчается стяженіе гласныхъ (кланятся=кланяется, свово́, до́бро дѣло, сву сторону=свою); *в* передъ *у* опускается: голо́ушка, де́ушка=голо*в*ушка, дѣ*в*ушка. Изъ формъ замѣчательны ф. род. *тея́*, *сея́*=тебя, себя, дат. *тее́*, *сее́*, род. на ов*а*, мѣстн. на со́ле, при фсе́мъ наро́де (не: фсемъ). Отдѣльныя слова (немногія) имѣютъ *ц* вм *ч*: тысяц*а* [3]).

О говорѣ Переславскаго у. мы не знаемъ почти ничего (свово́, до́брова, сва́хынька=свахонька [4]).

[1]) Калачевъ, Архивъ историч. и практич. свѣдѣній, относ. до Россіи, кн. 2-я, Спб. 1861 («Записка о г. Колязинѣ», стр. 75—76).

[2]) Сборникъ матеріаловъ для статистики Тв. губ. Вып. II. Тв. 1874, стр. 114.

[3]) Смирновъ, Пѣсни крестьянъ Владимирской и Костромской губерній. Собраны и изданы съ сохраненіемъ мѣстнаго выговора. М. 1847. Сравни Даля.

[4]) Тихонравовъ, Владимирскій Сборникъ. М. 1857, стр. 36 и слѣд.

То же должно сказать о говорѣ Мордвиновской волости, Гороховецкаго у. (ф. род. на ов*а*, ф. твор. съ тремя дуби́на*мъ*, за закусочка*мъ* [1]).

Говоръ Вязниковскаго у. также имѣетъ очень закрытое *о* («сильно замѣчается удареніе на *о*», говоритъ наблюдатель). Въ немъ отмѣчено· б*и*зп*и*ре́чь=безперечь (безпрестанно), б*а*тъ=баетъ, м*о*му́=моему, формы род. *тея́*, дат. *тее́*, род. на ов*а*. Этотъ говоръ, благодаря вліянію сосѣднихъ акающихъ говоровъ, имѣетъ иногда въ концѣ словъ *а* вм. *о* безъ ударенія бла́г*а*=благо, близешенька, го́ж*а*=гоже [2]).

Говоръ села Іудина, Александровскаго у. (близь границы Московской губ., въ 15 верстахъ отъ Сергіевой Лавры), принадлежитъ къ числу переходныхъ. Онъ строго сохраняетъ *о* передъ удареніемъ и замѣняетъ его черезъ *а* послѣ ударенія; такимъ образомъ въ немъ слышится рядомъ: к*о*бы́ла, в*о*зи́ть, к*о*ры́то и проки́сл*а*й, дья́к*а*нъ, сту́пк*а*й, до́бр*а*ва [3]).

Колосовъ такъ характеризуетъ «ярославское» *о*: оно «произносится звучнѣе, отчетливѣе, чѣмъ на сѣверѣ; это—рѣзко отчеканенный звукъ».

Говоръ Ярославскаго у., Ярославской губ., на правой сторонѣ Волги (села Козьмодемьянское и Иваньково съ окрестностями), принадлежитъ къ числу смѣшанныхъ. По словамъ наблюдателя, *о* въ немъ «чисто и открыто, безъ наклонности перейти въ *а* или *у*», но въ 2-мъ слогѣ передъ удареніемъ замѣняется черезъ краткое *а*: х*а*рошо́, з*а*лото́й, а въ отдѣльныхъ словахъ, безъ ударенія, «произносится какъ *у*»: *у*топри́, *у*куну́съ; *е* изъ *е* безъ ударенія постоянно передъ слѣдующимъ твердымъ согласнымъ; встрѣчается *и* изъ *е* безъ ударенія· *и*шшо́, н*и*харошо́, с*и*рѐда́, б*и*режо́къ; нерѣдко *и* вм. *ѣ* при слѣдующемъ мягкомъ согласномъ: об*и́*дьня (при обе́дать), отв*и́*тить (при отве́тъ); изрѣдка *е* изъ *я*, обыкновенно безъ ударенія: *е*и́чко (при опе́ть, опре́сти, горе́чей); обычно стяженіе гласныхъ (въ ф. 2 и 3 л. ед., рѣже 1 л. мн.). зн*а*шъ, зн*а*тъ; группы *бм* и *бв* звучатъ какъ *мм* и *вв*: о*мм*а́нъ, о*вв*иньча́ть; двойное *ш* твердо· пу*шша́й*. Изъ формъ отмѣчены: ф. род. на ов*о*, ф. дат. вм. ф. твор. и на оборотъ. съ очка́*мъ*, хъ госьми́, ф. твор. ед., род., дат., твор., мѣстн. мн.: добр*ые*мъ. добр*ые*хъ и т. д., ф. неопр. накл.

---

[1]) Труды Владимирскаго Губ. Стат. Ком., III, 1864 (ст. «Свад. обряды въ Мордвиновской волости»).

[2]) Труды Владимирскаго Губ. Стат. Ком.. VII, 1868 г. (ст. «Обычай хоронить Кострому»); Голышевъ, Богоявленская слобода Мстера, Владимиръ. 1865.—Вязниковскій говоръ принадлежитъ къ числу пѣвучихъ (замѣчается «пѣвучесть голоса въ разговорѣ»).

[3]) Русск Фил. В. 1879 г., № 2, 1880 г., № 1.

пе́кчи, ф. возвр. з. на *са*, сравнит. ст. на *яе*. Форма 3 л ед. е́сти (=есть). Остатки формъ члена: дорогу-*ту*, бабы-*те* и др. [1]).

Говоръ с. Шульца, Ростовскаго у., имѣетъ частое *е* изъ *е* безъ ударенія: потекла́, тѣсное́ вре́мѐ, ва́шо благословле́нье́, дава́йте́, *е* изъ *я*: опе́ть, се́ть (сядь), мягкое *к* въ Пе́тинькя, хоро́шинькя (ж. р.), холодне́нькѐ, твердыя двойныя *ж* и *ш*, грушу *мм* изъ *бм*. оммань, стяженіе гласныхъ въ мово́, пе́рву холеру, гуля́ть, формы дат. *тее́*, *тіе́*, тв. мн. на *мъ*, возвр. з. на *са*, сравн. ст. тепля́я. Повидимому, обычно *и* изъ неударяемаго *е*; много остатковъ формъ члена (фраза: «въ Ростовѣ-*те* на соборѣ-*те* на кровлѣ-*те* галокъ-*те*, воронъ-*те* видимо-невидимо» [2]).

Цоканья ни въ самомъ Пошехоньѣ, ни въ большей части Пошехонскаго у. не услышишь, говоритъ наблюдатель; его нѣтъ и въ сосѣднихъ съ Пошехонскимъ у. мѣстностяхъ Рыбинскаго, Романо-Борисоглѣбскаго, Даниловскаго и Любимскаго у. Говоры послѣднихъ почти ничѣмъ не отличаются отъ пошехонскаго. Черты пошехонскаго говора: *о* звучитъ «ясно и отчетливо»; *ё* изъ *е* безъ ударенія часто: жона́, лѐжы́ть, сруба́етъ; *и* изъ *е* и *ѣ* безъ ударенія передъ мягкими согласными: *бисе́да*, *свича́*, *отвича́ть* (но беда́, веду́нъ); сверхъ того, *ѣ* безъ ударенія «переходить иногда въ *я*», которое звучитъ «неясно», «средне между *я* и *ѣ*»; есть *е* изъ *я*: е́йцо́, пореди́лась, глежу́ («иногда»); мягкое *к*, какъ въ сильно акающихъ говорахъ: де́вочкя, посте́лькю, ми́ленькей, тройникѐфъ (род. мн.); твердыя двойныя *ж* и *ш*; *мм* изъ *бм*: о́мморокъ; отсутствіе *в* передъ *у*: де́ушка. Формы: род. ед. больны́ѐ головы, одны́ѐ, до́брова, мѣстн. ед. на пече́, на путе́, дат. мн. ходить нога́мъ, тв. мн. благодаренъ ва́ми; членныя формы: на хозя́йскіихъ харча́хъ, ско́лькіихъ летъ; ф. 2 л. ед. даси́; ф. возвр. з. на *са* и *ся*, *ца* и *ця* (нѣтъ на *съ*); остатки ф. члена: им. мн. мои́-*те*, мои-*ти* [3]).

Кромѣ этихъ общихъ указаній, у насъ есть нѣсколько данныхъ о говорѣ Дмитровскаго прихода, въ 10 верстахъ отъ г. Пошехонья. Отмѣчено: частое *е* изъ *е*: кудри русы́ѐ, *и* изъ *ѣ*. поси́яла, стри́ча, замо́йтьте, *и* изъ *е* безъ ударенія: *бисе́да*, *тибя́*, мягкое *к*: ма́менькя, съ ма́менькѐй, поздѐхоньке, послу́шай-*ке*, ф. род. на ова [4]).

Сверхъ того, мы знаемъ, что въ самомъ Ярославлѣ употребляется

---

[1]) Р. Филол. В. 1890 г. № 3. Описанный здѣсь говоръ — протяжный. Авторъ статьи: «Ярославское разнорѣчие первой половины XIX в.» (Яросл. Губ. Вѣд. 1893 г, приложеніе къ № 11) указываетъ на «самое грубое и твердое употребленіе буквы *о*» и на формы 3 л. мн съ древнимъ окончаніемъ *атъ* (не *утъ*): *учатъ*.

[2]) Яросл. Губ. Вѣд. 1868 г., №№ 38—39. Есть указаніе, что ростовскій говоръ—пѣвучій.

[3]) Жив. Стар. 1893 г, IV, ст. Балова. По словамъ этого наблюдателя, цоканье въ Пошех. у. лишь на границѣ съ Волог. губ., по р. Югу (гдѣ птича, *що*).

[4]) Яросл. Губ. Вѣд 1888 и 1889 гг.

ф. дат. мн. вмѣсто ф. твор: онъ пошолъ за свѣча*мъ*, съ ва*мъ* [1]); что въ селѣ Давыдковѣ, Романо-Борисоглѣбскаго у., слышится (какъ часто?) *и* вм. *ѣ*: св*и*ти́ть, св*и́*титъ [2]); что въ Даниловскомъ у. (Петропавловская волость) *о* звучитъ закрыто и *я* можетъ переходить въ *е*: взе́ли; что въ Рыбинскомъ у. *о* звучитъ «типично», есть *и* вм. *ѣ*: ув*и́*чье (послѣ *ц—ы*: проц*ы́*жываю) и твердое двойное *ш*: ро*шш*ытаю [3]).

Объ не цокающихъ говорахъ Костромской губ. мы имѣемъ мало свѣдѣній.

Въ говорѣ г. Плеса и сосѣднихъ съ нимъ деревень, Нерехтинскаго у., *о* звучитъ «не слишкомъ узко и рѣзко для уха, но довольно отчетливо»; лишь изрѣдка оно звучитъ ниже и ближе къ *у*: Уликсе́й (Алексѣй); *ё* изъ *е* безъ ударенія очень часто: сёстра, буд*е*тъ, такж*о*, даже пёску́, св*е*тло́, р*е*ка; *и* изъ *е* безъ ударенія «иногда» звучитъ очень близко къ *и*. 2 л. мн. б*и*р*и*те́ (а иногда *е* сохраняется: сл*е*те́ло); *е* изъ *я* только въ опе́ть, *е́*ицы, *и* изъ *ѣ* только въ сус*и́*тъ (сосѣдъ), двойныя шипящія тверды, мягкое *к* лишь въ то́ль*кѐ*, ско́ль*кѐ*, *с* изъ *ш* (*ч*) только въ молосной; стяженіе гласныхъ въ глагольныхъ формахъ обычно: ду́м*а*шъ, ду́м*а*мъ (есть и дум*ае*шъ), но лишь въ тѣхъ, которыя имѣютъ *а* не ударяемое; въ прочихъ слышится группа *а́э* (съ очень краткимъ *э*), или даже дифтонгъ *аэ*: зн*а́э́*шъ: стяженіе гласныхъ въ падежныхъ формахъ также обычно: мово́, хорошо́ жыто, Спа́ск*о* село, изря́дн*у* куфарку наняли. Формы дат.-мѣстн. ед. до́чер*е*, ло́шад*е*, Каза́н*е*, твор. мн. постоянно на *мъ*, 3 л. ед. ес*ти* и ес*те*, возвр. з. на *са*, неопр. лек*чи́*, сек*чи́*, берек*чи́*са. Остатки формъ члена: трава́-*та*, ма́сло-*то*, де́ти-*те*, соло́му-*ту*, по зако́ну-*ту*, прудовъ-*ту*, мужыка́мъ-*ту* и т. п.

Въ говорѣ селеній по рѣкѣ Письмѣ, Буинскаго у. (сѣверо-западная часть губерніи), *о* звучитъ «открыто и ясно» (но *у*пя́ть и т*у*пе́рь), *ё* изъ *е* безъ ударенія очень часто: зна*е*мъ, будётъ, нянёкъ (род.), по́л*ё*, до́бро*ё*, уви́дитё, да́й-ж*о*, *и* изъ *е* безъ ударенія рѣдко: бу́д*и*те, ошыба́*и*тёсь, м*и*ня́, т*и*бя́, *и*шшо́ (и *е*шшо́=еще), а подъ удареніемъ въ нѣсколькихъ словахъ: л*и́*беть (лебедь), дв*и*рь, шт*и*ль (щель), *е* изъ *я* безъ ударенія: *е*дро́, пе*та́*къ, *и* изъ *ѣ* передъ мягкими согласными: нед*и́*ля, л*и*нь, р*и*чь (но хлепъ, дв*е́* и т. п.), мягкое *к*: Ва́нь*кя*, Вань*кю*, Вань*кёй* (тв.), ку́роч*кя*, то́ль*кё* (но Саш*ка* и т. п. съ *ш* передъ *к*), болѣе мягкое, чѣмъ у насъ *ч*, твердыя двойныя *ж* и *ш*, *с* изъ *ш* (*ч*) въ молосной, *мм* изъ *бм*: о*мм*акну́ть. Формы род. на *ова*, у *тя*, дат.-мѣстн. ед. лошад*е́*, до́чер*е*, печ*е́*, тв. мн. всегда на *мъ*, дат. мн. изрѣдка на *ми*: гъ до́бры*ми* людь-

---

[1]) Москвитянинъ 1842 г., ч. 4, стр. 448.

[2]) Ярославскій Литерат. Сборникъ, 1850 годъ, Яросл. 1851, стр. 155.

[3]) Яросл. Губ. Вѣд. 1889 г., № 44.

мѝ, неопр. н. пе*ч*чѝ и т. п., возвр. з. на *са*. Остатки формъ члена: баба-*та*, бабу-*ту*, бабы-*те*. Въ небольшомъ числѣ словъ аканье: на*ча*ва́ть, дья́ка*н*ъ и т. п. [1]).

По Колосову, въ Костромской губ. *о* по «степени звучности» не отличается отъ *о* новгородскаго и случаи *и* вмѣсто *ъ* (даже въ Костромскомъ у.) чаще, чѣмъ въ Ярославской губ.; по Далю, въ ней употребляютъ формы твор. ед. и дат. мн. до́бр*ы*емъ и ф. неопред. накл. сечѝ и т. п. Въ самой Костромѣ слышно сильное оканье, и даже ученики гимназіи говорятъ на распѣвъ, протягивая конецъ фразы.

Изъ не цокающихъ говоровъ Нижегородской губ. [2]) мы имѣемъ немного свѣдѣній объ говорѣ Арзамаса. Онъ «мало отличается» отъ нижегородскаго; *о* въ немъ «твердое», произношеніе «легкое», стяженіе гласныхъ. де́*л*атъ, де́*л*ашъ, мово́. Другія его особенности принадлежатъ или цокающимъ говорамъ (*и* вм. *ъ*, вѣроятно, изрѣдка: пѝсни), или акающимъ (хо́лодн*а*, жа́рк*а*, ве́лен*а*, г*а*варю́, пер*и*таска́шъ, ц*ы*рко́вникъ, сва́х*ы*нька). Послѣднія являются едва ли не спорадически; по крайней мѣрѣ наблюдатель отрицаетъ существованіе замѣны *о* черезъ *а* [3]).

Катунскій говоръ, Балахнинскаго у., имѣетъ иногда (передъ *н*) *с* вм. *ш*: ся́сница, и употребляетъ ф. дат. мн. вм. ф. твор. и на оборотъ: съ нам*ъ*, съ я́блока*мъ*, къ на́*ми*, шью детьм*и́* рубашки [4]).

Въ говорѣ села Павлова, Горбатовскаго у., отмѣчены: частое *е́* изъ *е*. *е́во́*, *ему́*. зелен*о́* вино, *се́ло́*, *жона́*, свида́ньиц*о*, даже тр*е́*мя́, д*е́*ва́ть; твердыя двойныя *ш* и *ж*: пу*шшу́*, *шшо́*, е*жжа́*лъ; стяженіе гласныхъ: седла́тъ (при узна*е*тъ), мово́, сво востро́ копье́; формы род.-вин. у *тя*. на *тя*, *тея́*, *сея́*, дат. *тее́*, *сее́*, возвр. з. на *са*: ударим*са*. Спорадическія черты акающихъ говоровъ въ большомъ количествѣ: онъ-*жа*, поднеси́-*жа*, дво́р*а*-тъ, ча́р*ы*чка, сва́х*ы*нька, дал*и*ко́ [5])

Говоръ Нижегородскаго у. «довольно правиленъ». Въ немъ есть случаи аканья: коня-тъ [6]). Говоръ Васильскаго уѣзда, повиди-

[1]) Жив. Стар. 1895 г, III—IV.—Извѣстія отд. р. яз и словесн. Ак. Н. 1896 г, II.

[2]) Жители береговъ Волги въ предѣлахъ Нижегородской губ. жестоко смѣются надъ говоромъ цокающихъ Вятчанъ. «Вятчане-бурлаки всегда въ раздорѣ съ бурлаками - Нижегородцами... Вятчане цавокаютъ Нижегородцы ихъ дразнятъ этимъ». Шевыревъ, Поѣздка въ Кир.-Бѣлоз. мон., II, 222

[3]) Москвитянинъ 1852 г., № 22, стр. 82—83 (ст. Терещенка).

[4]) Нижегородскій Сборникъ, III (Н. Новг 1870), стр. 153.

[5]) Памятники и образцы нар. языка и словесности (Изв. Акад Н. I). Здѣсь мы находимъ странное примѣчаніе: «*о* безъ ударенія въ выговорѣ удерживаетъ звукъ *а*». Еще кое-что о говорѣ Горбатовскаго у. (бать=баетъ. дат. тее́, сее́) въ Нижегор Сб., V, 174, 197.

[6]) Нижегородскій Сборникъ, V (1875), стр. 216 (въ Нижегородскомъ у. лишь одна деревня, переселенная изъ Муромск. у., имѣетъ *ч* вм. *и*).

БИБЛИОТЕКА ПОЛИТЕХН. МУЗЕЯ и О.Л.Е.А.

мому, богатъ случаями аканья: мно́*га*, то́лька, посто́й-*жа*, дво́*я*, сверхъ того, *би*рего́фъ, *би*спри*ме́*нна, вы́*ни*сти, ли́*сы*нька (при чово́, топе́рь и т. п.). Другія особенности: ф. 3 л. ед. *ба*тъ, спра́шив*а*тъ, 2 л. мн. хва́*ста*ти, двойное твердое *ш*. выта*шшы*лъ, ф. род. *тея́*, дат. *теé*, ф. дат. къ чу*е*вашс*кей* деревни [1]).

Объ не цокающихъ говорахъ Казанской губ. у насъ мало свѣдѣній, да и тѣ отрывочны. Повидимому, большая часть ихъ—переходные. Во всякомъ случаѣ рядомъ съ оканьемъ (въ началѣ словъ вмѣсто *о* звукъ болѣе или менѣе близкій къ *у* *у*ддала́) въ нихъ существуетъ слабое аканье («*о* совершенно открытое, близкое къ *а*» въ концѣ словъ: ма́*ла*, ма́сл*а*, да́*жа*, или «звукъ болѣе близкій то къ *о*, то къ *а*, то къ глухому *ы* въ 2-мъ слогѣ передъ удареніемъ: г*ы*вори́ть). Случаи *ё* и *и* изъ *е* безъ ударенія рядомъ: сёло́, в*е*сна́, чово́ и прив*и*сти́, н*и*льзя́, ж*ы*ниха́, даже с*и*стра́; есть также какъ бы *а* изъ неударяемаго *е*: ж*а*ни́хъ, ц*а*на́, ч*а*хо́лъ, ч*а*ты́ри, зиля́но́. Ударяемое *ѣ*=*е*. Стяженіе гласныхъ: де́*ла*шъ, уме́шъ, копе́къ, хоз*я́*фъ, так*а́* печь, так*у́* пуговицу, шырьстян*ы́* сарафаны. Двойное *ш* то твердое, то мягкое; двойное *ж* твердое. Формы: фъ т*е*мъ году, въ друге́мъ ме́ст*и*, съ каке́мъ-то, друге́хъ, каке́хъ, род. *коо́* рядомъ съ *ково́* и т. п.; остатки формъ члена: зубы-*те* бо́льна, жары-*те* нетъ, хле́ба-*те* мало, крова́тку-*ту*.

Въ говорѣ сс. Сунгурово и Уланово, Казанскаго у., отмѣчено *ў* вм. *в*: *ў*се́, воро́*ў*ка, *ў* одно́й.

Въ говорѣ с. Сунгурово, Каз. у., и нѣкоторыхъ мѣстностей Чебоксарскаго у. отмѣчены мягкія *д* и *т* съ слабымъ свистящимъ оттѣнкомъ: хо́*д*зитъ, пя*ц*ь и т. п.

Въ говорѣ д. Брёхово, Лаишевскаго у., отмѣчена нерѣдкая въ среднемъ Поволжьѣ замѣна *з* и *с* черезъ *ж* и *ш*: в*ж*ялъ, пи*ша́*лъ, мя́*ш*о [2]).

Въ говорѣ с. Бѣловолжскаго, Чебоксарскаго у., отмѣчено: гуля́ньиц*а*, горева́ньиц*а*, вдо́в*ы*нька, ре́ч*и*нька, крыле́*ц*ко [3]).

Одинъ изъ говоровъ Казанскаго у., говоръ д. Бѣлая, верстахъ въ 30 отъ Казани, намъ болѣе извѣстенъ. Онъ умѣренно окающій. Отмѣчено: открытое *о* въ слогѣ передъ удареніемъ; глухое *ы* въ 2-мъ слогѣ передъ удареніемъ и послѣ ударенія: г*ы*вори́ть, тра́в*ы*нька; также *и* вм. неударяемаго *е*; конечное *а* вм. неударяемаго *о*; ударяемое *ѣ*=*е*; стяженіе гласныхъ (хва́ст*ы*шъ, 2 л.), двойныя твердыя *ж* и *ш*; наконецъ, въ говорѣ по преимуществу женщинъ и дѣтей, замѣна *з* и *с* (почти исключительно твердыхъ) черезъ *ж* и *ш*. *ж*на́ю, *ш*то́й, *ш*ка*ж*а́лъ. Сверхъ того, отдѣльные случаи чаканья. *ч*ерква, *ч*ветъ [4]).

---

[1]) «Сказки» Аѳанасьева.

[2]) Р. Филол. Вѣстн. 1894 г., № 3, ст. Будде.

[3]) Магницкій, Пѣсни крестьянъ с. Бѣловолжскаго, Чебокс. у. Каз. 1877.

[4]) Уч. Зап. Каз. Ун. 1895 г., № 5—6, ст. Богородицкаго.

Въ одномъ изъ говоровъ Чистопольскаго у. (сѣверной его части: Кушниково, Старошешминскъ и др.) отмѣчено *а* въ *жала́ть*, *т* изъ мягкаго *к*: *типе́ть*, *ти́нуть*, твердыя двойныя *ж* и *ш*, *с* изъ *ц* въ *сара́пать*, стяженіе гласныхъ въ *ду́машъ*, *уме́шъ*, *копе́къ*, даже *вы́рамъ* (1 л. мн.=*выроемъ*); формы мѣстн. ед. на *лошаде́*, *фъ грязе́*, во *фсе́мъ поли*, неопр. *бегчи́*, формы дат. и тв. мн.—какъ у насъ [1]).

Окающіе говоры Симбирской губ. также принадлежатъ къ числу переходныхъ.

Въ говорѣ Курмышскаго у. (къ сѣверу отъ р. Пьяны) *о* послѣ ударенія замѣняется звукомъ, приближающимся къ *а*: *ла́дна*, *роди́май*. Передъ удареніемъ *о* всегда сохраняется, звуча однако слабѣе, чѣмъ въ Ярославлѣ: *вёзу́*, *ёво́*, *тёса́ть*, даже: *слепо́й*, *беда́*. Формы род. *теля́*, дат. *теле́* [2]).

Въ говорѣ Симбирскаго и Буинскаго уѣздовъ *о* послѣ ударенія также замѣняется черезъ *а*: *ма́ла*, *мнучо́нак*ъ, *кре́пкай*, *ка́к*ъ *жа* (изрѣдка, послѣ шипящихъ, и передъ удареніемъ: *фчара́*, *жана́*), въ другихъ случаяхъ оно сохраняется: *вёзу́*, *чово́*, *жона́* (даже: *дёне́к*ъ, *Олексе́й*). Стяженіе гласныхъ обычно: *гуля́тъ*, *знатъ*, *батъ* (рядомъ *гуля́итъ*), *Микула́фъ* (=Николаевъ), *хозя́ва*, *хозя́фъ* (=хозяева), *мово́*, *копе́къ*, *скоре́*, *Ондре́вичъ*, *Горде́фъ* (=Гордеевъ), *бога́ты* (=богатыш). Форма дат. *тіе́*. Остатки формъ члена: *бога́ты-те*, на *конце́-те*, *поля́-та* [3]).

Въ говорѣ Сенгилеевскаго у. отмѣчено: *дайте-ко*, *бере́зынька*, *стря́пынька*, ф. род. *широкова* [4]).

Матеріалы (пѣсни) изъ приволжскихъ деревень Симбирской губ. представляютъ слѣд. данныя: *су́женой* (им.), *сва́хынька*, *шу́бынька*, *кобере́зынки*, ф. род. *дорогова*, мѣстн. на *желты́мъ* пескѣ [5]).

Сверхъ того, мы имѣемъ свѣдѣнія, что въ разныхъ мѣстахъ Симбирской губ. твердыя *з* и *с* болѣе или менѣе часто замѣняются черезъ *ж* и *ш*: *жна́ю*, *штою́*.

Говоръ г. Ставрополя и с. Морквашей, Самарской губ., окающій. Отмѣчено: *село́*, *во́*, *знатъ*. Нѣкоторыя женщины замѣняютъ *з* и *с* (особенно *з*) черезъ *ж* и *ш*: *жнаю*.

Объ окающемъ говорѣ Земли Уральскаго Войска мы ничего не знаемъ, кромѣ того, что въ немъ оканье слабо. Типичною чертою «ураль-

[1]) Извѣстія отд. р. яз и сл. Ак. Н. 1896 г., II.

[2]) Archiv f. slav. Phil., X, стр. 350—351.

[3]) Мотовиловъ, Симбирская молвь. Спб. 1888.

[4]) Матеріалы для исторіи и статистики Симб. губ., вып. IV, Симб. 1867, стр. 64—67.

[5]) Симбирскій Сборникъ, т. II.

ского жаргона» считаются *ж* и *ш* вм. *з* и *с*: *шохрани́*, *шкажа́ть*, *шича́съ*, *шъ штепе* (съ степи) [1]). Въ уральскихъ пѣсняхъ мы находимъ формы прош. вр. выпада*шлъ*, выѣзжа*шлъ*, собира*шлся* [2]).

Наконецъ вотъ нѣсколько данныхъ изъ не цокающаго говора С.-Петербургской губ., Ново-Ладожскаго у., по рѣкѣ Сяси: *и* изъ *ѣ*: *лисъ*, *ври́ме*, *визди́*, *цы́лой*, *е* изъ неударяемаго *и* въ *визди́*, *ишшо̀*, *е* изъ *я* въ *е́шшыкъ* (ящикъ), твердое двойное *ш*, стяженіе гласныхъ: зна*шъ*, кака́ баба; формы. дат.-мѣстн. ед. ж. р. на *ы*, 3 л. ед. *есте*, *е*, 2 л. мн. пье́те (съ *е*); сравн. ст. бо́ля [3]).

---

2. Группа цокающая состоитъ изъ ряда говоровъ болѣе или менѣе разнообразныхъ въ звукахъ и формахъ и нѣвучихъ. Главная черта, общая всѣмъ этимъ говорамъ, перешедшая въ нихъ отъ ихъ предка—древняго новгородскаго говора,—мѣна *ц* и *ч*, т. е. употребленіе *ц* вм. *ч* (цоканье): *ц*ортъ, *ц*олове́къ, рядомъ съ употребленіемъ *ч* вм. *ц* (чаканьемъ): *ч*арь, *ч*ерква. Въ однихъ говорахъ она развита очень сильно, такъ что часто слышится и *ц* вм. *ч*, и на оборотъ; другіе имѣютъ часто лишь *ц* вм. *ч*.

Эта главная черта обыкновенно сопровождается болѣе или менѣе частымъ употребленіемъ *и* вм. *ѣ*, по преимуществу въ слогахъ передъ мягкими согласными, подъ удареніемъ и безъ ударенія: сви́чка, пи́сня, замѣною *а* послѣ *j* и мягкихъ согласныхъ (т. е. *я*) черезъ *е* въ слогахъ передъ мягкими согласными· гресь (=грязь), опе́ть, а иногда и употребленіемъ формъ род. ед. на *ы* вм. ф. дат.-мѣстн.: жены́, по избы́, и формъ дат. мн. вм. ф. твор. и (иногда) на оборотъ: ходитъ нога*мъ*, съ ва*мъ*, къ ва*ми*; сверхъ того, формы 3 л., особенно ед. ч., не имѣютъ окончанія *тъ* (болѣе или менѣе часто): иде́, гуля́ѣ (рядомъ съ иде́*тъ*, гуля́е*тъ*, гуля́*тъ*).

Взглянемъ прежде всего на говоры Новгородской губ. [4]).

Обитатели береговъ оз. Ильменя, Позеры (Новгородскій у.), произносятъ *о* «твердо и грубо», т. е. сильно закрыто (отмѣчено: му́на́хъ, о́чу́нь), *ѣ* (спорадически?) «почти одинаково» съ *и*, *ц* вм. *ч* и на оборотъ: оте́чь, оцу́ (=отцу) и т. п; отмѣчены частое *е́*: доми́шшо, восхресе́нье,

---

[1]) Русск. Вѣстникъ 1890 г., № 5, стр. 90.

[2]) Морск. Сборникъ 1859 г., № 9, стр. 22.

[3]) На основаніи замѣтки Н. М. Каринскаго.

[4]) Колосовъ говоритъ: «языкъ населенія Новгор. губ. представляетъ немало діалектическаго разнообразія, но отвѣтить научнымъ образомъ на вопросъ: какіе именно говоры можно различить на пространствѣ этой губ.,—я не вижу возможности».

хресьянсво, двойное твердое *ш*: е*шшо́*, больш*у́шшой*, *нн* вм. *дн* ла́*нно*, ро*нной*, стяженіе гласныхъ испив*а́*мъ, мово́, друг*у́* (другую), царсво небе́сно, ф. род. на ов*а* (рядомъ тѣ же ф. на ово), дат.-мѣстн. ед. ж. р. на *ы*, твор. мн. на *мъ*, 3 л безъ *тъ*. мо́жо, *е* (=есть), глядя́ (глядятъ). Сверхъ того. форма род.-вин *тя* (=тебя), вин. ед *ево́* (=ее), сравнит ст. на *ле*. скоря́*е*. Кое-гдѣ, въ отдѣльныхъ словахъ, *а* вм. *о*, *е*. цалковой, тапе́ря [1]).

Деревня Ракома подъ Новгородомъ, рядомъ съ *и* вм. *ъ*. би́лова дня, имѣетъ *и* вм. *е* (безъ ударенія) во́чира, би́линькой (=бѣленькій), даже *я* вм. *е*: ра́достянъ, ми́лянькой, вѣроятно, вслѣдствіе близости большаго московско-петербургскаго тракта. Сверхъ того, отмѣчены ф. 3 л. работа́тъ (есть ф. 3 л. также безъ *тъ*), род. на ов*а* [2]).

Въ дер. Ямо́къ, Новгородскаго у., по Колосову, слышится *и* вм *ъ* постоянно; въ 15 верстахъ отъ него—изрѣдка.

Въ с. Эстьяны, того же у., отмѣчено *ишо* (=еще), ф. дат.-мѣстн. на *ы*, твор. мн. на *мъ* [3]), твор. мн. на *мы*: людм*ы́*, 3 л. ед. иде́, есте́ (=есть), дѣеприч. стропи*вше*.

Въ усадьбѣ Чаплино, Боровицкаго у., цоканье и *и* вм. *ъ* (пои́халъ) уже рѣдки. Молодые люди стараются ихъ не употреблять, и они слышны главнымъ образомъ у пожилыхъ. Отмѣчено: го́р*е*нка, *та*пе́рь, ш*а*ни́ца, поцалу́й, бери́т*и*, хоти́т*и* (2 л.), си́н*і*е море, прое́*жжы*й, онну́ (одну). формы дат.-мѣстн. ед. на *ы*: на чередѝ, и тв. мн. на *мъ*; членныя формы: на хоро*шы́х*ъ коняхъ, на худы*х*ъ коровахъ, ф. возвр. з. на *са, се, си*. Повидимому здѣсь мягкія *д* и *т* иногда имѣютъ легкій свистящій оттѣнокъ [4]).

Въ селѣ Зимогорье, подъ г. Валдаемъ, по Колосову, *ъ* звучитъ какъ *и*; въ 4-хъ верстахъ отъ него тотъ же *ъ* произносится какъ *е*, а 5 верстами далѣе—опять какъ *и*. Въ Зимогорьѣ отмѣчены ф 3 л. смека́тъ, дат.-м. на *ы*. [5]) Въ самомъ Валдаѣ Колосовъ отмѣтилъ форму 3 л. ед. есте́.

Говоръ д. Большая Будогоща, Тихвинскаго у, на лѣвомъ берегу р. Пчевжи, отличается рѣзкимъ *о* и сравнительно рѣдкимъ *е́* изъ *е*. попде́*т*е, пойде́шъ, бревно́, бре́*в*енъ (род.), сверхъ того, *и* вм. *ъ* и замѣна мягкихъ *д* и *т* черезъ мягкія *г* и *к* или звуки близкіе къ послѣднимъ· пойгем-ке. Дѣеприч. помиравше [6]).

---

[1]) Новгородскій Сборн., вып. I (1865), ст. «Общій очеркъ образа жизни... жителей Новгород. губ.»;—Отечеств. Зап., т. 197, ст. «Позеры въ Новгородѣ».

[2]) Якушкинъ, Путевыя письма изъ Новгородской губ., Спб. 1860, стр 29, 30 (то же въ «Сочиненіяхъ П. И Якушкина», Спб. 1884).

[3]) Новгородскій Сборникъ, вып. III и IV.

[4]) На основаніи сообщенія А. Л. Погодина.

[5]) Новгор. Сб, II.

[6]) На основаніи сообщенія В. Н. Перетца. См. еще Жив. Стар. 1894 г., I.

Относительно цокающихъ говоровъ Устюженскаго у. (Перская. Никифоровская и др. волости) мы не знаемъ почти ничего. Отмѣчено (въ говорѣ Никифоровской вол.): *ч*ерква, *що*.

Говоръ Кириллова и ближайшихъ къ нему мѣстъ имѣетъ много общаго съ говорами вологодскими. Онъ имѣетъ *ц* (мягкое) вм. *ч* и на оборотъ: коба*ц*екъ, запла*ц*ю́, си́нни*ч*а (=сѣнница), частое *е* изъ *е*. воспоме́н*е*шъ. поц*е*лу́й, *и* вмѣсто *ѣ* передъ мягкими согласными· би́литьця (3 л. ед.), п*и*нье́ (=пѣнье), *е* вм. *я* также передъ мягкими согласными: пе́тница, мягкое *к*: Пара́нь*кя*, пре́ниць*кя* (род.), *у* и *в* (=*ў*?) вм. *в* и *л* передъ гласными и въ концѣ словъ. де́*у*ка, ка*у*та́нъ, пи*у*ко́, подва́*в*ъ, погоня́*в*ка, по*в*но (=подва*л*ъ), *ф* вм. *х*: *ф*одить, *ф*орошо. Сверхъ того, есть *и* изъ *е* безъ ударенія: с*и*бе́ (дат.), форма род. можетъ оканчиваться на ов*а*; формы возвр. з. имѣютъ *ся*, мѣстоименіе звучитъ *що* и *шшо*; остатки формъ члена: жону́-*ту*, жо́ны-*те* [1]). Колосовъ отмѣтилъ въ кирилловскомъ говорѣ еще рѣдкость употребленія формы дат. мн. вмѣсто ф. твор. и на оборотъ.

Говоръ Ѳерапонтовской волости, Кирилловскаго у., повидимому, въ главномъ тотъ же, что и кирилловскій. Наблюдатель замѣчаетъ, что *о* въ немъ звучитъ «слишкомъ рѣзко»; имъ отмѣчены *и* изъ *ѣ* и *е* изъ *я* передъ мягкими согласными, *и* изъ *е* безъ ударенія: де́ла*и*те (2 л.), т*и*бя́, м*и*ня́, *ў* изъ *л* въ концѣ формъ прош. вр., *що* при *шшо*; объ *ф* изъ *х* онъ не упоминаетъ [2]).

О говорахъ Череповскаго у. мы имѣемъ рядъ данныхъ.

По словамъ Шевырева, говоръ Череповца и близкихъ къ нему мѣстъ похожъ на говоръ кирилловскій. Онъ указываетъ на *ц* (иногда мягкое) вмѣсто *ч* и на оборотъ *ц*ово́, *ц*я́ялъ, *ч*ена́, ку́ри*ч*а, на *и* вмѣсто *ѣ* передъ мягкими согласными: п*и*́сня, поткли́ть, на *у* и *в* (т. е. *ў*?) вмѣсто *в* и *л*: де́*у*ка, по́*в*но, на мягкость *к*: Ва́нь*ке́*, на мѣстоименіе *що* и *шшо*, на остатки формъ члена: че́ну-*ту*, ба́бы-*те* [3]).

Другой наблюдатель сообщаетъ данныя о говорѣ волостей Уломской, Дмитріевской, Колоденской, Горской, Хотовецкой и Мороцкой, той части уѣзда, которая сосѣдня съ Устюженскимъ у. Новгородской губ., съ Весьегонскимъ Тверской и Моложскимъ Ярославской. Онъ указываетъ на мѣну *ц* (мягкаго) и *ч* (болѣе мягкаго, чѣмъ въ нашемъ языкѣ). шве*чю́*, фран*чю́*зъ и т. п., на *и* изъ *ѣ*: л*и*съ, би́лой, ми́сяць (но въ концѣ словъ повидимому *ѣ*=*е*), на *е* изъ *я*. гр*е*сь, гоне́ть, пре*д*у́, воде*н*о́й, запрега́ть (не всегда), на мягкое *шт* вм. *щ*: пи́*шт*я, *шт*ю́ка, *шти*па́ть. Изъ формъ от-

---

[1]) Шевыревъ, Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, II, 106—111. Въ Кирилловѣ, говоритъ авторъ, «наиболѣе любопытное есть его нарѣчіе, которымъ говорятъ самые грубые простолюдины. Оно имѣетъ много сходства съ малороссійскимъ».

[2]) Вѣстникъ И. Р. Географич. Общ., ч. XI.

[3]) Шевыревъ, II, 111—114.

мѣчены ф. род. ед. ж. р.: т*ые*, сам*ые*, одн*ые*, тво*еѣ*, мо*еѣ* (*ѣ*=*е*?), ф. род. мн. словъ на *цъ*· купч*ей*, зайч*ей*, огурч*ей* (всегда), дат. мн. друг*іе*мъ, 3 л. ед. *ески* (есть). ф. возвр. з. лай*си*, мой*си* (повел.), напил*сы*, женил*сы*, борот*цы*, ф. члена *те*, очень часто употребляющаяся при разныхъ ф. множ. ч.: кони-*те*, бапъ-*те* (род.) и т. п. [1]).

Наблюдатель, говорящій о части вышеозначенной территоріи, о Мороцкомъ приходѣ (близь границы Ярославской губ.), упомянувъ о мѣнѣ *ц* и *ч*, замѣчаетъ: «эта погрѣшность въ выговорѣ особенно разительна у жителей дер. Язина, такъ что съ перваго раза можно отличить Язинца по этому выговору» [2]).

Третій наблюдатель сообщаетъ данныя изъ говора Выксинскаго Троицкаго прихода мѣна *ц* и *ч* или употребленіе «чего-то средняго» между этими звуками, *ё* во «многихъ» словахъ вм. *е*· круто́*е* о́з*е́*ро. ёди́нъ, «иногда» *и* вм *ѣ* об*и́*дня, формы тв. мн. на *мъ*, формы дат. мн. и тв. ед. прилагат. на *ыемъ*· бѣл*ыемъ* платкомъ, по сух*іемъ* дорогамъ, формы возвр. з. бои́м*сы*, мо́лим*сы*, шата*тьцы* [3]).

Въ текстахъ. записанныхъ Барсовымъ въ селѣ Логиновѣ, кромѣ мѣны *ц* и *ч* и *и* изъ *ѣ* передъ мягкими согласными об*и́*дня, отмѣчены формы твор. мн. на*мъ* [4]).

О бѣлозерскомъ говорѣ мы знаемъ, что въ немъ часто *ц* (которое всегда мягко) вм. *ч*, нерѣдко *и* вм. *ѣ*. в*и́*теръ, в*и́*нникъ, б*и*ля́е, целов*и́*къ, нерѣдко *е* вм. *я* (при слѣдующемъ мягкомъ согласномъ): петь (=пять), хресь*е́*нинъ, хоз*е́*инъ, встрѣчается *и* вм. *е* безъ ударенія: *и*шшо́, н*и*ди́ля, т*и*бя́, т*и*бе́; двойное *ш* твердо: и*шшо́*; *хв* замѣняется черезъ *ф*: *ф*ата́ть, *ф*о̀росъ (=хворостъ). Формы род. ед. муж. и ср. р. всегда на ов*о* (на ов*а* нѣтъ); тѣ же ф. женск. р. иногда на *ые* и *іе*: зъ больн*ы́е* головы, ни еди́н*ые* пи́сни, нетъ си́н*ге* краски, съ т*ые́* стороны; формы неопред. накл. иногда сохраняютъ окончаніе *ти*: ся́*сти* (=сѣсть), а ф повел. н.— суффиксъ *и*: ся́д*и*, ся́д*и*те; ф. возвр. зал. всегда оканчиваются на *ся* (нѣтъ окончанія *сь*), ф. сравнит. степени имѣютъ окончаніе *яе*. Наблюдатель замѣчаетъ: «грамматическая сторона бѣлозерскаго говора поражаетъ отчетливостью и ясностью окончаній» [5]).

Колосовъ въ говорѣ Бѣлозерска отмѣтилъ еще *мм* вм. *бм*: о*мм*анъ, и указалъ на рѣдкость употребленія ф. дат. мн. вмѣсто твор. и на оборотъ.

---

[1]) Жив. Стар. 1893 г, III.

[2]) Новгородск. Сборникъ. V, стр. 39, 161.

[3]) Тамъ же, стр. 38—39.

[4]) Барсовъ, Причитанія сѣвернаго края, I, №№ 3 и 5. Въ текстахъ, записанныхъ въ другомъ (близкомъ) селѣ того же уѣзда отмѣчено еще: дв*и* избы, м*и*ня' т*и*бя, формы род. на ов*а*. возвр. зал. на *си*, *ци*, остатки члена: руки-*те*, дядьям-*те* у ямы-*те*, плеча-*та* (Причит., II, стр. 84. 281).

[5]) На основаніи рукописнаго труда г. Порошина

Говоры С.-Петербурской губ. принадлежатъ къ числу сильно цокающихъ.

Говоръ дер. Княжо́й горы, Лужскаго у., имѣетъ *о* очень закрытое (отмѣчено мач*у*ха, *у*пять), *и* вм. *ѣ* (спорадическое): свири́пой, твердое двойное *ш*, формы дат.-мѣстн. на *ы*, твор. мн. на *мъ* (рядомъ—отъ люди—ф. дат. людьми́), 3 л. безъ *тъ*: плыве́, пома́хивае̇. Сверхъ того: мягкое *жд* вм. *жж* (во*жд*я́тца). Звука *h* здѣсь нѣтъ [1]).

Въ говорѣ Яблоницкой волости, того же уѣзда (въ южной части), отмѣчено: хрёнъ, н*и*тъ, зде́ (здѣсь). Въ одной изъ деревень этой волости (въ Запольѣ) *з* мягкое очень близко къ польскому мягкому *з*, т. е. звучитъ какъ очень мягкое *ж* [2]).

Говоръ Гдовскаго у. (сосѣдняго съ Псковской губ.) имѣетъ оканье не полное. *А*кси́нья, де́н*я*къ (род. мн.), вы́пь*я* (3 л. ед.), рядомъ съ нѐсла́, рѐбро́, вёдро́, даже *у*топри́; сверхъ того: *въ* тебя́ (=у тебя), ла́*нн*о (ладно), и т. п. о*мм*ани́ть, *шшу*ка, ду́*ма*шъ, добр*ы* люди; формы род. ед. у жене́, дат.-мѣстн. ед. къ воды́, тв. мн. на *мъ*, 3 л. ед. безъ *тъ*: клю*е*. Наконецъ добр*ыи*хъ и т. п., рядомъ съ до́бр*ы*хъ; вс*и*, вс*и*хъ и т. п. [3]). Сравни псковскіе говоры.

Въ говорѣ Шлиссельбургскаго у. (д. Марьино) отмѣчено мягкое *т* вм. мягкаго *к* и (вѣроятно, въ отдѣльныхъ словахъ) на оборотъ: *т*инь (кинь), *т*исть, *т*ишти́ и поч*к*и́ (почти) и твердое двойное *ш* [4]).

Говоръ Новоладожскаго у., при частомъ *и* вм. *ѣ*: би́лой, нев*и́*ска, н*и́*ту, къ себ*и́*, имѣетъ стяженіе гласныхъ: гул*я*тъ, ска́зыв*а*тъ, ф. дат. вм. ф. твор., ф. 3 л. безъ *тъ* (поижжа́*е*), а также *е* вм. *я*: горе́чь (=горячь) и *е* вм. *и* (въ отдѣльныхъ словахъ: зав*и́*йте=зав*е́*йте [5]).

Говоръ приоятскій, на берегахъ р. Ояти, у Ладожскаго оз., на границѣ губ. Новгородской и Олонецкой, имѣетъ *о* очень закрытое (отмѣчено: ч*у*лови́къ), *и* вм. *ѣ* почти всегда: св*и*тъ, л*и*съ, т*и*ло, дв*и* головы, сиб*и́* (=себѣ), ф. твор. на *мъ*, 3 л. безъ *тъ* (формъ на *етъ* и *ятъ* нѣтъ, всегда: несе́, лю́б*я*, но: несе*тца*; формъ на *и* и *у* также нѣтъ, всегда: лю́би*тъ*, несу́*тъ*), возвр. з. на *си* (дала́*си*, научи́л*си*). Отмѣчено *и* безъ ударенія вм. *е* въ м*и*ня́, т*и*би́, с*и*би́. Цоканье здѣсь не сильно [6]).

Говоры юго-восточнаго Пріонежья, Олонецкой губ., уѣздовъ Каргопольскаго и Вытегорскаго, по Колосову, одинаковы и имѣютъ *ц* (отчетливое) вм. *ч* постоянно (*ч* вм. *ц* не встрѣчено), *ё* изъ *е* часто, *и* вм. *ѣ* (передъ мягкими согласными): см*и́*ю, лет*и́*ть, *е* вм. *я*

---

[1]) Зап. И. Русск. Геогр. Общ. по отд. этногр., IV, ст. Лиль-Адама.

[2]) Извѣстія отд. р. яз. и сл. Ак. Н. 1896 г., II.

[3]) Тамъ же.

[4]) На основаніи сообщенія В. Н. Перетца

[5]) Одна пѣсня на этомъ говорѣ въ Новгородск. Сборн., II

[6]) Зап. И. Русск. Геогр. Общ. по отд. этногр, II, ст. Хрущова.

очень часто: зеть, че́шша (=чаща), повенце́лись, мягкое *ц*, *и* вм. *е* безъ ударенія: р*и*бя́та, зна́*и*тъ, ф. дат.-мѣстн. на *ы* вм. *ѣ* (спорадически) и на *е* вм. *и*: по грязе́, вин. ед. женск р. *ей* и *ю*=ее: схватилъ *ей*, неопред. н. си*к*ци=сѣчь (формъ дат. мн. вм. ф. твор. незамѣчено).

Описаніе Колосова можетъ быть пополнено слѣдующими данными.

Въ говорѣ Каргопольскаго края (=Каргопольскій у. съ сосѣдними частями Пудожскаго и Вытегорскаго у.) отмѣчено: *у* вм. *о* въ ск*у*ріе, очень мягкое *ч*, формы возвр. з. на *се*, *це*, остатки формъ члена [1]).

Въ говорѣ д. Ежезеро (Вытегорскаго у., Коштугской волости, въ 40 верстахъ къ югу отъ г. Вытегры): *у* въ ск*у*ря́е, п*у*демъ, *у*пя́ть, я́бл*у*къ (рѣдко), *и* изъ *е* безъ ударенія. б*и*седа (даже: т*и*сь=тесть, дв*и*рь, спл*и́*тня), *и* изъ *ѣ* не только передъ мягкими согласными, но и въ концѣ словъ. мн*и*, тиб*и́*, дв*и*, на сукн*и́*, *ў* изъ *л* передъ согласными и въ концѣ словъ· бра*ў*, мо*ў*ця́ть, твердые губные въ концѣ словъ: любо*фъ*, се*мъ*, го́лу*пъ*, *щ*=*шч*, стяженіе гласныхъ: те́мн*а* ноць, тѐмн*у* ноць, те́мн*ы* ноци (рѣже: те́мн*ыи*), зн*а*шъ, зн*а*тъ и т. д., формы род. на *оѣо*, дат.-мѣстн. ед. ж. р. на *ы*, им. ед. м. р. худэ́й, до́брэй, сла́ткэй, больш*э́*й, род., дат., тв., мѣстн. ед. ж. худэ́й, до́брэй и т. д., тв. ед. ба́б*эй*, мнэй (мной), тв. мн. сущ. и прилаг. на *мъ*, тв. мн. существ. на *мы*, дат.-тв. прилагат. на *ма*: гъ до́бры*ма* родителямъ, за до́бры*ма* людя*мы*, съ на́*мы*, 2 и 3 л. бье́сьсе, иде́, жге́, иде́мъ, иде́те (съ *е*), 3 л. мн. ру́б*я*, шум*я́* (но всегда зна*тъ* и т. п., съ *тъ* послѣ *а*), 3 л ед. *е* и *есте*, возвр. з. на *се* и *сё*; остатки формъ члена; сравн. ст. на *я́е*. Звука *ч* не существуетъ (кромѣ группы *шч*), лишь мягкое *ц*. Переходъ *я* въ *е* неизвѣстенъ [2]).

Въ говорѣ с. Коштуговъ отмѣчено: бере́з*ы*нька, молоде́ш*ы*нька, *ў* изъ *в*: дере́*ў*ня, воро*ў*ка, ф. тв. мн. ва*мъ*, добры*ма* людь*мы*, 3 л. ед. ес*те*, 2 л. мн. повел. понату́ж*ы*тесь, остатки формъ члена: первую-*ту* недѣлю [3]).

Въ говорѣ волостей Ухотской, Шильдской и Тихманской (въ сѣверо-восточномъ углѣ Вытегорскаго у., въ сосѣдствѣ съ Каргопольскимъ и Кирилловскимъ у.) наблюдатель указываетъ на грубое, рѣжущее слухъ *о* (ябл*у*нь и еще нѣсколько словъ—съ *у* вм. *о*), на частое *ё* изъ *е* безъ ударенія: Стѐпа́нъ, зѐрно́, рожде́ньё, се́рцё, син*ее*, играётъ, даже тел*е́*га, на *е* изъ *я* передъ мягкими согласными: де́дя, петь, отне́ть, дьеце́къ, даже ме́коть (въ концѣ словъ *я* сохраняется: оби́дн*я*), на *и* изъ *ѣ* подъ удареніемъ (вѣроятно, по преимуществу передъ мягкими согл.): р*и́*цька, зд*и*сь, оби́дня, до в*и́*ку, нев*и́*рной, на мягкія *жд* и *шт* вм. *жж* и *щ*: дро́*жди*, во́*жди*, е*жд*я́лъ, *шт*юка, ро*шт*я, на мягкое *ц*, на *ф* вм. *хв*: *ф*остъ, *ф*оростъ, *ф*оя. на *мм* и *вв*, *в* вм. *бм*, *бв* о*мм*анъ, о*вв*инце́ть, ово-

[1]) Жив. Ст. 1892 г., III.

[2]) Изв. отд. р. яз. и сл. Ак. Н. 1896 г., III.

[3]) Олон. Губ. Вѣд. 1893 г., №№ 19—22.

ровать. на стяженіе гласныхъ въ мово́, игра́шъ, шага́тъ. Затѣмъ, этимъ наблюдателемъ замѣчено звукъ *г* «всегда съ густымъ придыханіемъ, близко къ *х*», а «тонкое *г* нигдѣ не слышится»; *ц* вм. *ч* обычно, и *ц* у мущинъ тверже, а у женщинъ «доходитъ до слащавости», «замѣна звука *ц* звукомъ *ч* строго не соблюдается», и вм. *ц* иногда слышится звукъ средній между *ч* и *ц*, ближе къ *ч*. Сверхъ того, отмѣчено: *и* вм. *е* въ дв*и*ре́ми, мягкое *с* вм. *ч* (*ш*) въ серде*с*ьній, моло*с*ьній, наро*с*ьне и формы: род. ед. на *ово*, дат.-мѣстн. ед. фъ грезе́ (въ грязи), фъ крове́, путе́, им. мн. колосье, коренье, колье́, неопр. те*к*ци, си́*к*ци (сѣчь), те*к*ци, возвр. з. на *се*: поклонюсе, сошлисе, одивайсе, ср. ст. на *яя*: добр*я́я*, полн*я́я*, очень часто употребляющіеся остатки формъ члена: дорога-*то*, рѣки-*те*, поля-*те*. Рѣчь названныхъ волостей растянута, удареніе придаетъ гласнымъ почти двойную долготу сравнительно съ другими гласными; вообще же рѣчь имѣетъ какую-то особенную плавность и мелодичность [1]).

Относительно говора въ г. Каргополѣ намъ извѣстно, что въ немъ *ѣ* «выговаривается неправильно» (т. е. какъ *и*) только въ глаголѣ *ѣсть*, удерживая въ другихъ словахъ «правильный выговоръ» [2]).

Говоръ Петрозаводскаго у. (дер. Лембачева, въ 19 верстахъ отъ Петрозаводска) имѣетъ *е* изъ *е* безъ ударенія сравнительно рѣдко: воскресе́ньё, скоре́е́, дубовые, нашо, но слеза́, ребро́, веду́, беру́, о́зеро, по́грепъ и т п съ *е*; *е* безъ ударенія сохраняется (но ниде́ля), *ѣ*=*е* (но д*і*ется=дѣется, вис*и́*ть, свир*и́*пъ), *я* сохраняется (но педдеся́тъ), *щ* мягкое, конечные губные твердые: любо́*фъ*, се*мъ*, голу*пъ*, стяженіе гласныхъ· до́бр*а* мать (но дум*ае*тъ), добр*ы* люди, *л* передъ согласными и въ концѣ словъ=*ў*: до́*ў*го. бы*ў*; формы род. мирово́*во* и станово́*ħо*, е*ħо́*, воде́ и вод*ы́*, дат.-мѣстн. ед. ж. р. на *ы*, 3 л. ед. пла́*че*, лю́б*и*, но́с*и*, мн. ру́б*я*, лю́б*я*, сид*я́*, возвр. з. на *се* [3]).

Говоръ окрестностей озеръ Выгозера и Водлозера (въ сѣв.-зап. Пріонежьѣ) отличается «наклонностью» *ц* къ *ч* и *ѣ* къ *и*, но случаи, гдѣ вмѣсто *ц*—чистое *ч*, а вм. *ѣ*—чистое *и*, рѣдки и непостоянны, обыкновенно слышатся средніе звуки, которые наблюдатель затрудняется передать графически. Такъ, очень рѣдко говорятъ молоде́*чь*, б*и́*лой св*и́*тъ; обыкновенно слышно что-то среднее между молоде*чь* и молоде*ць*, между св*и*тъ и св*е*тъ. Здѣсь *о*—«чистое»; *ё* изъ *е* очень часто сла́вно*е*, коро́вищ*о*, здра́фству*е*тъ, пря́*ж*очка, сѣятеле́вичъ, *е* изъ *я* (спорадически): не́нюшка; *ц* можетъ быть мягко: *цю*до, ли*це́*, есть стяженіе гласныхъ· нака́зыв*а*тъ; формы дат.-мѣстн. ед. на *ы*, твор. мн. существительныхъ и

[1]) Жив. Стар 1893 г., III.

[2]) Кораблевъ. Этнографич и географич. очеркъ г. Каргополя. М. 1851, стр. 68

[3]) Изв. отд. р. яз. и сл. Ак. Н. 1896 г., II

личныхъ мѣстоименій на *мы*: стола*мы*, на*мы* (рядомъ на *ми*), тв. мн. прилагат. на *ма*: дубовы*ма*, 3 л. безъ *тъ*. ку́шае́, лю́бя (=любятъ), возвр. зал. на *се*, *си* и *со*· показа́ло*си*, закручи́нил*со*. Сверхъ того, *и* изъ *е* безъ ударенія въ м*и*ня́, и—что важно—*г* въ ф. род. ед.: добро*г*о, не добро*в*о [1]).

Говоръ Повѣнца и его уѣзда (сѣв. берегъ Онежскаго оз.) не имѣетъ важныхъ особенностей. Въ немъ отмѣчены частое *ц* (мягкое) вм. *ч*, частое *ё* изъ *е* (оружье́, е́=есть), спорадическое *и* вм. *ѣ*: свир*и*пой, зд*и*, гд*и*, мн*и*, стяженіе гласныхъ: де́л*а*тъ; формы род. на ов*а*, дат.-мѣстн. ед. на *ы*, твор. мн. существительныхъ на *мы*, а прилагательныхъ на *ма*, 3 л. безъ *тъ*.

Говоръ окрестностей оз. Кенозера и рѣки Моши (сѣв.-вост. Пріонежье) отличается «чистымъ» произношеніемъ *ц* (т. е. нѣтъ *ч* вм. *ц*, но *ц* вм. *ч* обычно), *ѣ*=*е* (*ѣ* «весьма рѣдко принимаетъ оттѣнокъ звука *и*»), частымъ *ё* изъ *е*, стяженіемъ гласныхъ, формами дат.-мѣстн. ед. на *ы*, твор. на *ма* (подъ ни*ма́*=подъ ними), 3 л. безъ *тъ* [2]).

По Рыбникову, въ Олонецкой губ. «множество разнорѣчій не только по уѣздамъ, но даже по волостямъ», изъ которыхъ два главныхъ. 1) заонежское и близкое къ нему пудожское и 2) каргопольско-вытегорское. По его словамъ, выдающіяся черты олонецкихъ говоровъ таковы мягкія *ц* и *ч*: *цю*жой, молоде*ць*, умни*чя*; *а* послѣ *ж* вм. *е* *жа*нихъ, *жа*ланной; *и* «иногда» изъ *е* б*и*здиля (ничего недѣлающій), ц*и*рточька, и на оборотъ, звукъ близкій къ *е* «иногда» изъ *и*. гредня (гридня); *и* изъ *ѣ* «почти всегда, а на концѣ словъ и во флексіяхъ всегда»: р*и*ценька, св*и*тёлъ, гд*и*; мягкое *жд* въ поѣ*жд*яне, пріѣ*жд*ялъ; формы твор. мн. существит. на *мъ* и *мы*, а прилагат. и мѣстоименій на *ма*, 3 л. ед. на *тъ* и безъ *тъ* (съ *е*, не *е́* веде́ть, также какъ въ веде́шъ, веде́мъ, веде́те), возвр. з. дава́ть*це*, колоти́ть*це*, сравн. степ. скур*я́е*, вѣрн*я́е* [3]).

По Шахматову, въ рядѣ говоровъ Петрозаводскаго, Повѣнецкаго и Пудожскаго уѣздовъ, на мѣстѣ древняго и орѳографическаго *ѣ*, подъ удареніемъ передъ твердымъ согласнымъ слышится узкое *е* (въ родѣ того, которое слышится въ день), отличное отъ обычнаго въ такомъ случаѣ широкаго *е*. згор*е*ⁱло, нев*е*ⁱста и т. п. [4]).

---

[1]) Онежскія былины, собр. Гильфердингомъ (особенно введеніе, стр. XXXI). Въ текстѣ былинъ мы читаемъ: в*и*сть (вѣсть) на двор*и*, въ шатр*и* и т. п.

[2]) Тамъ же.

[3]) Рыбниковъ, Пѣсни, ч. IV, приложеніе. О говорахъ Олон. губ. смотри еще у Рыбникова, ч. III, стр 347 сл., и у Барсова, Причитанія сѣв. края.

[4]) Изслѣдованія въ области р. фонетики, Варш. 1893, стр. 165.—Майновъ (Поѣздка въ Обонежье и Корелу, Спб. 1874, стр. 88) говоритъ слѣд.: «Заонежанинъ и говоритъ-то не такъ, какъ вообще сѣверякъ, и потому его говоръ сейчасъ узнаешь, и отличишь заонежанина въ толпѣ русскихъ крестьянъ. Удареніе онъ дѣлаетъ такъ, что иное слово сразу и не поймешь...; не стѣсняется онъ и буквами и

Переходимъ къ Архангельской губ. Колосовъ говоритъ, что въ ней *ѐ* изъ *е* рѣже, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ (между прочимъ, чѣмъ въ Вологодской губ.), что *и* изъ *ѣ* рѣдко, что ф. род. можетъ оканчиваться на ова, а форма возвр. з. на *сѐ* [1]).

Говоръ г. Онеги и его уѣзда имѣетъ частое *ц* (мягкое) вм. *ч* и на оборотъ: краса́вича, молотча́ (род. ед.), льютче (3 л.), частое *ё* изъ *е*: будѐ, полё, синѐё, лѐжытъ, *и* вм. *ѣ* въ концѣ словъ: фъ сундуки́, фъ Ки́еви, частое *е* изъ *я*: кнесь, кнѐзя, боѐринъ, персне́ми (твор.), сре-жѐитсе, стяженіе гласныхъ: ду́матъ (рядомъ: ду́маѐтъ), смеле́, метне́, скоря́ (сравн. ст.,=смѣлѣе), твердыя двойныя *ш* и *ж*, спорадическое *и* вм. *е* безъ ударенія: миня́, по ре́циньки, формы род. ед. ково, твор. мн. существит. на *мы*: ушмы, а прилагательныхъ и мѣстоименій на *ма*: старыма, тема́, 3 л. безъ *ть* буде (рядомъ. пекеть), возвр. з. на *се*; мѣстоименіе що. Сверхъ того, отмѣчено мягкое *с* вмѣсто *ч* (*ш*) передъ *н*: зысьной голосъ, королевисьня, плата гудо́сьная, и остатки формъ члена глаза́-*те* [2]).

О говорахъ Архангельскаго у. мы знаемъ очень мало. Отмѣчено мягкое *ц* вм. *ч* (*ч* въ нихъ не употребляется), *а* въ жала́нная, *и* вм. *ѣ* въ на коври́ (при тобѣ), *е* изъ *я* въ питье́мы (твор.), проте́гивай, твердое двойное *ш*, формы род. ед. ж. р. *тэя* (?), дат.-мѣстн. ед. на *ы*, тв. мн. существ. на *мы*, а прилаг. на *ма*, возвр. з. на *се*, остатки формъ члена ко злодѣю-*ту*, женидьбу-*ту* [3]).

О говорѣ большей части Шенкурскаго у. наши данныя также скудны. Въ немъ отмѣчены *у* въ скурѣе, чюстовать (честовать=угощать), мягкое *ц* вмѣсто *ч*: цясъ, цюдо, и на оборотъ петничя (рядомъ съ чясъ, петниця), частое *и* изъ *е* и *я* безъ ударенія: нивёска, мидвѐть, ичько, мики́на, свити́на (святыня), частое *ё* изъ *е* (даже: дубовыё, им. мн.), *е* изъ *я*: печёль, качёть, чесы́, езы́къ, цёдо (=чадо), *и* изъ *ѣ*: писня, умію, ми́сець,

---

мѣняетъ ихъ по своему, то поступаясь малороссійскому языку, то цокая.. Говоритъ обонежанинъ (и заонежанинъ).. медленно, съ разстановочкой, и притомъ такъ и распѣваетъ. Слышать, какъ говоритъ заонежанка (у нихъ распѣвность сильнѣе всего замѣтна), значитъ слышать отличнѣйшій речитативъ.. Такъ ловко она вытянетъ гласную, смягчитъ согласную, поднимете, опуститъ голосъ тамъ, гдѣ нужно, что рѣчь такъ и льется у нея». — Кромѣ чисто русскихъ говоровъ, въ Олонецкой губ слышатся говоры корело-русскіе съ особенною фонетикою и акцентуаціей. О нихъ у Шахматова, стр. 316 (срв. Жив. Ст. 1892 г., IV, ст. Лѣскова).

[1]) «Вообще жители (Арханг. губ.) говорятъ нѣсколько протяжно, особенно на послѣднемъ слогѣ, удвояя гласные. новоой, говориишь». Журн. М. Нар. Пр. 1850 г., ч. 65, стр. 134 (=Арханг. Губ. Вѣд. 1847 г. № 30). По Далю, «пѣвучесть говора на западѣ Архангельской губ. уменьшается; она сильнѣе по Печорѣ, Мезени, Двинѣ».

[2]) Кораблевъ. Очеркъ нравоописательной этнографіи г. Онеги, М. 1853 — Памятники и образцы народн. языка и словесности (Изв Ак. Н. III, IV).—Истоминъ, Пѣсни р. народа, I, Спб. 1894 (Андозеро).

[3]) Истоминъ. Мѣстности: посадъ Ненокса, Унской посадъ, д. Коскова гора.

стяженіе гласныхъ: ду́*ма*шъ, ду́*ма*тъ. твердое двойное *ж*, формы род на ов*а*, твор. мн. на *ма*. ша́пк*има*, лопа́т*ыма*, но́жык*има*, оре́х*има*, мѣстн. ед. во путе́ (отъ путь) [1]), неопр. н. же*к*чи́, возвр. з на *се*, мѣстоименіе *що*. Говоръ остальной, нижней части того же уѣзда—тотъ же, что въ сосѣдней части Вологодской губ. [2]).

Въ говорѣ г. Кеми отмѣчено мягкое *ц* вм *ч* (*ч* нѣтъ), *е* въ несцястьицѐ, буд*е*тъ, *а* изъ *е* въ ж*а*ни́ть, *и* вм. *ѣ* въ ф. дат. ше́ецк*и*, твердое двойное *ш*: спу*шша*й, *шц* въ уго*шцю* (угощу), род. зеленого и круто*во*, дат.-мѣстн. ед. ж. р на *ы*, тв мн. тѣ*ма* рѣцька*мы* [3])

Сверхъ того, Колосовъ упоминаетъ, что въ Кемскомъ у. мѣстоименіе звучитъ *чо* и *цо*, а въ Мезени формы возвратн. зал. могутъ оканчиваться на *со*.

Большая часть говоровъ Вологодской губ. (вмѣстѣ съ сосѣдними Олонецкой, Архангельской, Костромской и Новгородской) составляютъ особую группу съ говоромъ (по Далю) «очень низкимъ».

Говоръ Вельска и его уѣзда употребляетъ и *ц*, и *ч*, но не такъ, какъ нашъ, а на оборотъ до*ц*ь, те*ц*етъ, сви*ц*а и ли*ч*о, сон*ч*о, *ч*витъ (съ *ц* мягкимъ), онъ имѣетъ *е* изъ *е* очень часто ясно*е*, бери́т*е*, даже со службы царскі*е* (род. ед), ясны*е* (им. мн), *и* вм. *ѣ* почти всегда д*и́*ло. н*и*ту, св*и*тъ, ко мн*и*, *е* изъ *я* передъ мягкими согласными постоянно сп*е́*ть, з*е*ть, засвиц*е́*й (=засвѣчай), гле*д*я́ (3 мн.), стяженіе гласныхъ. дум*а*шъ, прим*а*тъ. формы род. на ов*о* (до́бров*о*) и ов*а*, твор мн. существит. и мѣстоим. на *мъ*: съ цебота*мъ*, съ ва*мъ*, возвр. з. на *се*, *це* выньс*е* Сверхъ того, въ немъ *сц* вм. *щ* пу*сц*ю, частое *и* вм. *е* безъ ударенія ч*и*ло́ (=чело), л*и*бедушка, пол*и*цю́ (=полечу), в*и*ди́ (=веди), м*и*ня́, т*и*бя́, и *ў* въ концѣ словъ и передъ согласными вмѣсто *в* и *л*: ста*у* (=ставь), шо*ў* (=шолъ), ходи́*ў*, мо́*ў*ви*ў* (=молвилъ), во*у*на. Мѣстоименіе *что* звучитъ и *што*. и *що* [4]). Савваитовъ, говоря о говорѣ какой-то мѣстности

---

[1]) Арханг. Губ. Вѣд. 1856 г. №№ 1 и 2. Произношеніе словъ, читаемъ мы здѣсь, протяжно. Въ цѣломъ періодѣ и въ оборотахъ рѣчи дѣлаются особенныя разстановки, повышеніе и пониженіе ударенія, похожія на напѣвъ. Удареніе неправильное.—Матеріалы изъ Шенк. у въ «Пѣсняхъ» Кирѣевскаго, вып. I. стр. 77—86, вып. V, стр. 130—132

[2]) Жителей нижней части сосѣди-сѣверяне дразнятъ словами. куда ходи*в*ъ, куда пошо*в*ъ? (Изв. И. Общ любит естествозн. при Моск. у—тѣ, XXX, вып. 2, стр. 251).

[3]) Истоминъ —Авторъ «Очерковъ западнаго Бѣломорья» разсказываетъ, какъ его везли гребцы-бабы изъ Сумскаго посада. «Странный говоръ ихъ поразилъ меня. Помимо особеннаго говора, страшной быстроты рѣчи, произношенія. поражало также и чрезвычайное обиліе мѣстныхъ словъ» (Русск. Вѣстн, т 173. стр. 104).

[4]) Этнографич. Сборн, V (ст. Воронова), Вѣстн. И. Р. Геогр. Общ ч 25 (1859 г., ст. Воронова)

Вельскаго у., замѣчаетъ, что въ немъ «по большей части *ц* вм. *ч*, а иногда и на оборотъ; послѣднее рѣже», и что «*и* часто вмѣсто *ѣ*». Имъ отмѣчены, кромѣ *е* изъ *я*, *ў* вм. *л*, еще мягкое *жд* въ поежджайте и ф. сравн. степ. поскоря́я, побиля́я [1]).

Говоръ Яренска и его уѣзда, повидимому, тотъ же, что говоръ Вельска. Отмѣчены. *ц* вм. *ч* («самая обыкновенная замѣна», *ц*—мягко, оно передается наблюдателемъ черезъ *цс*), *и* вм. *ѣ* по ви́нники и́демъ, Олексѣй, Ондрѣй (рядомъ: вмѣсте, въ горсте́), *е* вм. *я*: пецёль, несцёсье, дватцеть, взе́ли; *в* передъ согласными, по словамъ наблюдателя, всегда произносится «такъ твердо, что болѣе похоже на *у*, только короче послѣдняго»: такъ же звучитъ *л* «въ концѣ словъ, особенно въ формахъ прош. вр.» взяў деўку, ви́деў, стяженіе гласныхъ часто: знашъ, сбира́сся, знатъ; двойное *ш* твердое: училишшо, мѣстоименіе звучитъ *што* и *що*; формы сравн степ. на *яя*. Что замѣчательно въ яренскомъ говорѣ это—сохраненіе звонкихъ (=звучныхъ). кадка, водка, родъ, зглядъ, рогъ [2]) Колосовъ указалъ въ яренскомъ говорѣ еще ф. род. на ова.

Говоры Сольвычегодска и Великаго Устюга съ ихъ уѣздами, судя по положенію ихъ между Вельскомъ и Яренскомъ и по сообщеніямъ Колосова и Бѣлоруссова, очень близки къ говорамъ вельскому и яренскому. Колосовъ отмѣтилъ въ сольвычегодскомъ говорѣ, кромѣ *ѣ*=*и* и *е* изъ *я*,—мягкое *ц* вмѣсто *ч* или звукъ средній между *ц* и *ч*, *и* вм. *е* какъ безъ ударенія, такъ изрѣдка подъ удареніемъ: види́ (=веди), тичо́тъ, сило́, ови́чка, *в* (т. е. *ў*?) [3]) вм. *л* товкова́ть, довби́ть, шовъ, стяженіе гласныхъ только въ формѣ 2 л: знашъ, ф. твор. мн чашкима, огородыма, конима, красныма, ф. сравн. ст. на *яя*. Дмитріевъ въ великоустюжскомъ говорѣ, кромѣ мягкаго *ц* вм. *ч* и на оборотъ, *е* даже въ люди добрые, *ѣ* = *и*, *е* изъ *я* (передъ мягкими согласными) и стяженія гласныхъ (знатъ рядомъ съ зна́етъ), отмѣтилъ *а* вм. *е* въ жала́ю, *с* въ молосной, ясная мука, пшонисьникъ, *щ* = *шш*, твердое *л* въ си́лной, болной, болшушшой, *мм* изъ *бм*: оммы́ть, наконецъ *ў* вм. *в* и *л* передъ согласными и въ концѣ словъ: даўно́, до́ўго, быў, ко́локоў, даже ўра́гъ. ўрешъ (врешь), формы род. на ово и ова, дат.-мѣстн. ед. ж. р. дверѐ, доцерѐ, возвр. з. на *ця*, сравн. ст. силни́, крепця́, остатки формъ члена: ба́бу-*ту*, ба́бы-*ти*, село-*то*, мѣстоименіе *цѐ* и *што*. Въ устюжскихъ пѣсняхъ, записанныхъ Савваитовымъ, отмѣчены только *ц* вм *ч* (иногда мягкое. *ц*ястой, мосто*ц*ьку, но мосто*ц*ыкъ), *и* вм. *ѣ*

---

[1]) Москвитянинъ 1841 г., ч 2, стр. 271—272 (смѣсь). Бѣлоруссовъ утверждаетъ: «во всѣхъ мѣстностяхъ Вологодской губ. звукъ *в*, происшедшій изъ *л*, произносятъ одинаково: какъ *в*, а не какъ *у*» (Р. Фил. В. 1887 г. № 4, стр. 226).—Нѣсколько текстовъ изъ Вельскаго у въ Жив. Ст 1895 г.

[2]) Вологодскій Сборн., IV, стр. 85—92.

[3]) Колосовъ опредѣляетъ этотъ звукъ какъ средній между *в* и *у*.

гри́ѣтъ, ри́цька, *е* вм. *я*: ми́сецъ, мѣстоим. *цо*. Шевыревъ упомянулъ, какъ объ устюжской чертѣ,—объ *нн* вм. *дн* ланно [1]).

Объ говорѣ Тотемскаго и Кадниковскаго у. мы знаемъ отъ Колосова, что въ немъ *о* можетъ звучать (въ отдѣльныхъ словахъ?) какъ *уо*: тр*уо*сь (=трость), что въ немъ обычны *ц* вм. *ч* и *ч* вм. *ц*, *ѐ* изъ *е* (особенно въ концѣ словъ: до́бро́ѐ, руки бе́лы́е, но· ходи́те), *и* вм. *ъ* передъ мягкими согласными: въ ни́ге, къ неви́сте (при: не́га, неве́ста), *е* изъ *я* также передъ мягкими согл.· *е*йцо́, сіе́ть, стое́ть, твердое двойное *ш*: е*шшо́*, *с* (изрѣдка) изъ *ч* (*ш*); моло́сной (=молочный), твердое *л* передъ *н*: бо*л*ной; кое-гдѣ въ немъ мягкое *к*: руч*кя*, легонь*кей*; ф. род. на ово и на ова; ф. возвр. зал. на *цо*: бит*цо*; ф. сравн. ст. на *яе*, мѣстоименіе *што*, *штѐ*, *щѐ*. Нѣкоторыя мѣстности (указано с. Вотча, Тотемск. у.) имѣютъ постоянно, передъ согласными и въ концѣ словъ, *в* (*ў*?) вмѣсто *л*: дово́го, ко́локов*ъ*, лив*ъ*, рѣдко стяженіе гласныхъ: зна́ѐтъ, *мм* вм. *бм*: о*мм*анъ; ф. им.-вин. мн. на *ыѐ*, ф. дат.-мѣстн. на *е* вм. *и*: къ ма́тере; ф. возвр. з. на *се*, *со*, *цо*: напивс*ѐ*, де́лаетс*о*, де́лат*цо* [2]).

Изъ одного говора Тотемскаго у. (Харинская волость, с. Кептуръ) мы имѣемъ слѣд. данныя: оканье «часто въ увеличенномъ видѣ». х*уо*рошый, *и* изъ *е* безъ ударенія. в*и*ли́цить, *и* изъ *ъ* передъ мягкими согласными: в*и́*рить (но об*и*хъ, об*и*мъ=обѣихъ), *е* изъ *я* также передъ мягкими согласными: опе́ть, де́телъ, мягкое *к* въ Фе́дь*ке*, Ва́сь*кя*, суле́й*кю*, Сельмень*кя* («обиліе» подобныхъ окончаній), твердое *л* въ полза, бо*л*но; формы твор. мн. на *мъ*, 3 л. возвр. з. на *тцы*, *тсе*, *чче*: придеч*че*, неопр. н. пе*жчи*, сравн. ст. едрен*я́е*. При мѣнѣ *ц* и *ч*, *ч* вм. *ц* употребляется обыкновенно женщинами [3]).

Изъ одного говора Кадниковскаго у. (с. Корбанка) мы имѣемъ такія данныя: *ц* и *ч* мягкія: солнч*ё*, клю*цёвая*; спорадическое *и* изъ *ъ*: гр*и*ю, д*и*вицья; мягкое *к* въ мину́точ*кя*, тетуш*кя*, голубуш*кю*, по мале́хоньк*ю*; формы род. ед. ж. р. и им.-вин мн. на *ыс*: род. кирпичны*ё* (и наше*ё*), им. как*іе*, темны*е*, мѣстоименіе *щѐ* [4]).

Изъ другаго говора того же уѣзда (волость Кремлевская, въ сѣверозападномъ углѣ уѣзда) мы имѣемъ слѣдующія данныя: *ц* мягкое употребляется вмѣсто *ч* часто, а *ч* является вм. *ц* «иногда»; *и* изъ *ъ* передъ мягкими согласными, *е* изъ *я* передъ тѣми же согласными; *ў* изъ *в* и *л* передъ согласными и въ концѣ словъ: де́ў*ка*, до́ў*го*, ходи́*ў*; *щ* звучитъ

---

[1]) Жив. Стар. 1893 г., III; Москвитянинъ 1842 г., ч. 6, стр. 312, 333; Р. Филол. Вѣстн. 1887 г., № 4; Шевыревъ, Поѣздка въ Кир.-Бѣл. мон., II, 115. Авторъ статьи въ Ф. В. отмѣтилъ въ Городишнѣ, Великоустюжск. у., мѣстоим. *счѐ*, *че*, *це* (рядомъ съ *ще*, *што*)

[2]) Р. Фил. В 1887 г., № 4.

[3]) Зап. Ак. Н., т. 71 (1893 г.), приложеніе къ протоколамъ.

[4]) Жив. Стар. 1894 г., I

какъ твердое *шч*; нерѣдко *ф* вм. *хв* и на оборотъ: *ф*осъ, у*ф*атъ, *хв*орси́ть, даже Хроло́*ў* день. Формы род. ед. м. р. на ов*о*, а женск. р. на *ые* и *ые*: до́бр*ые*, хоро́ш*ые*, род.-вин. jі*е́* (ее), 3-го л. ед. съ *тъ*: дава*е́тъ*, быва*тъ*, возвр. з. 2 л. ед. ругае*се*, дере*се* (съ однимъ *с*), 3 л. брани́т*це* (ед.), бране́т*це* (мн.). Сравн. степень на *яя* и *іе* рядомъ: сильн*яя* и сильн*іе*.

О третьемъ говорѣ того же у. (центральныя волости уѣзда: Петряевская, Васьяновская, Шапшенская, Устьрѣцкая и др.) мы знаемъ лишь то, что вмѣсто *о* въ немъ слышится звукъ похожій на *уо*: к*уо*ро́ва, т*уо*лько, п*уо*мню, к*уо*ни, д*уо*ма, и что *к* въ извѣстныхъ случаяхъ мягко: ноць*кю* и т. п. [1]).

Въ говорѣ Грязовца Колосовъ отмѣтилъ *и* вм. *е* безъ ударенія въ т*и*бе́, частое стяженіе гласныхъ: зн*а*тъ, и сверхъ того, среднее *л* въ формахъ прошедшаго врем.: зна*лъ*.

Въ говорѣ Никольскаго у. тотъ же Колосовъ отмѣтилъ *ц* вм. *ч* и *ч* (ясное) вмѣсто *ц*. Въ немъ извѣстно еще *и* вмѣсто *ѣ* и *е* вм. *я* передъ мягкими согласными [2]), мѣстоименіе *ште́*.

Изъ цокающихъ говоровъ Тверской губ. мы имѣемъ кое-какія свѣдѣнія о говорѣ Тверскаго у., на границѣ съ Корчевскимъ у. Онъ имѣетъ не только *ц* вм. *ч*, но и *дз* вм. мягкаго *д*, *ц* вм. мягкаго *т*: *дз*е́ло, *дзя-дзя*, *ц*ебя́, у *ця*; *о* въ немъ звучитъ, можетъ быть, закрыто (отмѣчено: *у*топри́, съ па́лк*у*й, зъ доса́д*у*й); есть *е* изъ *я*: *е*рово́й, *е*йцо́; стяженіе гласныхъ обычно: дзе́л*а*шъ, дзе́л*а*тъ, м*о*во́, м*о*му́; ф. род *цея́*, 2 л. ед. возвр. з. ругаеш*стя*. Повидимому, есть случаи аканья (отмѣчено: мол*а*нья́). Возможно, что этотъ говоръ находится въ тѣсной связи съ бѣлорусскими говорами Тверской губ. [3])

Сверхъ того, у насъ есть старыя свѣдѣнія о говорѣ г. Торжка. Наблюдатель самаго начала нынѣшняго столѣтія отмѣчаетъ: твердое *ц* вм. *ч* (*цы*щи=чище), *уо* изъ *о*: п*уо*ра, *и* изъ *ѣ* въ дв*и* нед*и*ли, теб*и* (дат.), гд*и*, н*и*тъ, *и* изъ *е* безъ ударенія: ду́ма*и*тъ. Рядомъ съ *о* и *е* безъ ударенія: *е́*во́, вч*о*ра́,—случаи аканья: ви́дн*а* ди́л*а*. Форма возвр. з. просит*цы*; род. ед. мен*е* и геб*я* рядомъ [4]).

---

[1]) Тамъ же, 1895 г, III—IV.

[2]) «Сказки» Аѳанасьева

[3]) Этнограф. Сб, I. Дзеканье, по Далю, слышится также въ Корчевѣ и въ Торжкѣ.—Бѣжечанки, по тому же Далю, «говорятъ невыносимо на распѣвъ, отрывая коротко всѣ слоги, кромѣ послѣдняго, который растягиваютъ».—Объ одномъ изъ цокающихъ говоровъ Бѣжецкаго уѣзда авторъ замѣтки· «О Бѣжецкомъ уѣздѣ и Теблишанахъ» (Москвитянинъ 1853 г, № 16), говоритъ· «интонація (у жителей с Теблиши)—чижиная; какъ чижъ чиликаетъ, чиликаетъ, да наконецъ и протянетъ, такъ и Теблишанинъ».

[4]) Русскій дорожникъ для употребленія въ пути между столицами Изд. 2-е. Спб. 1802, стр 128.

Наконецъ, мы знаемъ, что говоръ д. Карцево, Новоторжскаго у.,— цокающій. Въ немъ отмѣчены формы тв. мн. на *мъ* и 3 л. мн. сидя [1]).

Одинъ изъ цокающихъ говоровъ Ярославской губ., въ Поситьѣ, Моложскаго у., и въ сосѣдней части Пошехонскаго у., имѣетъ не только *ц* вм. *ч* и *ч* вм. *ц*, но и мягкое *дз* вм. мягкаго *д*, мягкое *ц* вм. мягкаго *т* *дзе*ре́вня, па*дзи́*, *дз*верь, *цесць*, *ц*емно́, *е* изъ *е* въ немъ очень часто безца́сцье, вели́кое, идзи́це, даже: песни веселые (им. мн.), двойныя *ш* и *ж* твердыя· *ишшу*, до*жжы*; формы дат. мн. вм. ф. твор. и на оборотъ умываюсь горюцьми слеза*мъ*, звейцеса ясны*мъ* сокола*мъ*, по глазь*ми*, по поля*ми* цысты*мъ*; ф. 3 л. безъ *тъ*· гуля (=гуляетъ), ф. род.-вин. *ця* (=тя), *цея́*, дат. *цее́*, ф. возвр. з на *са*. Сверхъ того, здѣсь, какъ въ сильно акающихъ говорахъ, въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ въ этихъ послѣднихъ и, сверхъ того, послѣ *ш*,—мягкое *к* косынь*кя*, солнышк*е*, хорошень*кѐ*, горь*кяя*, горь*кюю*, синень*кей*, и въ концѣ словъ *ф* вм. *х* во цюжы*фъ* людзя*фъ*, мое*фъ* ясны*фъ* оцей, и*фъ* (=ихъ) [2]).

Въ другомъ говорѣ Поситья (села Захарьина, Моложскаго у.) отмѣчены лишь частое *и* вм. *ѣ*: б*и*лой, д*и*тушки, вм*и*ст*и*, *е* изъ *я* цюже́нинъ, провоже́той, снаре́нной (=снарядный), мягкое *к* бире́зынь*кя*,—*кю*, *нн* вм. *дн* и еще *и* вм. *е*, обыкновенно передъ мягкими согласн., какъ безъ ударенія, такъ иногда и подъ удареніемъ б*и*реза, б*и*се́да, д*и́*р*и*во (=дерево), д*и*нь, *и*ль (=день, ель), *и*фти гости (=эвти), дв*и*р*и́*й (род. мн.). Но *дз* и *ц* вм. *д* и *т* нѣтъ [3]).

Въ Покровоситскомъ говорѣ (того же у.) «въ словахъ м*ѣ*лъ, с*ѣ*ра, в*ѣ*съ, д*ѣ*ло буква *е* произносится какъ *е* въ словахъ день, весь, а не какъ буква *ѣ*; слѣдовательно, звукъ *е* приближается къ *и*» [4]).

Въ одномъ изъ говоровъ Пошехонскаго у. (с. Давшина), при мягкомъ *ц* вм. *ч* (*ця*съ) и частомъ *е* изъ *е* (на́ш*о*, какъ ж*о*, кош*е́*къ), отмѣчены *и* вм. *ѣ* предъ мягкими согл св*и*ча́, св*и*тл*і*е, гор*и́*ть (=горѣть), Тимоф*і́*й, *е* вм *я*: петь, сто*е́*ть, *ф* вм. *х*. *ф*то (=кто), те*фъ*, въ око́шка*фъ*, формы дат. мн вм. ф тв. и на оборотъ: съ на*мъ*, съ е́те*мъ* подлы*мъ* людьми, къ на*ми*, гъ двора*ми* (употребленіе ф. твор. вм. ф. дат.—признакъ вѣжливости), ф. род. *тія́*, *сія́*, дат. *тіе́*, *сіе́* (рядомъ: тиб*я́*, тибе́), возвратн. зал. на *сы*: занел*сы*, занимает*цы*, мѣстоим. *що* (при *што*). Сверхъ того, остатки формъ члена конямъ-*те* и т. п. [5]).

---

[1]) Матеріалы въ «Пѣсняхъ» Шейна, стр 479 сл

[2]) Этногр. Сб, I; Памяти и обр народ яз и словесн (Изв Ак Н., I) о Поситьѣ.—Р Филол. В 1878 г., № 2 о Пошехоньѣ —О «спцькаряхъ» сс. Байловскаго, Семеновскаго и Покровскаго—Яросл Губ Вѣд. 1856 г, №№ 31—32 (*ц* изъ *т*, та*сцы*=тащи) —Изъ словъ Даля можно заключить. что дзеканье слышится также въ Череповскомъ у.

[3]) Этногр. Сб, I, Р Фил. В. 1879 г № 2.

[4]) Шахматовъ, Изслѣдованія въ области р. фонетики. Варш. 1893, стр. 165.

[5]) Этн. Сб.. II. Авторъ помѣщенной здѣсь статьи сообщаетъ, что описанный

О цокающихъ говорахъ Владимирской губ. мы знаемъ очень мало.

Колосовъ отмѣтилъ въ Муромскомъ у. Бугородица, очюнь; отъ другаго лица намъ извѣстно, что въ говорѣ зарѣченской (на правомъ берегу Оки) части этого уѣзда (цоканье слышится лишь въ ней) распространено стяженіе гласныхъ: знашъ, знатъ, свово, сву сторону; форма род. ед можетъ оканчиваться на ова, ф. род. и дат. звучатъ *тея́, сея́, теé, сеé*. Въ слогахъ послѣ ударенія, мѣстами, болѣе или менѣе часто, нѣчто въ родѣ *а* вм. неударяемаго *о*, но «больше *о*, чѣмъ *а*»; *ч* вм. *ц*, повидимому, неизвѣстно [1]). Говоръ сѣверо-восточной части Мелеоковскаго у., повидимому, тотъ же, что въ Муромскомъ; только въ немъ, рядомъ съ *ц* вм. *ч*, есть изрѣдка и *ч* вм *ц*: *ч*алкóвой. Въ другихъ частяхъ уѣзда рядомъ съ окающими говорами—акающіе, и тѣ и другіе съ цоканьемъ [2]).

Одинъ изъ говоровъ Покровскаго у. (Воронцовская волость, дер. Арханино и др.) имѣетъ рядомъ *ц*асъ, *ц*орный, но*ц*ъ и *ч*арь, сон*ч*а (только у старшаго поколѣнія; младшее говоритъ уже «правильно»), затѣмъ отмѣчено· *у*топри́, *у*гурéцъ, *у*брозá (образа), морё, поле, скорéё и скоряе, пѐту́хъ; *и* вм. *е* безъ ударенія: б*и*рѐжóкъ, вéт*и*ръ, бу́д*и*тъ; твердые гортанные въ пе*кó*тъ, запря*гó*мъ (1 л.), ж*гó*тъ, мягкое *к* въ Ванькя, толькé и т. п., твердыя двойныя *ж* и *ш*, стяженіе гласныхъ: ду́машъ, ду́матъ, умéтъ, ясны дни; форма тв. мн. фсе*мя́* (отъ *весь*), остатки формъ члена· каша-*та*, масло-*то*, бабы-*те*. Повидимому, есть случаи аканья [3]).

Одинъ изъ говоровъ Юрьевскаго у. (с. Бережокъ, въ 25 верстахъ отъ Юрьева) не только имѣетъ *ц* вм. *ч*, но и *дз*, *ц* изъ мягкихъ *д* и *т*: *дз*éло, *ц*елéга, строи*ц*ь. Въ немъ еще отмѣчено· *е*во (рядомъ съ котор*а*й, им. ед., л*а*хмáтка), *ш*=*шш* и *с* въ молосной [4]).

Говоръ Нижегородской губ.. Ардатовскаго у. имѣетъ, рядомъ съ очень закрытымъ *о* (*у*ддыхáць) и съ *ц* (твердымъ) вм. *ч* и *ч* вм. *ц*,—также *дз* вм. мягкаго *д* и *ц* (мягкое) вм. мягкаго *т*: отве*дз*и́, é*дз*етъ, Мор*дз*ви́нъ, бá*ц*юшка, пу*ц*éмъ, нес*ц*и́. Стяженіе гласныхъ· зн*а*тъ, свово,

---

имъ говоръ слышится также на правомъ берегу Шексны (Моложск. у. Яросл. г.) и въ Череповскомъ у., а говоръ другихъ мѣстъ по сосѣдству (въ Пошехонск. у. по р. Югу и въ Вологодск у.) отличается употребленіемъ не только *ц* вм. *ч*, но и на обор: *ц*ебукъ, *ц*аловéкъ, *ч*ерква, а также *шт* вм. *щ* *шт*етина, е*шт*о, *шт*авель.

[1]) Труды Владим. Губ. Стат. Комит. VII, IX, X; Ежегодникъ Вл Г. Ст К, I. Говоръ зарѣченской части Муромскаго у. «отличается растянутостью: тутъ-то-т*ииии*, болезна*яяяя*» (Труды, X. 76).

[2]) Труды IX, Ежегодникъ I. IV, Уч. Зап Каз. Ун. 1895 г., № 1 (ст. Будде).

[3]) Извѣстія отд. р яз. и сл. Ак. Н. 1896 г., II.

[4]) Владим Губ. В 1854 г., № 24.

ф. дат. *цеé, цеэ́* (=тебѣ); *щ=шч*: пу*щче*, спорадическое *а* вм. *о* послѣ ударенія [1]).

Цокающіе говоры Арзамасскаго у имѣютъ только *ц* вм. *ч* (часто). Въ одномъ отмѣчены. *ѐ* изъ *е* безъ ударенія: цово́, цолко́вой, стяженіе гласныхъ: зна*т*ъ, форма род. *тея́* [2]).

Въ другомъ (с. Слизнева) *ё* и *и* изъ *е* безъ ударенія: нёсу́, *е*во́, жона́, *л*ипе́шка, идёт*и* (2 л.), мягкія *д* и *т* съ свистящимъ оттѣнкомъ, близко къ *дз* и *ц*, стяженіе гласныхъ: *б*ать = баять, формы род. *тія*, *сія*, дат. *тіе́*, *те*, *сіе́*. Въ концѣ словъ *а* вм. *о* безъ ударенія: ви́дн*а*, го́рьк*а*й (им. ед.); *ч* вм. *ц* только въ *ч*е́ркофь [3]).

Изъ окающихъ и цокающихъ говоровъ Симбирской губ. мы знаемъ о существованіи лишь одного—с. Кувакина, Алатырскаго у.

Передъ нами Вятская губ. съ ближайшею къ ней заволжскою частью Нижегородской, съ частями Костромской и Уфимской.

Колосовъ по говору дѣлитъ Вятскую губ. на двѣ части—сѣверную и южную, и находитъ, что *о* сильнѣе въ первой и слабѣе во второй. По словамъ Колосова, въ вятскомъ краѣ *о* звучитъ сильнѣе къ сѣверу, слабѣе къ югу; въ его говорѣ *е* изъ *е* не особенно часто, *и* вм *ѣ* спорадически, преимущественно передъ мягкими согласными: здесь, но: *и*тъ; причемъ въ однихъ и тѣхъ же словахъ на мѣстѣ *ѣ* могутъ быть и *и*, и *е* (въ концѣ словъ всегда *е*); *е* вм. *я*: опе́ть, забре*ц*е́ло; твердыя двойныя *ж* и *ш* (*ошшо́*); то твердое, то мягкое *ц*; *с* изъ *ш*: яисьница, дивисьникъ; формы дат. мн. вм. ф. твор. (съ плечамъ), дат. мн. *имя́*, 3 л. безъ *тъ*, неопред. накл. на *ти*: се́я*ти* (часто), также неопр. н. запрежчи; остатки формъ члена: дорогу-*ту*; мѣстоим. *што*, *що*.

По Васнецову, вятскій край можетъ быть раздѣленъ на три части: сѣверную (сѣверныя окраины Слободскаго и Глазовскаго у.), среднюю (южныя части Слободскаго и Глазовскаго у., уѣзды Вятскій, Нолинскій, Котельническій и Орловскій) и южную (южныя половины Уржумскаго, Елабужскаго, Яранскаго, Малмыжскаго у.); изъ нихъ въ средней слышится собственно вятскій говоръ, а въ южной другой, замѣтно отличающійся отъ вятскаго и приближающійся, а часто даже сливающійся съ казанскимъ [4]) Особенности собственно вятскаго говора. «грубое» *о*, иногда переходящее въ дифтонгъ *оу*: хо*у*роу́шо́, по*у*ле́, по*у*пъ

[1]) «Сказки» Аѳанасьева.—Р. Филол. В. 1879 г., № 2.—Этнограф. Сб. V, смѣсь (с. Кужендѣево).

[2]) Р. Филол. В. 1879 г., № 2, стр. 172—163.

[3]) На основаніи сообщенія г. Сереброва. «Послѣдняя гласная буква въ предложеніи произносится протяжно: гдѣ ты бы...ылъ?»

[4]) «Для крестьянъ южныхъ уѣздовъ чисто вятскій говоръ страненъ и служитъ предметомъ ихъ иронiи».

(=попъ), и особое («какъ бы глухое») *у*: *худу́ли*, *ну́жикъ*, частое *е́* изъ *е*: *доброе́*, *море́*, *поле*, *ей*, *за́днёй*; взаимная мѣна *ц* и *ч* [1]); мягкое *ц*: *ця́рь*, *отецъ*; *е* вмѣсто *я*: *ба́еть*, *баѐлъ*, *фсе́чина* (=всячина); формы неопред. накл. на *ти*: *учити*, *роуботати*; остатки формъ члена: *баба-та*, *бабу-ту*, *бабы-те*, *бабы-ти*, *окно-то*, *окну-ту* [2]).

Савиновъ указываетъ у Вятчанъ мѣну *ц* и *ч* («замѣтное пристрастіе къ *ч*»), *е* вм. *я*: *тере́ть* *вре́ме*, *я* вм. *е* подъ удареніемъ (въ нѣсколькихъ словахъ): *ля́гче*, *кря́сло*, ф. сравн. ст. на *яе* (*тепля́е*), мѣстоименіе *штё* и *що*. Онъ замѣчаетъ: «вообще вятское нарѣчіе такъ богато провинціализмами и особенностями выговора, различнаго въ сельскомъ и городскомъ населеніи, что заслуживаетъ вниманія нашихъ филологовъ» [3]).

Будде считаетъ характерной чертой вятскихъ говоровъ неударяемое *о* склонное къ *у* какъ въ слогѣ передъ удареніемъ, такъ и въ слогахъ удаленныхъ отъ ударенія [4]).

Мартыновъ говоритъ: «Говоромъ Вятчанинъ рѣзко отличается отъ своихъ сосѣдей, исключая, можетъ быть, только Костромичанъ. Вятчанинъ, если можно такъ выразиться, щокаетъ и цокаетъ». Онъ указываетъ на очень закрытое *о* (*чуво*=чего), на мѣну *ц* и *ч*, на очень частое *е* вм. *я* (*ме́хче*, *ейчо́*), на особенную мягкость *ц* и *ч* (*цюдо* и *чюдо*, *чюлъ*),

---

[1]) «Рѣчь какъ бы дѣлится на мужскую и женскую. Мужская рѣчь чакающая, а женская цокающая. Въ мужской рѣчи *ц* произносится какъ *ч*, въ женской на оборотъ—*ч* произносится какъ *ц*, а *ц* произносится мягко. Чакающая рѣчь грубовата, а цокающая, напротивъ, отличается мягкостью»

[2]) Календарь Вятской губерніи на 1892 г. Вятка, 1891

[3]) Вѣстн. И. Р. Геогр. Общ. 1858 г., ч. 24, стр. 118. «По мѣрѣ того, какъ вы углубляетесь во внутренность вятскаго края, вы замѣчаете въ рѣчи жителей болѣе и болѣе итальянской пѣвучести (протяженіе голоса на послѣднемъ слогѣ), которая чрезвычайно непріятно дѣйствуетъ на ваше непривычное ухо».—Первое, чѣмъ отличается Вятчанинъ, это растянутость или пѣвучесть въ выговорѣ, которая замѣтна не только у простолюдиновъ, но и у всѣхъ, кто не выѣзжалъ за предѣлы Вятской губ.» Журн. М. Нар. Пр. 1850 г., ч. 65, стр. 148 (=Вятск. Губ. Вѣд. 1847 г., № 32).—По Колосову, Вятчане мѣстами «говорятъ съ растяженіемъ гласныхъ, пѣвучею рѣчью: ничево*оо* и т. п. Кажется, всѣ гласные могутъ имѣть долготу. Растяженіе гласныхъ не всегда совпадаетъ съ удареніемъ, а проявляется и независимо отъ него. Явленіе этой долготы довольно рѣдко. Оно, насколько знаю, встрѣчается мѣстами только въ Вятскомъ и Слободскомъ уѣздахъ. Въ одномъ словѣ можетъ быть два долгихъ гласныхъ» Замѣтки, стр. 64–65.—По Васнецову, въ собственно вятскомъ говорѣ въ концѣ *о* растяжимо: ну-к*оо*, зерн*оо*, худ*оо*. Календ. Вятск. губ. на 1892 г. стр. 235.

[4]) Уч. Зап Каз. Ун. 1896 г, № 10, стр. 30. По автору, «поговорка Вятчанъ не можетъ быть названа пѣвучей; она нисколько не похожа на поговорку подмосковныхъ крестьянъ или вообще акающихъ и скорѣе поражаетъ слухъ своимъ отчеканиваніемъ каждаго слога въ словѣ, чѣмъ плавностью, замѣчаемой въ пѣвучихъ великорусскихъ говорахъ»

на *г*=какъ-бы *хг* (*хг*орохъ). на твердое двойное *ш*, на *нн* вм. *дн* (ла*нн*о), на ф. возвр. з. на *си* (случи́л*си*), на мѣстоим. *ште* и *ще* [1]).

Изъ говоровъ отдѣльныхъ мѣстъ Вятской губ мы знаемъ о слѣдующихъ.

Въ говорѣ Вятскаго у. (сс. Вожгальское и Верхобыстрицкое) отмѣчены· мягкое *ц* вм. *ч* и на оборотъ, *е* въ бу́д*е*тъ, со ты*е* воды, ста́ры*е* старухи, даже жони́дьба, *и* изъ *е* въ ст*и*га́ть, т*и*бе, м*и*ня, *и*што́, *е* изъ *я* не только въ взе́ть, загуле́ли, пре́ницьки, но и въ взела́, веза́лъ, по́есъ, *и* изъ *ѣ* въ кл*и*ть, зд*и*сь, *я* въ дря́во, твердое двойное *ш* те*шша*, форма род. на ов*а*, тв. ед. съ ма́терь*евъ*, дат. мн ко дверь*ми*. тв. мн. на *мъ*, дат. и тв. мн. *имя́*, 1 л. ви*дю* [2])

Въ говорѣ Слободскаго у., кромѣ закрытаго *о*, близкаго къ *у* (п*у́*пикъ=попикъ, б*у*ло́то), *е* изъ *е* «излюбленнаго здѣшнимъ нарѣчіемъ», переходящаго послѣ *г*, *к* даже въ *о*. мого́шъ, мого́тъ, мого́те (=можешь), «постояннаго» употребленія *ч* вмѣсто *ц* и «нерѣдкаго», *ц* вмѣсто *ч*, отмѣчены: долгое *и* изъ *ѣ*: кл*и*ть, св*и*чи, н*и*тъ, *е* изъ *я*: те́нетъ, петь, даже *е*зы́къ, веза́ть, м*е*сно́й, твердое двойное *ш*. о*шшо*, пе*шшо́*ра, откуда простое *ш*· *ш*ока =щека, формы род. на ов*а*, формы дат. мн. вмѣсто ф. твор. и на оборотъ ходитъ нога*мъ*, купилъ сукно дить*ми*, подошолъ къ на*ми*, формы твор. мн. *имя́* (=ими), формы неопред. накл. на *ти*: съи́*сти* (=съѣсть), ф неопред. накл. пе*к*чи, ф. сравнит. степ. на *яе*, мѣстоименіе *ште* и *що*. Сверхъ того мягкое *ц* *цю*ю, *с* вмѣсто *ш* передъ *н*: мо*л*осной, *мм* вм. *бм*: о*мм*анъ, иногда твердое *л* передъ *н*: колоко*л*на, формы дат.-мѣстн дочере́, матере́, лошаде́, пече́, ф. 1 л. ед. коло*т*ю, вре*д*ю, пу*ст*ю, бро*с*ю, мо*ж*у [3]).

Въ говорѣ Кайгорода мѣстоименіе *что* звучитъ *чо* [4]).

Говоръ Глазовскаго у. (Ухтымскаго прихода и смежныхъ мѣстъ) имѣетъ очень закрытое *о* оц*ю*нно, частую мѣну *ц* и *ч* (*ц*юю, с*ц*есье=счастье, молоди*ч*а, лю*ч*ки=людски), частое *и* вм. *ѣ* передъ мягкими согл. и въ концѣ словъ д*и*вки, кл*и*ть, с*и*сь=сѣсть, нельз*и́*, *е* изъ *я* передъ мягкими согласными: опе́ть, бре*ч*а́ть (но бр*я́*кнуть), ц*е́*ю (=чаю), спорадическое *и* вм. *е* безъ ударенія. т*и*бе́, ц*и*во́, стяженіе гласныхъ· б*а*тъ. ф. дат. мн. вм. ф. твор. и на оборотъ. зъ борона*мъ*, по луга*ми*, ф. 3 л. безъ *тъ*, «если передъ *тъ* должны быть два гласныхъ». тоску*е*, цю*е*. мѣстоим. *ште* и *що*. Сверхъ того, ф. 3 л. возвр. з. чу́е*чча*, любу́*счча* и т. п. [5]).

---

[1]) Братчина. Спб. 1859, стр. 277 слѣд

[2]) Матеріалы въ архивѣ И Р. Геогр Общ

[3]) Календарь Вятской губ на 1892 г;—Куропчевъ. Слободской уѣздъ Вятск. губ. въ географич. и статистич. отношеніяхъ. Вятка, 1881.

[4]) Кал Вятск. г. на 1892 г., стр. 211.

[5]) Календарь Вятской губ. на 1880 г. Составилъ Н Спасскій —Будде отмѣ-

Говоръ Котельнича и его уѣзда имѣетъ *ч* вм. *ц* (о *ц* вм. *ч* не упомянуто), ф. 2 л. ед. возвр. з. руга́е*шша*, брани́*шша* и т. п., ф. неопред. н. на *ти* говори*ти*, мѣстоим. *ште* [1]). Сверхъ того (с. Вознесенское): *и* изъ *ѣ* въ *ѵи́*дямъ (=ѣдемъ), сри́тиньска во́лось, *е* въ петь.

Въ одномъ говорѣ Орловскаго у. (с. Истобенское) всѣ шипящіе мягки; еще· *е* въ тож*е́*, до само*е* Вятки; мягкое *к*: верьшь*ке́*фъ (род. мн.); *х* вм. *в* въ ф. род. мн.· това́ро*х*ъ, и въ предлогѣ *въ*· *хъ* Полянахъ; стяженіе гласныхъ· воро́*чя*шь, протяга́шь, при перест*аа*мъ, 1 л. мн.; ф. род. ед. одно*о́*, безъ *в*, тв. мн. на *мъ*, мѣстоименіе *ште*. Въ другомъ (подъ г. Орловомъ) отмѣчено. Орло́*ў*о, на лышадя́хъ, бо*л*шой. Въ одномъ говорѣ Нолинскаго у. (с. Нема) отмѣчено *ц* (мягкое) вм. *ч* и на оборотъ и звукъ средній между *ц* и *ч*. глухое *ы* изъ *о* го́р*ы*тъ (=городъ), пы*в*езў, ассимиляція гласныхъ зн*аа*тъ, зн*аа* (3 л. ед), формы дат.-тв. мн *имя́*, 3 л. ед. и мн. безъ *тъ* гывор*я́* (мн.), пывез*ў*. Въ другомъ говорѣ (д. Грязево, волость Пужинская) спорадическое открытое *о*: во́*л*ось (=волость), *е* и *и* изъ *е* безъ ударенія: буд*е*тъ, друг*і*е (им. мн.), но́ньц*и*, дэ́*си*ть, *и* изъ *ѣ* въ неди́ля, ассимиляція гласныхъ въ быв*а́а*тъ (3 л), робо́т*аэ*тъ. Въ четвертомъ говорѣ (д. Бабики, подъ г. Нолинскомъ). *е* изъ *я* въ петь, *и* изъ *ѣ* въ н*и*тъ, мягкое *к* въ толь*кя*, ф. тв. мн. съ лента*мъ*, 3 л. мн. говор*я́*; мѣстоименіе *ще́* [2]).

Въ говорѣ Уржумскаго у. отмѣчены рѣдкое употребленіе *ц* вмѣсто *ч* и на оборотъ, частое *е* изъ *е*: ля́гит*е́*, по́л*е*, э́дак*і*е воры, спорадическое *и* изъ *ѣ* зд*и*сь, сн*и*къ (=снѣгъ), *е* изъ *я* (почти постоянно передъ мягкими, изрѣдка и передъ твердыми согл.) бреч*е́*ть, гор*е́*чь, д*е́*дя, в*е́*знуть, гр*е́*зной, до́ч*ке* (изъ до́ч*кя*, рядомъ, въ отдѣльныхъ словахъ *я* вм. *е*. ля́хче), твердое двойное *ш*, мягкое *к*: клю*кя*, во́йс*ке*, го́рь*ке*, губе́рьс*ке*й, то́ль*ке*, крючо́*къ*, крюч*кѐ*мъ, двойное *м* вм. *бм*: о*мм*орокъ, о*мме́*нъ (=обмѣнъ), спорадическое *с* вмѣсто *ц* и *ш*: *с*арь (=царь), полови*с*а, спи*с*ъ (=спишь), формы род. ед. мен*е́*, дат. мн. им*я́* (=имъ), къ лошадя́*ми*, мѣстн. ед. фъ кост*е́*, фъ грез*е́* (=въ кости. въ грязи), неопред. н. да́*ти*. ходи́*ти* и т. п., бе*х*чи́, же*х*чи́, сравнит. ст. на *яе*, мѣстоименіе *ште́* (рядомъ по-*шчо*). Стяженіе гласныхъ рѣдко: дел*ае*тъ, зн*ае*тъ, коп*ее*къ [3]).

О говорѣ Сарапульскаго у. мы знаемъ лишь то, что въ немъ

тилъ въ Глаз у (с Лима) *у* въ коро*у* (род.), при рублѐ*фъ*, твердое *л*: бо*л*шо. и ф. род ед. у *ко* (=кого).

[1]) Этнограф. Сб., V, стр. 88–89. Авторъ (Глушковъ) замѣчаетъ· «языкъ – есть чисто русскій; произношеніе словъ вообще просто и твердо»

[2]) Уч Зап. Каз. Ун. 1896 г, № 10, стр. 31—32, ст Будде.

[3]) Магницкій, Особенности русск. говора въ Уржумск. у Вятск. губ. Казань. 1885 Тотъ же говоръ, по Магницкому, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Орловскаго уѣзда. Васнецовъ объ уржумскомъ говорѣ замѣчаетъ, что въ немъ *о* не только звучитъ «мягче», чѣмъ въ говорѣ вятскомъ, но даже переходитъ въ *а* х*а*ромы, к*а*рова (?). Кал. Вятск. г на 1892 г., 235.

есть *и* вм. *ѣ*: *вись* (=вѣсть), *е* вм. *я* (*кричéть*), ф. дат. мн. вм. ф. твор., ф. *имя́*=имъ [1]).

Говоръ Малмыжскаго у. имѣетъ «нѣкоторыя особенности, довольно замѣтно отличающія его отъ другихъ великорусскихъ». Отмѣчено *е* вм. *и*: *сэрква*, *сэловальникъ* [2]).

О говорѣ ветлужскаго края наши свѣдѣнія крайне скудны. Мы знаемъ, что въ предѣлахъ Нижегородской губ. онъ таковъ же, какъ и во всемъ ветлужскомъ краѣ, что онъ отличается отъ говора горной стороны Волги, что въ немъ «всегда» *и* вм. *ч* [3]), что ему свойственно стяженіе гласныхъ: *знашъ*, *знатъ*, *заиндевѣтъ* (= *вѣетъ*), *така* тростычка [4]), что подъ г. Ветлугою *и* мягко, есть *и* изъ *ѣ* (*письня*, но *дéвица*) и *е* изъ *я* (*опеть*), при формахъ тв. мн. на *мъ* [5]). Въ говорѣ Варнавинскаго, Ветлужскаго и Кологривскаго у. Костромской губ. отмѣчены лишь *и* вм. *ч* и *в* вм. *л*: *мовчать* [6]).

Изъ говоровъ Пермской губ. мы имѣемъ болѣе подробныя свѣдѣнія лишь о немногихъ.

Въ говорѣ Шадринскаго у. часто слышится *ё* изъ *е* безъ ударенія: *вúтёръ*, *тоскýётъ*, *вáшо*, *кудá жо*, *и* вм. *ѣ* передъ мягкими согл.: *сить*, *полетúли*, *бездúльникъ*, даже: *одолúла*, *е* вм. *я* не только передъ мягкими, но (иногда) и передъ твердыми согл.: *петь*, *пáметь*, *хозéинъ*, *петнó*, *взелá*, стяженіе гласныхъ: *знашъ*, *знатъ*, *знамъ*, твердое двойное *ш*: *шшокá*, ф. род. на *ово* и *ова*, ф. твор. *имя́* (=ими). Сверхъ того: *и* вм. *е* безъ ударенія (спорадически): *видúля*, *видёте*, *тибé*; мягкое (иногда) *и*; ф. 2 л. ед. возвр. з. *берёшша* и т. п.; остатки формъ члена: *мужыкá-то*, *мужыкý-ту*, *мужыки-те*, о *мужыкáхъ-ту* [7]).

Говоръ г. Чердыни и Чердынскаго у. очень близокъ къ шадринскому. Отмѣчены: *и* вм. *ѣ*, *е* вм. *я*, стяженіе гласныхъ, твердое двойное

---

[1]) Календарь Вятской губ. на 1880 г., стр. 79.

[2]) Современникъ, т. 59 (ст.: «Народн. бытъ въ сѣвер.-вост. Россіи»). Говоръ подъ Царевосанчурскомъ—«протяжный на букву *а* (свысока)», т. е. акающій? Кал. Вятск. г. на 1893 г., стр. 259.

[3]) Вѣстн. И. Р. Географ. Общ. 1858 г., ч. 23, стр. 164. Въ ветлужск. краѣ (Нижегор. губ.) были деревни, выселенныя изъ Тульской губ., акающія (стр. 163). Рѣчь Ветлужанъ отличается «весьма растянутымъ произношеніемъ слоговъ, имѣющихъ на себѣ удареніе, и весьма краткимъ произношеніемъ прочихъ слоговъ, отчего происходитъ неровность въ рѣчи, весьма непріятная для слуха».

[4]) Графъ Н. Толстой. Заволжскіе очерки. М. 1857.

[5]) На основаніи сообщенія г. Ястребова. Даль указываетъ въ Макарьевскомъ уѣздѣ особенно сильную мягкость *и*: *цяриця*.

[6]) Матеріалы для геогр. и статист. Россіи. Костромская губ. Спб. 1861, стр. 498.

[7]) Матеріалы для знакомства съ пермскими говорами въ Пермскомъ Сборникѣ, томы I и II, М. 1859—60, и въ «Сказкахъ» Аѳанасьева.

ш, ф. род. на ова, дат.-мѣстн. гъ дочере́, на еле́ (на ели). твор. мн. прилагат. и мѣстоименій на *мя*: столами дубо́вы*мя*, фсе*мя́* городами (даже: цвето́чк*имя* аленькимя), 1 л. ед. зле*тю* (=взлечу), неопр. н. легчи́. Сверхъ того, *и* вм. *е* безъ ударенія (изрѣдка). *ишо́* (=еще) [1]).

То же можно сказать о говорѣ Кунгурскаго у. Колосовъ отмѣтилъ въ немъ (и въ говорѣ Пермскаго у.) формы сравн. степ. на *ях*: добря́*ях*, и мѣстоименіе *чо* или *цо*.

О говорахъ Соликамскаго и Ирбитскаго у. мы знаемъ лишь то, что *о* въ нихъ звучитъ очень закрыто (отмѣчено: бу*д*ли́вая, кл*у*бу́къ), что *и* можетъ быть на мѣстѣ *ѣ* [2]) и что *с* въ ирбитскомъ говорѣ (по Колосову) иногда замѣняетъ *ц*: улиса, *с*арь, а губныя *п* и *ф* въ исходѣ словъ всегда звучатъ твердо: кора*п*ъ, любо*ф*ъ.

Въ говорѣ Екатеринбургскаго у. (д. Черноусова) отмѣчено: *у* изъ *о*: на *у*собицу, *и* изъ *ѣ* передъ мягкими согласными: с*и́*ни, засви́чивать, даже нев*и́*ступка, *е* изъ *я*: ребина, чуженинъ, тресла, *и* изъ *е* безъ ударенія: кли*и*но́вой (при кли*и*нъ-дерево), дубови*и*нькой, *и*що, стяженіе гласныхъ. свому́, быва́ть, *с* изъ *ц*: лисо́, кольсо́, *с*арь, молодесъ (при мягкомъ *ц*: се́р*ця*, лу*цёкъ*=лучокъ), формы род. на ова, дат.-мѣстн. ед. ж. р. на за́вод*е*, тв. мн. на *мъ*, сравн. ст. свѣтл*ѣ*́; мѣстоименіе *чо*. Сверхъ того: въ говорѣ Кыштымскаго завода. заѣ*жд*яй; въ говорѣ Уткинскаго завода: *ишто́* (еще), ф. 2 л. возвр. з. добье*шша* [3]).

Въ говорѣ Верхотурья отмѣчены: мѣна *ц* (мягкаго) и *ч*: ви́*ця* и ви́*ча*, стяженіе гласныхъ: бе́*г*ать, бе́*г*амъ, твердое двойное *ш*: *шшо*ка́, формы дател. мн. вмѣсто ф. твор.. за губа́*мъ*, формы дат. мн. *имя́*, *емя́*, *фсемя́* (=имъ, всѣмъ), формы род. фсе́*их*ъ, дат. фсе́*им*ъ и т. д. (=всѣхъ, всѣмъ [4]).

Въ говорѣ Богословскаго завода (Верхотурскаго у.) отмѣчено: ал*і*етца, *д*и́вья красота, улиса, платьисо, товари*шшы*, ф. 2 л. возвр. з. заглади*шша*.

Въ говорѣ печорскаго края (с. Усть-цыльма) *о* «иногда какъ-бы приближается къ короткому *у*»: пушо́лъ думо́й; *е* изъ *е* безъ ударенія не особенно часто: са́жонъ (род. мн.), зна́ётъ, зна́ёшъ, но: бер*у́*, нес*у́*, бе́рекъ (=берегъ); *ц* (мягкое) вмѣсто *ч* какъ-будто постоянно: *ц*яша, *ц*юдо, а *ч* вмѣсто *ц* или совсѣмъ не употребляется, или очень рѣдко; *и*

---

[1]) Даль отмѣчаетъ въ чердынскомъ говорѣ еще формы неопр. н. на *ти*. ходи*ти*.

[2]) Скудные матеріалы въ Запискахъ Уральскаго Общ. любител. естествознанія, томы III и VII, Екатеринбургъ, 1875—83.

[3]) Шишонко, Отрывки изъ народнаго творчества Пермской губ. Пермь, 1882. Даль сообщаетъ, что въ Екатеринбургѣ слышится (равно какъ и въ Верхотурьѣ) *ф* вм. *х*: добры*ф*ъ.

[4]) Вѣстн И. Р. Географ. Общ., кн. X, 1854 г.

вмѣсто *ѣ* спорадически: мн*и*, тоб*і*, на столѣ, фъ го́род*и* (но. свѣтъ, свѣ́цька, свѣ́телъ), *е* изъ *я* не только передъ мягкими, но (иногда) и передъ твердыми согласными: дѣ́дя, зеть, фсяка фсѣ́цина, благословлѣ́ть, свѣто́й, сѣ́дутъ (=сядутъ); стяженіе гласныхъ· знатъ (но· моего и т. д.); двойное *ж* иногда твердо: до*жжу́*, до*жжо́*мъ, *ѳ* въ концѣ словъ всегда твердо· любо́*ѳъ*, кро*ѳъ*; формы твор. мн. существительныхъ на *мы*, прилагательныхъ на *ма*: бѣлы*ма* рука́*мы*, шырок*има* река́*мы*, ѳ. 3 л. ед. безъ *тъ*. несѣ (рядомъ несетъ), ф. возвр. з. на *сѣ*, остатки формъ члена: хлѣбо-*тъ*, каша-*та*, ма́сло-*то*, кашу-*ту*, в-кызбушки-*ты*, кони-*ти*, мѣстоименіе *цѣ* (=что). Сверхъ того· *ѣ* произносится «значительно мягче *е*»; формы род. ед. сохраняютъ древнее *г*. до́бро*г*о, твое*г*о [1]).

О цокающихъ говорахъ южнаго Пріуралья у насъ нѣтъ свѣдѣній.

Сибирь въ діалектическомъ отношеніи намъ очень мало извѣстна. Главная часть ея русскаго населенія состоитъ изъ переселенцевъ съ нашего цокающаго сѣвера, прибывшихъ въ Сибирь въ XVII в. Понятно, ихъ говоры имѣютъ очень много общаго съ говорами Архангельской, Вологодской, Вятской, Пермской губ. и разница между ними состоитъ по преимуществу въ словарномъ матеріалѣ [2]). Лишь немногіе изъ нихъ, сѣверно-сибирскіе, выработали себѣ подъ вліяніемъ инородческихъ языковъ новыя черты. Такъ, «выговоръ нѣкоторыхъ звуковъ и тонъ разговора, или повышеніе и пониженіе голоса въ рѣчи, характеръ вокализаціи у русскихъ туруханскихъ уроженцевъ отличаются почти тѣми же особенностями, какъ и у Остяковъ. «Напримѣръ, подобно Остякамъ, они вмѣсто *ч*, *ш*, *ж*, *р* выговариваютъ *с*, *з* и *л* или *рл*. посолъ, осень,

[1]) На основаніи сообщенія Ѳ. М. Истомина Онъ замѣчаетъ «рѣчь произносится довольно быстро, какъ-бы говоркомъ. и вся сила ударенія сосредоточивается на самомъ концѣ теченія или фразы, очень часто на приставочномъ словцѣ *вѣдь* или *да*; при этомъ повышеніе голоса на удареніи можно измѣрить октавою (сравнительно съ остальною рѣчью)» Примѣры. масло-то однако, парень, я и позабылъ вѣть Цяшу-ту потъ кашу-ту хошь взялъ ли? Цяшу-ту взялъ да́, масла-то набъ было взеть да́. Це ино́! Инъ правда твоя

[2]) «Въ Туруханскѣ нѣкоторые казаки и мѣщане умѣютъ говорить по остяцки и по-тунгузски. А на низу Енисея и за тундрой Русскіе почти вовсе и не говорятъ по-русски. а по большей части говорятъ на мѣстныхъ инородческихъ языкахъ.. Въ самомъ русскомъ туруханскомъ нарѣчіи изъ 66 словъ число мѣстныхъ, какія мы успѣли записать такъ сказать на лету, до 33 словъ чисто остяцкихъ и тунгузскихъ и словъ 8 финскихъ, употребляемыхъ и въ архангельскомъ русскомъ нарѣчіи». Извѣстія Сибирск отд И Русск. Географич. Общ., т. III (1872), стр 189—190, ст. Щапова. (О «русско-сибирской народности» вообще и ея языкѣ въ частности см. еще «Этнографическіе очерки Сибири». Анучина. въ Ремесленной Газетѣ 1876 г.).

большой, *з*арко, ме*р*ла (=мѣра), а*л*ьсынъ [1]). «Всѣ коренные жители Нижнеколымска картавятъ», замѣняя *р* и *л* черезъ *ј* и мягкое *т* черезъ *ч*: иба=рыба, емъ=ромъ, юди=люди, тепей=теперь. пьиехаи=пріѣхали, *ч*ее=тѣло, *ч*ёнокъ=теленокъ. Они «вставляютъ якутскія слова. употребляютъ якутскую фразировку и не совсѣмъ свойственное русской рѣчи построеніе» [2]). «Въ Обдорскомъ краю замѣчается то же явленіе. Но такъ какъ обдорское населеніе состоитъ большею частью изъ сравнительно недавнихъ пришельцевъ, то оно не такъ распространено и не такъ рѣзко выражено, какъ въ Туруханскомъ и Колымскомъ краяхъ. Сюсюканье встрѣчается лишь у природныхъ Обдорянъ, и то не у всѣхъ». Они имѣютъ и *л*, и *р*, но смѣшиваютъ свистящіе и шипящіе (даже *ж*олото, *ж*убы). «Сюсюканье, или сладкоязычіе есть явленіе, общее всѣмъ сѣверно-сибирскимъ поселеніямъ. Оно усиливается по направленію къ востоку и сѣверу» [3]).

Изъ говоровъ западной Сибири мы имѣемъ нѣсколько данныхъ о говорѣ с. Усть-Ницынскаго, Тюменскаго округа, Тобольской губ. Отмѣчено: *ч* «иногда» вм. *ц* и *с* «почти всегда» вм. *ц*: улиса, *с*эрьква, молодесъ, *и* «часто» изъ *ѣ*: ви́рить, зви́рь (*ѣ* въ *вѣ*ра, *бѣ*съ произносится «правильно»), твердое двойное *ш*: дружы*шшо*, *шшу*ка, и наконецъ «самая типичная особенность»—«средній звукъ между *в* и *у*» (т. е. *ў*?) на мѣстѣ твердаго *л* въ концѣ и серединѣ словъ: бра*ў*, ходи*ў*, па*ў*ка Остатки формъ члена домо-*тъ*, дома-*та*, дому-*ту*, домомъ-*то*, дома́-*те*, домовъ-*то*, домамъ-*те*, домами-*те*, о домахъ-*то*; вода-*та*, воды-*то*, водѣ-*то*, водой-*то* [4]).

Говоръ большаго села Самарова, Тобольскаго округа, повидимому, сильно подвергся вліянію литературнаго языка, и въ немъ остаются лишь остатки прежнихъ особенностей. Отмѣчено: *и* вм. *ѣ* въ *си́*ти, *си́*ни, *ви́*никъ, изув*и́*чить, наде́ятца, но обыкновенно *ѣ*=*е*; *е* изъ *я* въ опе́ть, ме́чикъ, де́веть, ты́сеча, запрега́ть, чехо́тка, но. пять, грясь, виля́ть; *с* въ *с*ара́пать, твердыя двойныя *ж* и *ш*, *вв* и *мм* вм. *бв*, *бм*: о*ввод*и́ть, о*мма́*нъ; стяженіе гласныхъ: зн*а*мъ, игр*а*мъ; формы род. на ов*а*, тв. мн. тем*я* людьми,

---

[1]) Тамъ же, стр. 190.

[2]) Тамъ же, стр. 162.—Сибирскій Сборникъ (Ядринцева) 1887 г. Спб. 1887 г., стр. 16 —Верхоянскій Сборникъ, составл. Худяковымъ (Труды Восточно-Сибирск. отд. И. Р Геогр. Общ.), Иркутскъ, 1890.

[3]) Бартеневъ, На крайнемъ сѣверо-западѣ Сибири. Спб. 1896, стр. 20;—Живъ. Стар 1894 г., I. ст Бартенева. О кяхтинско-маймачинскомъ яз. мы считаемъ излишнимъ распространяться. онъ не принадлежитъ къ числу русскихъ говоровъ.

[4]) Живъ. Ст. 1894 г., I. «Пѣвучесть и растянутость произношенія», говоритъ наблюдатель, вызываютъ насмѣшки со стороны сосѣдей, которые имѣютъ «особую интонацію».

худы*мя*, сравнит. ст. скор*я́*, сильн*я́*, остатки формъ члена титьку-*ту*. Сверхъ того. *е* «сохраняется», но т*и*бя, с*и*бя, *и*шшо, ф. дат. и мѣстн. ед. ж. р. и ф. дат. и тв. мн. «правильны» [1]).

Въ юго-западной части Томской губ. говоры разнообразны. Въ Тарѣ и въ другихъ мѣстахъ акаютъ, у казаковъ на Иртышѣ говоръ средній между окающимъ и акающимъ; казаки на Алтаѣ слегка акаютъ, напротивъ, казаки около Петропавловска сильно окаютъ. Отмѣчено *с* почти всегда вм. *ц* сана́ (цѣна), я́иса (въ деревняхъ внутри Томской губ.), формы дат.-мѣстн. ед. на путе́, на лошаде́, горсте́, мѣстн. ед. на т*е*мъ, на ч*е*мъ, тв. мн. *имя́* (ими), неопр. н. пе*к*чи, ля́*к*чи [2]).

Сверхъ того, мы имѣемъ отрывочныя данныя изъ другихъ мѣстъ западной Сибири. Звукъ *е* въ бе́ру́, н*е*су́ отмѣченъ въ Ишимскомъ у.; *и* изъ *е* подъ удареніемъ: л*и́*бедь, дв*и*рь, д*и*нь, т*и*сть, п*и́*тля, п*и́*чка, м*и*льница, рядомъ съ *и* изъ *ѣ* передъ мягкими согласными,—тамъ же; *с* изъ *ц* («почти всегда»)—тамъ же; мягкое *к* въ Ва́нь*кя*, чай*кю́*—въ Туринскомъ у.; мягкія *ж* и *ш*: *жя*ръ, *шя*гъ, мо*жь*но, то*шь*но—въ Тарскомъ у.; формы у мене́, у тебе́, у себе́—тамъ же; формы 2 л. возвр. з. годи*шша*, брани*шша*—въ Курганѣ. Затѣмъ отмѣчены безъ точнаго указанія мѣста (въ у. Ишимскомъ, Курганскомъ и Тарскомъ, Тобольской губ.) *ѣ* въ м*ѣ*ра, с*ѣ*ра, в*ѣ*съ звучащее «большею частью» какъ наше *е* въ д*е*нь, с*ѣ*ть, м*ѣ*рь; *е* въ здоро́вь*е*. пол*е*, чи́сто*е*, мн. ч дубо́вы*е*, сравн. ст. бѣля́*е*, *и* изъ *е* безъ ударенія бу́д*и*тъ, ле́б*и*дь, вѣ́т*и*ръ, проща́йт*и*; *я* изъ *е*· взе́ть, де́дя, хозе́йка, *е*дро́, пета́къ, *т* изъ *к* въ *ти́*нуть, *т*исе́ль, и на оборотъ: *ки́*хо, *к*етрать; твердое *ц*; твердыя двойныя *ж* и *ш*; *мм* изъ *бм*: о*мм*анъ; стяженіе гласныхъ; формы тв. мн. на *мъ* и на *мя*: добры*мя* людьми, фсе*мя́*, дат. мн. *имя́*, возвр. з. на *се*; сравнит. ст. на *яя*, *яе*, *яе*, *я* (скор*я*) [3]).

Наконецъ, мы имѣемъ указаніе, что великорусское населеніе Алтая имѣетъ очень закрытое *о* (отмѣчено *у*пя́ть, д*у*ко́ль, *у*тко́ль), двойное твердое *ш*, стяженіе гласныхъ (подним*а*тъ), формы род. на ов*а* и мѣстоименіе *чо* (=что) [4]).

---

[1]) Лопаревъ. Самарово, село Тобол. губ. и округа. Изд. 2-е. Спб. 1896.

[2]) Этнограф. Сборникъ, VI, ст. Потанина. Данныя изъ Томскаго округа (волости Ояшинская, Кайлинская, части волостей Уртомской и Тутальской)—въ Жив Ст. 1895 г. III—IV. Говоръ акающій (старики акаютъ замѣтно сильнѣе, чѣмъ молодые), но главныя особенности—окающихъ говоровъ *с* часто вм. *ц*, стяженіе гласныхъ: зн*а*тъ, крутящ*а* гора; ф тв мн. *имя*, 1 л. но*с*ю, ко*с*ю, шу*т*ю; мѣстоименіе *че*.

[3]) Изв. отд. р. яз и сл. Ак. Н. 1896 г., III.

[4]) Вѣстн. И. Р. Геогр Общ. 1858 г., ч. 24, стр 106—108;—Журн Мин. Нар. Пр 1894 г, № 5, стр 65. Гуляевъ о говорѣ населенія алтайскаго Сузунскаго завода (Томской губ.) говоритъ: онъ «тотъ же, что въ сѣверо-восточныхъ частяхъ европейской Россіи, грубый для непривыкшаго къ нему уха... по самой интонаціи,

Говоръ, говоритъ наблюдатель,—одинъ и тотъ же во всей восточной Сибири въ Иркутскѣ, въ низовьяхъ Ангары, на Илимѣ, въ Верхнеудинскѣ, въ Нерчинскѣ, по Шилкѣ и Амуру, въ Камчаткѣ, у Охотскаго моря, всѣ жители восточной Сибири «считаютъ его своимъ». Въ немъ, при мѣнѣ *ц* и *ч*, *о* звучитъ очень закрыто (отмѣчено даже *нуги*=ноги, на *туй* стороне, *дуле* =доле, подгурье), нерѣдко *и* вм. *ъ* *хлибъ*, *перейхалъ*, и *е* вм. *я*: *опете*; встрѣчается *и* вм. *е* и на оборотъ· *симь* (=семь), *шалеть* (=шалить), *бретца* (= бриться); «повсемѣстно» *в* вм. твердаго *л*: *быва* (=была), *вошка* (=ложка, въ нѣсколькихъ словахъ?); *т* вм. мягкаго *к*: *тину* (=кину), рукавичти, речте (=рѣчкѣ; въ нѣсколькихъ словахъ?); *нн* вм. *дн*, *кн*· *ланно*, три *нни* (=дни), *сунно* (=сукно); *вв* вм. *бв*: *овводить*, *овварной*, *с* вм. *ш*: пасня, *сесть* (=шесть), наси (въ нѣсколькихъ словахъ[2]); *х* вм. *ф* въ формахъ род. мн.· изъ мешкохъ, прутьехъ, формы дат.-мѣстн. на *ы*, род.-дат.-твор.-мѣстн. на *ей*: съ *тей* женой, съ *какей* стороны, въ *однеи* шкуре; ф. дат. мн. вм. твор. и на оборотъ съ *рукамъ*, по *людьми*, дат. и тв. мн. *имя*, неопр. н. *бекчи*, *можчи* (=мочь), взясть (=взять), гнасть, достасть, *слячча* (=шляться), сравн. ст. на *яе* [1]).

О смѣшанномъ и сильно пострадавшемъ отъ вліянія инородцевъ говорѣ Верхоянскаго округа Якутской губ. мы имѣемъ немного данныхъ. Въ немъ есть случаи аканья: *чаво*, *сабе*, *тапер*ъ, рядомъ съ *первуе* мѣсто, *камушекъ*, случаи *и* изъ *ъ*: *нитту*, *е* изъ *я*: *опеть*, *с* изъ *ц*: *саръ*, *серква* (при мягкомъ *ц*), *в* изъ *л*: *вывомать*, твердое *р*. *царъ*, *моро*, *пратать*, твердые гортанные въ *могомъ*, (1 мн.), *волокотъ*, стяженіе гласныхъ· *знашъ*, *робешъ*; формы род. мн. отъ *песцехъ*, *лисицехъ*, *медведехъ*; тв. мн. съ *нима*, съ *этима* людьми, 1 л. *сердю*, неопр. н. *легчи*,

---

похожей въ оживленномъ разговорѣ на речитативъ» (Пам. нар. яз. и словесн. при Изв. Ак. Н. II).

Рядомъ съ Великоруссами на Алтаѣ живутъ говорящіе по-бѣлорусски раскольники изъ Вятки и Черниговской губ., извѣстные у сосѣдей подъ названіемъ «Поляковъ»; другая часть ихъ, «семейскіе», живутъ за Байкаломъ (Записки Зап.-Сибирск. отд. И. Р. Геогр. Общ, кн. II, Омскъ, 1880, стр 97)

[1]) Извѣстія Сибирск отд. И. Р. Геогр. Общ, IV, Иркутскъ, 1873 г., ст. Ровинскаго Авдѣева говоритъ объ Иркутскѣ. «кто пріѣдетъ прямо изъ Москвы или Петербурга,.. его слухъ жестоко пострадаетъ отъ тамошняго выговора» (Записки и замѣчанія о Сибири, М. 1837, стр. 10). «Самый языкъ и манера выражаться тамъ чисто русскіе, и если бы не противная интонація, или аксанъ, какимъ отличается выговоръ иркутскихъ жителей, то у нихъ можно было бы искать истиннаго русскаго языка. Но эти возвышенія и пониженія голоса, эти грубыя ударенія на *о*—чрезвычайно непріятны, особенно тому, кто не привыкъ къ нимъ или отвыкъ отъ нихъ. Надобно прибавить, что такой выговоръ только простолюдиновъ. Въ разговорѣ другихъ только отзывается областная грубость аксана» (Отеч. Зап 1848 года, т. 59, ст. «Воспоминанія объ Иркутскѣ», стр. 131).

лягчи; остатки формъ члена: фъ кать-*ту* (кадь), ноги-*те*, святымъ-*те*, косами-*те* Въ синтаксисѣ этого говора рядъ своеобразныхъ чертъ; напримѣръ, предлогъ *къ* въ немъ не всегда употребляется: пришолъ этому мору, пришолъ медведямъ [1]).

---

[1]) Верхоянскій Сборникъ, стр. 288 сл.

II. Бѣлорусское нарѣчіе.

Мы не будемъ говорить о границахъ бѣлорусскаго нарѣчія съ языками литовскимъ и польскимъ и съ нарѣчіемъ великорусскимъ. Граница его съ нарѣчіемъ малорусскимъ можетъ быть опредѣлена лишь условно [1]): если мы тѣ переходные говоры, которые имѣютъ вмѣстѣ бѣлорусскія аканье и дзеканье и сѣверно-малорусскіе дифтонги, отнесемъ къ числу бѣлорусскихъ, а тѣ, въ которыхъ, при малорусскихъ дифтонгахъ, слышится или только аканье, или только дзеканье,—къ числу малорусскихъ, то южная граница бѣлорусскаго нарѣчія будетъ нами проведена приблизительно по серединѣ Черниговской губ. [2]) и по теченію Припети въ

---

[1]) Смотри карты Риттиха и Кояловича (при «Лекціяхъ по исторіи западной Руси»). Микуцкій въ своемъ «Отчетѣ» говоритъ. «Границы бѣлорусскаго нарѣчія довольно вѣрно обозначены Шафарикомъ въ его извѣстномъ «Славянскомъ народописаніи» Нужно только прибавить, что часть Смоленской губ., по крайней мѣрѣ уѣздъ Порѣцкій, и часть Черниговской губ., по крайней мѣрѣ уѣздъ Суражскій, должно причислить къ бѣлорусскому говору. Часть Гродненской губ., а именно уѣзды Брестскій, Кобринскій и отчасти Пружанскій, а также Пинскій уѣздъ Минской губ., принадлежатъ къ южнорусскому, или малорусскому говору.» Извѣстія Ак. Н., IV, 110 слѣд.

[2]) «Малороссіяне, составляя почти $^2/_3$ всего населенія губерніи, сплошною массою заселяютъ уѣзды Конотопскій, Борзенскій, Нѣжинскій, Козелецкій, юго-восточную часть Остерскаго, степную Сосницкаго и наконецъ южныя части Черниговскаго, Кролевецкаго и Глуховскаго .. За рубежемъ черноземной полосы, къ сѣверу, поселенія Малороссіянъ встрѣчаются лишь какъ весьма рѣдкія исключенія.» Малоруссы «всѣхъ живущихъ къ сѣверу отъ нея (р. Десны) вообще называютъ Задесенцами и и считаютъ ихъ Литвинами, не смотря на то, что въ такъ называемомъ Степкѣ, Сосницкаго уѣзда, преобладаетъ чисто южнорусскій типъ.» Календарь Черниговской губ. на 1887 г., стр. 679—680.—«Чистый типъ Бѣлорусса въ полной силѣ является только въ уѣздахъ Мглинскомъ, Суражскомъ, Новозыбковскомъ, Стародубскомъ и отчасти Городненскомъ.» Матеріалы для географіи и статист. Россіи. Черниговская губ., стр. 533.—«Уже около Глухова и Кролевца попадаются то небѣленыя избы, то телѣги съ двумя узкими досками по бокамъ, то волъ, запряженный товарищемъ съ лошаденкой..; но нарѣчіе въ этой мѣстности все еще носитъ рѣзкій отпечатокъ малорусскаго. Сѣверные же уѣзды Черниговской губ. принадле-

предѣлахъ Минской губ., то южнѣе Припети (въ Мозырскомъ уѣздѣ), то сѣвернѣе (въ Пинскомъ) [1]), а западная—почти по серединѣ Гродненской губ. [2]).

Бѣлорусское нарѣчіе—не болѣе, какъ третье, западное, или акающе-дзекающее поднарѣчіе великорусскаго нарѣчія, наиболѣе близкое по своимъ особенностямъ къ южно-великорусскимъ сильно акающимъ говорамъ. Оно отличается отъ южно-великорусскаго поднарѣчія слѣдующимъ.

Неударяемое *у* можетъ не составлять слога: *ўдáрыць* (два слога), и приближаться къ *в*, даже переходить въ *в*: *вдáрыць*.

Древнее (=орѳографическое) *в*, какъ твердое, такъ и мягкое, передъ согласными (въ ихъ числѣ и *j*-мъ) и въ концѣ словъ обыкновенно (не всегда) звучитъ какъ *у* не составляющее слога: *ў* томъ, *дзéўка*, *здарóўя* (=здоровье), *крóўю* (=кровью), *Пятрóў*; это *ў*, находясь послѣ гласныхъ, вмѣстѣ съ этими послѣдними составляетъ одинъ звукъ-дифтонгъ. Предлогъ-префиксъ *въ* можетъ переходить въ *у* составляющее слогъ: *у* томъ (два слога), или даже въ *ув*, *уво*: *ув аўсé* (=въ овсѣ), *ува снé* (во снѣ). Еще отмѣтимъ: *увéсь* (=весь), *ўсй* и *усй* (=вся).

Древнее (=орѳографическое) твердое *л* въ серединѣ словъ передъ согласными [3]) и въ концѣ формъ прошедшаго времени обыкновенно звучитъ также какъ *у* не составляющее слога, образуя вмѣстѣ съ предъидущими гласными одинъ звукъ-дифтонгъ. *воўкъ* (=волкъ), *тоўстъ*, *вóўна*, *спаў* (=спалъ), *ишóў* (=шолъ), *быў*.

жатъ къ ней только административно: въ нихъ начинаетъ развертываться передъ вами Литва.» Русскій Вѣстникъ, т. 46, стр. 192, ст. Ковальскаго.

[1]) «Сѣверо-восточная часть Пинскаго уѣзда, гдѣ на географическихъ картахъ обозначены деревня Хотыничи, Бобрикъ, Малковичи, Лунинъ, Богдановка и друг., есть едва ли не самая скудная и мало населенная мѣстность Минской губ. .. Жители составляютъ переходъ отъ бѣлорусскаго племени къ малорусскому. Этимъ они отличаются отъ своихъ сосѣдей. Переходъ этотъ замѣчается яснѣе всего въ выговорѣ, который почти въ каждой деревнѣ особый». Такъ, напримѣръ, въ деревнѣ Хотыничахъ, первой по тракту изъ Минска въ Пинскъ, говорятъ *хадзили*, въ слѣдующей деревнѣ, Бобрикѣ,—*ходили*, еще далѣе, въ Плоскиняхъ,—*ходылы* Памятная книжка Виленскаго генералъ-губернаторства на 1868 г.. Спб. 1868. стр. 63, ст Быковскаго

[2]) «Заблудовское нарѣчіе, на которомъ говорятъ... живущіе въ 40 деревняхъ вокругъ м. Заблудова,—рѣзко отличается.... отсутствіемъ измѣненія буквы *о* на *а*. Это какъ-бы переходный типъ отъ бѣлорусскаго къ малороссійскому. За рѣкою Наревъ уже нѣтъ измѣненія буквы *д* на *дз*, свойственнаго бѣлорусскому языку, и вообще въ Бѣльскомъ уѣздѣ языкъ замѣтно отклоняется отъ бѣлорусскаго, переходя въ малороссійскій, которымъ говорятъ Надбужане.» Бобровскій, «Можно ли одно вѣроисповѣданіе принять въ основаніе племеннаго разграниченія Славянъ западной Россіи» (изъ Русскаго Инвалида 1864 г), стр. 31—32.

[3]) Немало исключеній (подъ вліяніемъ аналогіи) пчолка, кабылка, мапілка, hарэлка.

Гортанное *г* звучитъ всегда какъ латинское *h*. Звукъ *g*—только въ полонизмахъ и германизмахъ.

Древнія мягкія *д* и *т* передъ гласными и въ концѣ словъ въ большей части говоровъ звучатъ какъ очень мягкія *дз* и *ц*, изъ которыхъ *дз*—одинъ звукъ-дифтонгъ: *дз*етъ (=дѣдъ), *ц*иха, би*ц*ь (=бить). Древнія *д* и *т* звучатъ какъ *дз* и *ц* такле передъ мягкимъ *в*: *дз*ве, *дз*веръ (=двѣ, дверь), *ц*вярдзи́ць, ча*ц*вертый (=четвертый). Группа *ждз* обыкновенно переходитъ въ *ждж*: *ждж*и (=жди), *ждж*ецъ (=ждетъ), бар*ждж*е́й (=борзѣе) [1]).

Древнее мягкое *р* въ значительной части говоровъ звучитъ твердо: зара́, hару́, hаря́ць, hаря́ць (=заря, горю, горѣть, горитъ), царъ.

На мѣстѣ нашихъ сочетаній мягкихъ согласныхъ съ *j* въ значительной части бѣлорусскихъ говоровъ слышатся двойные мягкіе согласные: вясе́лля (=веселье), со́ллю (=солью, твор. ед.), свиння́, су*дзъдзя́* или су*дъдзя́*, пла́*цъця* или пла́*тъця* (=платье), даже иногда пе*рря* (=перье), откуда могутъ быть простые мягкіе согласные. вясе́ля, свиня́. Но. *бъю*, *пъю* и т. п., при *ллю*.

Шипящія *ж* и *ш* звучатъ всегда твердо. Шипящее *ч* также, повидимому, звучитъ тверже, чѣмъ у насъ: *чы*, рэ*чы*нька и т. п. Мѣсто нашего двойнаго мягкаго *ж* въ большей части бѣлорусскихъ говоровъ занято твердою группою *ждж*: пая*ждж*а́й.

Свистящее *ц* изъ древняго *ц* и изъ *ч* звучитъ твердо: *ц*эпъ, и ясно отличается отъ *ц* изъ древняго *т*.

Звука *ф* въ значительномъ большинствѣ бѣлорусскихъ говоровъ совсѣмъ нѣтъ; его мѣсто въ заимствованныхъ словахъ занято или *х*, *хв*, или *п*: Хранцу́съ, Хве́даръ, *хв*о́ртка, тра́плю, *п*ля́шка, *П*ли́пъ.

Древніе (=орѳографическіе) звонкіе согласные въ концѣ словъ звучатъ какъ соотвѣтствующіе глухіе (кромѣ *в*): дру*х*ъ, мядзве́*ц*ь (=другъ, медвѣдь); при этомъ наши мягкіе губные звучатъ твердо: кара́*бъ*, се*мъ* (=семь).

Изъ формъ мы должны отмѣтить: формы имен.-вин. ед муж. р. прилагательныхъ и мѣстоименій могутъ быть на *ый* или *ы*, на *ій* или *и*, на *эй*: сляпы́*й* или сляпы́ или сляпэ́*й*, друhи́*й* или друhи́ или друhе́*й* (=другой), но т о й (=тотъ, рядомъ съ т э й), с е й. Рядомъ формы им. ед. и род. мн. существительныхъ на *ей*: салаве́*й*, hасьце́*й*.

Формы мѣстн. ед муж. и ср. р. и дат.-мѣстн. ед. женск. р. могутъ быть съ древними свистящими. на паро́*зи*, назе́, ру*ц*э́, сасе́ (=ногѣ, рукѣ, сохѣ), доч*ц*ы или доц*ц*ы, хазяю*ц*ы; рядомъ (въ сѣверныхъ говорахъ): на паро́*hи*, ружэ́, сахе́, до́*чки*.

---

[1]) Бѣлорусское *ц* (изъ *т* мягкаго) по своему звуку нѣсколько отличается отъ великорусскаго тогда какъ въ великорусскомъ *ц* обѣ его части—*т* и *с*—протягиваются равномѣрно, въ бѣлорусскомъ вторая часть *ц*—*с*—протягивается больше первой. Журн. М Н. Пр. 1890 г., № 11. стр 178. ст. Карскаго.

Формы дат. и мѣстн. мн. на *е́мъ*, *е́хъ*: людз*емъ*, hасьц*емъ*, касьц*емъ*, людз*е́хъ* и т. д. (рядомъ на *я́мъ*, *я́хъ*).

Формы род.-вин. мян*е́*, цяб*е́*, сяб*е́*, дат.-мѣстн. т*а*б*е́*, с*а*б*е́*.

Формы род.-вин. на *hо́*, *о́hа*, *аhа*: *яhо́*, сляп*о́hа*, до́бр*аhа*; вмѣсто ма*яhо́*, тва*яhо́*—обыкновенно ма*йhо́* (вмѣсто ма*я*му́—ма*й*му́).

Формы род. ед. женск. мѣстоименій и прилагательныхъ могутъ быть на *е́*, *ыя* *яе́* (=ее), ма*е́* (изъ мо*ее́*), ты*е́*, до̀бр*ыя*, друh*и́я*, рядомъ: ма*е́й* (или—въ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ говорахъ—ма*е́й*) и т. п. Форма *яе́*—также вин. п.

Формы дат.-твор.-мѣстн. (а иногда и род.) ед. женск. р. прилагательныхъ и мѣстоименій могутъ быть на *эй*: сляп*э́й*, т*эй*, рядомъ сляп*о́й*, т*ой*, ма*ей* и т. п.

Формы твор. ед. к*и*мъ, ч*и*мъ, ўс*и*мъ, т*ы*мъ, им. мн. ўс*и*. т*ыя*, род. ўс*и*хъ, т*ы*хъ, дат. ўс*и*мъ, т*ы*мъ и т. д. (рядомъ· ўс*е*, ўс*е*хъ и т. д.).

Формы мѣстн. ед. кан*и́* и т. п., ма*и́*мъ и т. п., т*ы*мъ (рядомъ: кан*е́*, ма*е*мъ, т*о*мъ).

Формы им.-вин. мн. ма*е́*, тва*е́* и т. п. (рядомъ ма*и́*, ма*и́*хъ, ма*и́*мъ).

Формы 3 л. ед. и мн. на *ть*: вядз*е́ць* (съ *е*, не *е* [1]), будз*иць*, формы ед. ч. могутъ быть безъ *ть*: вядз*е́*, бу́дз*я* (но обыкновенно лю́б*иць* и т. п., вядз*е́т*ца и т. п.); рядомъ: *есць* и *е* или *е* (=есть).

Формы 1 л. мн. могутъ быть на *мо*· будзя*мо́*, е́ж*ма* (отъ *ѣсть*, повел. н.).

Формы настоящ. вр. м*ы́*ю, р*ы́*ю и т. п. (=мою, рою), повелит. н. м*ы*й, м*ы́*йця, б*і*й и б*и*, б*и́*йця и б*и́*ця.

Формы повелит. накл. съ шипящими на мѣстѣ нашихъ гортанныхъ· испя*ч*ы, пама*ж*ы (=помоги) и т. п. Формы неопредѣленн. накл. на *ть* и—рѣже—на *ти*: раб*и́ць*, раб*и́ци*.

Формы возвратн. зал. на *ся*. кажу́*ся*, кажу́*сь* (но. кажыт*ца*), изрѣдка на *си*.

Большая часть бѣлорусскихъ говоровъ имѣетъ формы зват. п. на *е*: по́п*я*, Ива́ня (=поп*е*), нѣкоторые говоры—также формы зв. п. на *у*: сва́тк*у*, сынк*у*, карава́*ю*.

Нѣкоторые изъ нихъ сохраняютъ древнія формы им.-вин. двойств. ч. женск. р.: дзве жан*е́*, ру*цэ́*, са*се́* (=двѣ жены, руки, сохи); большая часть ихъ утратила древнія формы двойств. ч. муж. р.: два воўк*и́*, два дварц*ы́*. Форма род.-мѣстн. отъ *два*—*двохъ*; рядомъ: *двухъ*.

Сверхъ того, отмѣтимъ, что въ бѣлорусскихъ говорахъ на мѣстѣ нашего *о* (=древне-русск. ъ) послѣ *р* и *л* какъ подъ удареніемъ, такъ —

---

[1]) Формы 2 л. ед. и мн. изъявит. н. и 1 и 2 л. мн. повел н. также съ *е*: вядз*е́*шъ, вядз*е́*ця (=ведете), вядз*е́*мъ, вядз*е́*ця (=ведите). Нерѣдко впрочемъ и вядз*е*мъ, вядз*и́*це.

чаще — безъ ударенія можетъ быть *ы*. ў крывы́, трысцы́нка, блыха́; что на мѣстѣ нашего *и* въ началѣ словъ можетъ слышаться *и* не составляющее слога (не *j*). *и*шовъ, *и*граць, *и*дзе, что предлоги-префиксы *изъ* и *съ* могутъ звучать какъ *зъ* передъ гласными, передъ *j*, *в*, *л*, *м*, *н*, *р*. *зъ* аднаh́о. *зъ* адно́ю, *зъ* ею (=изъ одного, съ одною, съ нею), *зв*ары́ць, *зн*яць; что предлогъ-префиксъ *съ* можетъ также звучать *изъ*, *исъ*: *изъ* адно́ю, *изд*зе́лаць; что мѣстоименіе 3-го лица обыкновенно звучитъ *енъ*, *яна́*, *яно́*, *яны́* (на югѣ: *в*онъ, *в*ана́, *в*ано́. *в*аны́), что формы 2 л. ед. звучатъ дась́, ясь́ (=дашь, ѣшь).

Мѣстоименіе э т о т ъ звучитъ или *э́*тый, или *h*э́тый.

Словарный матеріалъ сѣверо-восточныхъ бѣлорусскихъ говоровъ лишь немногимъ отличается отъ словарнаго матеріала сосѣднихъ говоровъ великорусскихъ (*якъ*=какъ, полонизмы); въ южныхъ и юго-западныхъ говорахъ онъ близокъ къ словарному матеріалу малорусскаго нарѣчія [1]).

Бѣлорусскіе говоры дѣлятся на двѣ группы на говоры 1) цокающіе и 2) не цокающіе.

I. Ц о к а ю щ і е г о в о р ы очень немногочисленны. Они слышатся въ сѣверной полосѣ и въ сѣверо-восточномъ углу бѣлорусской территоріи— въ Витебской, Смоленской и Тверской губ.

Въ смѣшанномъ говорѣ пограничной съ Псковскою губ. мѣстности С е б е ж с к а г о у., кромѣ *дз* и *ц* изъ *д* и *т*, отмѣчены частое *я* изъ *е*: ляжу́, вядзе́, пяке́, вме́*я* (=умѣетъ), ня мо́ж*а*, род.-вин ед. цябе́ и цябя, род на *во*: ницаво́, рядомъ съ ф. на *го*: майго́, 3 л. ед. безъ *ть*: вядзе́ (съ *е*), пля́ш*а*, хо́дзя, лю́бя, ва́ря, рядомъ съ формами на *ць* вядзе́*ць*, настоящ. врем. но́я (=ноетъ), повелит. накл. пе́йця. Замѣна *ч* черезъ *ц* постоянна, такъ что звука *ч* нѣтъ: *ц*ы́мъ, кру*ц*ына [2]); встрѣчаются формы твор. мн. на *мъ*: съ падру́шка*мъ*, зъ гаряцы*мъ* слиза́*мъ*. На употребленіе въ этомъ говорѣ ў изъ *у*, *в*, *л* нѣтъ указаній (отмѣчено лишь *в* въ *в*га-

---

[1]) Лучшій трудъ по бѣлорусскому нарѣчію—«Очеркъ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи», К а р с к а г о, М. 1886 Краткая, но не дурная характеристика бр. нарѣчія въ «Календарѣ сѣверо-западнаго края на 1889 г.», изд. З а п о л ь с к и м ъ, М 1889 Единственный, очень неполный словарь—«Словарь бѣлорусскаго нарѣчія», Н о с о в и ч а, Спб 1870 О звукахъ бѣлорусскаго нарѣчія писали. Ч е ч о т ъ во введеніи къ «Piosnki wieśniacze znad Niemna i Dzwiny». Wilno, 1846, Б е з с о н о в ъ во введеніи къ своимъ «Бѣлорусскимъ пѣснямъ», М. 1871, и Ш е й н ъ въ приложеніи къ своимъ «Бѣлорусскимъ народнымъ пѣснямъ», Спб. 1874

Указатель матеріаловъ по бѣлорусскому нарѣчію—статья Е л ь с к а г о. Słówko o materyałach służących do badań gwary, etnografii i literatury białoruskiej», въ варшавской газетѣ C h w i l a 1886 г, №№ 17—23

[2]) «Читатель, безъ сомнѣнія, замѣтилъ отсутствіе буквы *ч* и замѣну ея буквою *ц*. Эта особенность говора—причина названія цвикуновъ». Пам. книжка Витебской губ. на 1865 г. Спб. 1865 г, стр 88.

сиць, *вме́я*),также какъ на употребленіе двойныхъ мягкихъ согласныхъ, одного твердаго *р* (отмѣчено рядомъ: *храсци́цель* и *цяпе́ръ*) и *зъ* вмѣсто *съ* (отмѣчено: *свядзе́*, *сни́мя*=сниметъ) [1]).

Въ говорѣ другой мѣстности того же уѣзда (имѣніе Гороватки), кромѣ *дз* и *ц*, частаго *я* изъ *е* (*яму́*, *дзяце́й*, *сябе́*, *ня бье́ць*, рядомъ съ *и*. *цвиты́*, *пираста́ну*), отмѣчены частое глухое *ы* изъ *а*, *о* послѣ твердыхъ согласныхъ, даже въ слогѣ передъ удареніемъ: *сыба́ка*, *зыда́ли* (=задали), *пыва́тка* (=повадка), *рыбыта́ць*, *пымыга́ць*, *быя́лись*, *го́лысъ*, рядомъ съ *а*: *харашо́*, *каро́ва*, *маладзе́цъ*, двойные мягкіе согласные *абражэння*, *абличча*, *жыцце*, *силлю* (=силью, силою), частое твердое *р*: *пра́мо*, *грабу́* (=гребу), *звяры́*, *цяперъ* (рядомъ· *бяреза*, *цяпе́ръ* и т. п.), формы им. ед. на *ей*· *яке́й*, *таке́й*, *друге́й* (рядомъ· *лихо́й*), род.-вин. *цябе́* и *цибя́*, *мяне́* и *миня́*, род. на *во*: *цаво́*, рядомъ съ ф. на *го*: *яго́*, *майго́*, *до́брыга* и т. п., дат. мн. *людзе́мъ*, 3 л. ед. *идзе́ць* (рядомъ: *вядзе́ць* и т. п.), повел. накл. *бей*, возвратн. зал. на *си* (изрѣдка): *мали́лиси*. Мѣна *ч* черезъ *ц* часта, но непостоянна: *цы́ста*, *вяцэ́рня*, *рушницо́къ* и т. п. На употребленіе *ў* изъ *у*, *в*, *л* нѣтъ указаній (отмѣчено лишь *в* изъ *у* и *л*); *зъ* вмѣсто *съ*, повидимому, рѣдко. Можно отмѣтить еще: *було́*, *бува́ла* [2]).

Говоръ одной мѣстности Велижскаго у. отличается не очень сильнымъ аканьемъ. Въ немъ *я* вмѣсто *е*: *ляжы́ть*, *гряхи́*, *мяне́*, *ня пойдить*, рядомъ съ *и*: *нисла́*, *грихи́*, *свита́я*, *јина́* (=она), даже *цыты́ри*, *дянецыкъ*; глухое *ы* вмѣсто неударяемаго *а*, *о* послѣ твердыхъ согласныхъ въ серединѣ словъ (очень часто даже въ слогѣ передъ удареніемъ). *пыха́ть* (=пахать), *сысла́ть* (=сослать), *рыспла́катца*, *ў го́рыди*, *Ива́нывa*, *я́нгелывъ* (ангеловъ), *сыгряшы́ла*; сверхъ того: *до́брыю* (вин. ед.); *ў* изъ *в* и *в* (?) изъ *л*: *давжны́*, *сысла́въ*; двойные мягкіе согласные: *Ильля́*, *збавле́ньня* (но *Марья*); *зъ* вмѣсто *съ*, *изъ*: *зъядать*, *зъ ме́ртвыхъ*; мѣна *ц* и *ч*. *цаго́*, *цасо́цыкъ*, *се́рча*, *черьква*. Мягкія *д* и *т* сохраняются *сяди́ть*, *дянецыкъ* (однако отмѣчено: *адзежа*), мягкое *р*—также. *хрясти́тиль*, *трехъ*, *че́ръква*; формы 3 л. ед. обыкновенно съ *ть*. Еще: двойное мягкое *с* вмѣсто мягкихъ *ст*: *ми́лысьси* (=милости) [3]).

Говоръ другой мѣстности того же уѣзда (с. Узкое) — съ такимъ же аканьемъ (*нясу́*, *мяне́*, *зямлю́*, *сыма́*=сама, *пышла́*, *мыя́*=моя, *кыня́*, *дыцка́*=дочка), съ мѣною *ц* и *ч* (*ма́цыха*, *жани́тча*), съ мягкимъ *р*

[1]) Матеріалы, плохо записанные, въ двухъ Памятн. книжкахъ Витебской губ. на 1865 и на 1866 гг., Спб. 1865—1866, ст. Серебренникова

[2]) Матеріалы, плохо записанные, въ рукописномъ трудѣ П. Ѳ Альхимовича (архивъ И Р. Геогр. Общ.); къ этимъ матеріаламъ очень близки по языку тексты у Шейна, Бѣлорусскія народныя пѣсни (Спб. 1874), стр. 482 слѣд; въ нихъ только *ц* вм. *ч* (рядомъ съ древнимъ *ч*), формы им. ед *бо́жы свѣ́тъ*. твор. мн. *гарацымъ сляза́мъ*, повел накл *пиця* (=пейте), *пайдзе́мъ* Эти тексты. какъ всѣ вообще матеріалы, изданные Шейномъ, записаны не вполнѣ удовлетворительно

[3]) Бѣлорусскій Сборникъ, Романова, V (Витебскъ, 1891).

(*пряжа*), съ формами 3 л. ед. на *ць*, но безъ мягкихъ *д* и *т*: *придзе́ць*. Въ этомъ говорѣ можно еще отмѣтить спорадическое *у* вмѣсто неударяемыхъ *о* и *ы*: *пувяла́* (=повела), *пумагла́*, *мужуки́*. и *сыйцасъ*=сейчасъ [1]).

Говоръ мѣстечка Усвяты, Витебскаго у., отличается частымъ употребленіемъ *я* вмѣсто *е*: *тябе́*, *пяри́на* (но: *лижа́ть*), и глухаго *ы* вмѣсто *а*, *о* послѣ твердыхъ согласныхъ: *мыха́ю*, *нышла́*, у *стыга́хъ*, у *гыспыда́хъ*; мягкое *р* сохраняется. Замѣна *ч* черезъ *ц* непостоянна. *рукаво́цыкъ*, *пцо́лка*. Отмѣчено рядомъ: *дявѝца*, *пыта́ть* и т. п. (часто) и *мылыдзе́цъ* [2])

Въ говорѣ деревень Васьковичи и Козловичи, того же у., отмѣчены *дз* и *ц*. всегда твердое *р*, двойные мягкіе согласные (даже *пе́ррря*). формы имен. ед. на *ы*: *до́бры*. Замѣна *ч* черезъ *ц* непостоянна: *цо́рный* и *чаму́* [3]).

Говоръ непзвѣстной мѣстности того же у., кромѣ *дз* и *ц*, имѣетъ сильное аканье (глухаго *ы* нѣтъ): *панаси́ць*, *па́намъ* (твор. ед.), *зяле́ный*, *нядзе́ля*, *па на́шаму*, *бе́лая* (=бѣлое), но *и* изъ неударяемаго *е* обычно: *дзися́тникъ*, *јина́* (=она), *висялу́ха*, *ду́ринь*, на *мо́рдзи*, *до́бри* (=добрѣ), *назво́льци* (=позвольте), *скажы́ци*; двойные мягкіе согласные (даже: *смерию*, твор.); мягкое *р*. Замѣна *ч* черезъ *ц* очень часта, но не постоянна· *ўцо́ра* (=вчера), при: *ув-аччу* (=въ очью); рядомъ съ нею вмѣсто *ш* слышится *шц*: *яшцо́* (=еще), *прашца́лась*. Формы род. ед. *ницо́хъ* (=ничего), твор. мн. (изрѣдка) на *мъ*, 3 л. на *е* (нерѣдко): *нясе́*. возвратн. зал. на *си* (изрѣдка)· *павита́лиси* [4])

Цокающіи говоръ Дубокрайской волости, Городокскаго у., имѣетъ, кромѣ *дз* и *ц*, менѣе сильное аканье *бярёмъ*, *устава́йця* (2 л. мн.) рядомъ съ *пыказа́ць*, *кы* Христу́, *ми́лысцина*, двойные мягкіе согласные мягкое *р*; замѣна *ч* черезъ *ц*: *цы́стъ*, *жэ́мцухъ*, и на оборотъ: *ча́рства*. Формы дат.-мѣстн. на *ы*: *старань́ы*. Отмѣчено *у* вмѣсто *о*· *пубряду́*, *Бугуро́дзица* [5]).

О цокающемъ говорѣ с. Рибшева и другихъ мѣстъ Порѣцкаго у. наши свѣдѣнія очень скудны. Отмѣчено, кромѣ *дз* и *ц*· *бярй*, *мяня́*, *сястра́*, *ня до́лга*, *яго́*, *тыго́*; *ў* вмѣсто *в* и (въ концѣ формъ прош. вр.) вмѣсто *л*, мягкое *р*; *зъ* вмѣсто *съ*: *зъ ма́цирью*. Замѣна *ч* черезъ *ц* очень часта. *ноцъ*. Группа *во* замѣнена дифтонгомъ *ўо* въ *дўоръ*, группы *ов*, *ев*—звукомъ *у* въ *крусуа́лася*, *кукуа́ла*, *нацуа́ла* (=красовалася); группа *ву* утратила *в* въ *дзе́ушка*, группа *дн* перешла въ *нн*: *ранно́й*, *анни́*

---

[1]) Тамъ же, IV, № 49.

[2]) Матеріалы у Шейна, Пѣсни, стр. 74, 146, 166, 177, 216.

[3]) Матеріалы тамъ же, стр. 71, 152, 163. Изъ неизвѣстной мѣстности. съ частымъ *ц* вм. *ч*,—стр. 153

[4]) Москвитянинъ 1843 г, ч IV, разсказъ «Гецыки».

[5]) Бѣлорусскій Сборникъ, V. стр. 398.

(=одни). Формы им. ед. на *óй* (варанóй) и на *ый*, род. на *во* (варанóва, тавó) и на *го*, род.-вин мяня, цябя, мѣстн. ед. на тэй, 3 л. ед. только на *ть* (*есь*=есть) Сверхъ того, въ этомъ говорѣ важная черта—спорадическія *з* и *с* вмѣсто *ж* и *ш*: *з*áлко=жалко, за*з*гú=зажги, ва цу*з*ы́хъ людзéхъ, лóзыцка=ложечка, *с*ацéръ=шатеръ, сярдзéцусько [1]).

Цокающій говоръ Поникольской волости, Бѣльскаго у., повидимому, почти тожественъ съ говоромъ рибшевскимъ. Отмѣчено *дз* и *ц*, двойные мягкіе согласные, аканье (нясú, нясý, нядýжа, жанá, но: кры-вáть=кровать), *ў* вмѣсто *в* и *л* (шоўкъ, даже стоў=столъ) [2]), *ўó* вм. *во*: дўоръ, *у* вм. *ов*: ск*у*áць=сковать, кук*у*áла, *у* вм. *ву*. дзéушка, *нн* вм. *дн*: галóнная, а*нн*ó, формы им. ед. на *ы* и на *ой*: я́ры воскъ, святóй, друг*ой*, род. мяня́, цябя́, твор. множ. на *мъ*: за дравáмъ, 3 л. ед. на *ець*, возвр. зал. на *ця* (не *ца*). поклóнюц*ця* (3 л. мн.). Замѣна *ч* черезъ *ц*. рýцка, *ц*ýю, и изрѣдка *ж* черезъ *з*: лóзацка (=ложечка) [3]).

О цокающемъ говорѣ д Буланиной, Духовщинскаго у., свѣдѣнія очень скудны. Частое *я* изъ *е*: пяляна́, рябя́та, при: гуля́*и*ть; *дз* и *ц* (рядомъ гуля́ить и т. п.); двойные мягкіе согласные; мягкое *р*; *ў* вмѣсто *в* и (въ концѣ формъ прош вр.) вмѣсто *л*, *у* вм. *ов*, *ыв*: дı*у*áлась, цал*у*áла, укр*у*áла; *нн* вмѣсто *дн*· рóнная, а*нн*á; формы им. ед. на *ой*: дараг*ой*, род. мавó (=моего), при *я*гó, мѣстн. на дарóги, 1 л. мн. изъявит. н. аддадземъ. Замѣна *ч* черезъ *ц* клю*ц*ы́, крылé*ц*ка [4]).

О говорѣ села Пречистаго, того же уѣзда, мы знаемъ лишь то, что въ немъ обычно *ц* вмѣсто *ч* [5]).

Говоръ с. Бобровки, въ юго-западной части Ржевскаго у., имѣетъ очень сильное аканье (*ы* изъ *а*, *о* нѣтъ), съ «грубымъ», т. е. очень открытымъ *а*: *аба*рацúўся, вóранъ, *я*гó, вязý, нядзéля, з*я*мля́, такóя, пòля (рядомъ *и* изъ *е*: дз*и*рéвня, дзéр*и*во, мóладз*и*цъ, гавóрьц*и*, 2 л. повелит. н.); *дз* и *ц*, двойные мягкіе согласные (даже Ма*рр*я = Марья); мягкое *р*. Употребленіе *ў* вмѣсто *у*, *в* и (лишь въ концѣ формъ прош. вр.) вмѣсто *л*; частое *зъ* вмѣсто *съ*, *изъ*: *з*матрю́, *з*видáння, *зъ* бáни, *зъ* лéсу, даже *з*виння́, *з*мéлась (= свинья, смѣлость). Мѣна *ц* и *ч* часта и взаимна. до*ц*ъ, *ц*асъ и *ч*áрства, вýли*ч*а. Формы им.-вин. ед. на *ый*, *ой* и *эй* вýмн*ый*, ўтарóй, любéзн*ай* и рябэ́й, худэ́й, бальшэ́й; род.-вин. мянé и миня́,

---

[1]) Шейнъ, Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія сѣверо-западнаго края. Томъ I, часть I (Спб 1887), №№ 184, 195, 198, 403, 450, 562, 563. 593, 596, 656, часть II (Спб. 1890), стр. 419 слѣд.

[2]) Матеріалы такъ дурно записаны, что трудно сказать что-либо о произношеніи *р*.

[3]) Шейнъ, Мат., т. I, ч I. №№ 113, 118—120, 143. 454, 479, 557: ч. II, стр. 392 сл Изъ неизвѣстной мѣстности Бѣльскаго у.: ч. I, № 284.

[4]) Тамъ же, ч. II, стр. 425 сл.

[5]) Смоленскій Этнографич. Сборникъ, Добровольскаго, ч. I, Спб. 1891, стр. 43.

цябе́ и цибя́, майго́; дат.-мѣстн. на руке́, на ру́цки; род.-дат.-мѣстн. маладэ́й, сляпэ́й; дат. мн. людзе́мъ, 3 л. ед. всегда на *тъ*; настоящ. вр. р*ы́*ю и т. д.; повел. н. идзе́мъ (съ *е*). Сверхъ того формы род. ницо́хъ (= ничего), дат.-мѣстн. на *ы*: на галав*ы́*, твор. мн. «всегда» на *мъ*, твор. ед. как*и́*мъ ро́дамъ. Мѣстоименіе *що* [1]).

II. Не цокающіе говоры. Говоры Виленской губ. представляютъ одно цѣлое, имѣя *у* вмѣсто *в* и *л*, *дз* и *ц*, постоянно твердое *р*, *зъ* вмѣсто *изъ*, *сг*. Аканье очень сильно глухое *ъ* или совсѣмъ не слышится, или очень рѣдко, *и* вмѣсто *е*, *я* очень рѣдко (м*и*не́, ц*и*бе́, н*и*ха́й). Двойные мягкіе согласные слышатся очень часто, но не постоянно, въ Ошмянскомъ у. отмѣчено: зе́л*ья*, засто́л*ья* (рядомъ: ща́с*ця* и т. п.), въ Трокскомъ: баяр*ъ*е́, они иногда замѣняются простыми согласными: трокск. заруча́*ня*. Формы им. ед. обыкновенно на *ы* маладо́, дат.-мѣстн. могутъ быть на *эй*. ошмянск. ў *тэй* карчо́мца, 3 л. ед. въ Дисненскомъ уѣздѣ обыкновенно на *ець*, въ Трокскомъ—и на *ець*, и на *е*, въ Вилейскомъ и Лидскомъ—обыкновенно на *е* да́е, пыта́*я*, шы*я* (= шьетъ), повелпт. накл. б*и* (= бей, Трокск. у.). Сверхъ того, можно отмѣтить: спорадическое *у* вмѣсто *о* безъ ударенія: вилейск. ў чо́рн*у*мъ, трокск. кали́н*у*нька, лидск на чирво́н*у*й калини, на харо́ш*у*й, во́бр*у*ць (= оброть), спорадическое *дж* вмѣсто *ж* изъ *д* вилейск. нинави́*дж*у, трокск. ві́*дж*у, ра*дж*у́, спорадическое твердое *с* вмѣсто мягкаго: ошмянск. *сы*дзі́, ошмянск. и трокск. *сэ́*рца, префиксъ *от* иногда звучитъ *од*: дисненск. и лидск. *ад*мыка́ць, *ад*ъе́хаць и т. п., формы пм.-вин. мн. трокск. дваръ́, галубэ́, лидск. карабле́, род ед. трокск., лидск. маго́, рядомъ съ майго́, маяго́; род. мн. ж. р. иногда на *о́ў*. сястро́*ў* (= сестеръ) и т. п; формы повел. накл. ошмянск. памале́мся, лидск. глядзе́ця (2 л.). Начальное *а* часто имѣетъ передъ собою придыханіе *г*: *г*аро́хъ, *г*ара́ць (= орать) [2]).

Не цокающіе говоры Витебской губ. дѣлятся на двѣ группы.

Одна (Дриссенскій, Полоцкій, Лепельскій, Городокскій уу.) отличается. кромѣ *дз* и *ц*, постоянно или почти постоянно твердаго *р*, двойныхъ мягкихъ согласныхъ, *зъ* вмѣсто *съ*,—довольно сильнымъ аканьемъ (глухое *ы* очень рѣдко, только во второмъ слогѣ передъ удареніемъ и въ слогѣ слѣдующемъ за удареніемъ). при частомъ употребленіи *и* мине́

[1]) Этнографич Сборн, I.—«Сказки» Аѳанасьева.

[2]) Тексты въ Русск Филол. Вѣстн. 1889 г., № 2 (Трокск. у.), въ Виленск. Вѣстн 1888 г, №№ 104—122, ст Карскаго (Ошмянскій у.), у Вериги. Podania białoruskie, Lwów, 1889 г. (Лидск. у.), въ Этнографич Сборникѣ, I. ст. Юркевича (Лидскій у.), въ Сборникѣ памятниковъ народнаго творчества въ сѣверо-западномъ краѣ, Вильна, 1866 г (Дисненск. и Вилейскій у.), у Дмитріева, Собраніе пѣсенъ, сказокъ, обрядовъ и обычаевъ крестьянъ сѣверо-западнаго края, Вильна, 1869 г. (Дисн. у.), и у Шейна, Матеріалы. т I.

(и мяне́), іе́ (и яе́), ў жы́ци (но: жні́ця, 2 мн.), слиза́ (и слеза́), питу́шо́къ (и пятушо́къ), жына́ (и жана́), се́ець (и се́яць), ра́ннія, пм. ед. (и ра́нняя). Формы им. ед. на *ы* и *ый* (малады́ и —ы́й), 3 л. ед. обыкновенно на *еть* Еще отмѣчено: *у* вм. *о* безъ ударенія: зъ гарэ́лкую, *дж* вмѣсто *ж* въ гляджу́ (Лепел. у., с. Дубровка). Формы им. ед котъ шэ́рэй (Полоцк. и Город. у.), им. мн. ўсе, род. ўсехъ и т. д., дат.-мѣстн ед. маладэ́й (Лепел и Город. у.), творит. мн. на *мъ*: надъ звязда́мь (Городокск. у.), мѣстн. ед. на сине́хъ (Леп. у.), 1 л. ед. на *ая*: высыла́я (Город. у), возвратн. зал. на *си* (*ци*). аста́нуси, аста́ци (Леп. у.) [1]).

Къ этой группѣ принадлежитъ также говоръ части Витебскаго уѣзда (с. Вороново и др.) [2]).

Другая группа (главнымъ образомъ въ другой части Витебскаго уѣзда: волости Велшиковская и Королевская, село Маделино и др.), совпадая съ первою въ прочихъ чертахъ, отличается отъ нея слабымъ аканьемъ. Въ ней глухое *ы* вмѣсто *о*, *а* является очень часто, даже въ слогѣ передъ ударенiемъ: мыя́ (=моя), кыня́, кыпа́ць, мылыда́, шырыка́, крысыта́ и т. п., дзе́вычкъ (род.), быга́тыга, рядомъ съ *я* и *и* вмѣсто *е*: мяне́, вядзе́ць, сястра́ и т. п., бира́ць, систра, сило́, висялу́ха, чирназе́мъ, жылуды́ (даже: запрыга́ць=запрягать). Еще отмѣчено: *у* вм. *о*: су хута, ф. им ед. на *ы* (но: такей), дат.-мѣстн. тэй, мѣстн на раці́ (рѣкѣ), повел. н. *би*, зъядзе́мъ (съѣдимъ), возвр. з. пытающцо [3]).

Группа не цокающихъ смѣшанно-переходныхъ говоровъ [4]) Смоленской губ., уѣздовъ Смоленскаго (сс. Даньково, Шаталово, Киселевка, Чепищево и др.), Ельнинскаго (сс. Бердибяки, Крутиловка, Сухой Починокъ, Проверженка), Порѣцкаго (с. Иньково), Красненскаго (с. Холощево), Духовщинскаго (сс. Пречистое и Шиловичи), Бѣльскаго (сс. Шоп-

---

[1]) Тексты у Чечота, Prosnki, 1846 г (см. также введенiе), у Шейна. Пѣсни и Мат. тт. I и II, въ Бѣлорусск. Сб., т. V.

[2]) Тексты у Шейна и въ Бѣл. Сб., V (отмѣчены ф. дат.-мѣстн на тэй рэцэ, у буйнэй галаве́, повел. н. *пи*, неопред. н. на *ць* и на *ци*: хадзиці).

[3]) Шейнъ, Мат., т. I, ч. I, и т. II. Вѣроятно, этому говору принадлежатъ матерiалы Никифоровскаго въ «Очеркахъ простонароднаго житья-бытья въ Витебской Бѣлоруссiи». Витебскъ, 1895. Здѣсь, примѣчанiе 11-е, мы читаемъ: «*вств* неударяемыя твердыя гласныя произносятся какъ *ы*»; «неударяемое *е* произносится за *и* безъ исключенiя»; «буква *т* передъ мягкими гласными и *ъ* произносится какъ умягченное *ц*»; «нѣтъ *дз*, потому что буква *д* передъ мягкими на самомъ дѣлѣ не даетъ такого звука». Но въ матерiалахъ мы читаемъ: пирарѣзъ, вяно́къ и т. п. Тамъ же: им ед. м. р. на *эй*, род. ед. ж. *тэй*, 2 л. ед маисьця.

[4]) При корректированiи этой страницы мы получили письмо отъ В. Н. Добровольскаго, изъ котораго видно, что нѣкоторые изъ означенныхъ здѣсь говоровъ—цокающiе. В. Н. Добровольскiй пишетъ: «Въ Духовщинскомъ у. цоканье замѣчается къ сѣверу отъ Духовщины (напр. оно замѣчается въ с. Бересневѣ, въ с. Шиловичахъ) и тянется непрерывно къ сѣверу. Цоканье въ с. Шиловичахъ проявляется въ самой

тово и Дунаево) и Рославльскаго (сс. Лѣтошники, Романовка, Митюли), составляетъ одно цѣлое. Въ нихъ нѣтъ *дз* и *ц*, сохраняется мягкое *р*, но двойные мягкые согласные; *ў* вмѣсто *в* и *л* (однако *л* въ серединѣ словъ нерѣдко сохраняется: па*ўзў* и да*лблю*, а мѣстами даже въ концѣ формъ прошедш. вр.), *зъ* вмѣсто *съ· зъ* вами, зня́ли. Аканье сильнѣе нашего: *а* вмѣсто *о* послѣ твердыхъ согласныхъ является не только въ первомъ, но даже и во второмъ слогѣ передъ удареніемъ: х*а*рашо́, пр*а*даю. г*а*лава́. глухое *ы* передъ удареніемъ рѣдко· п*ы*вядў́, м*ы*й=моя, ст*ы*ю. к*ы*за́, но тотчасъ послѣ ударенія очень часто: като́р*ы*му, даро́г*ы*й (твор.), чи́ст*ы*га (род.), пла́к*ы*ть, *я* и *и* изъ *е* въ слогѣ передъ удареніемъ употребляются рядомъ: мяне́ и м*и*не́, с*я*стра́ и с*и*стра́, но: п*и*ряско́чить, ч*и*р*и*па́ха, сто́йт*я*, стай*т*я (2 л.), моря (им.). быва́*и*ть, де́ла*и*ть, у го́рыд*и*, у астро́з*и*; встрѣчается *и* изъ *я· и*на́ (=яна, она). Сверхъ того, неударяемыя *о* и *ы* послѣ согласныхъ могутъ замѣняться черезъ *у*, а *о* и *а* въ началѣ словъ (послѣ гласныхъ)—черезъ *и* л*у*ма́ю, х*у*ва́ю, п*у*па́ (=попа), па́лк*у*й, мужк*у*́, б*у*ваю, *и*пя́ть (при *а*пять), *и*у́са́ (=овса́), *и*дна́ча, *и*мба́ръ. на *и*гни́ (на огни). Сверхъ того. есть случаи *е* изъ ударяемаго *я·* кричѐть, гл*е*́дючи. Двойное мягкое *с* замѣняется черезъ мягкія *ст*: ба*йсьтя*. зад*у́*мы*исьтя* (2 л возвр. з.), вало́*стя* (=волосья), *стешъ* (=ссешь, сосешь). Изъ формъ отмѣчено. им. ед. на *эй* и *ой* тэ*й*, крив*э́й*. так*е́й*, бальш*э́й* и крив*о́й*, малад*о́й*, род. на *го* и *во*: я*го́* и я*во́*, ча*го́*, ничо́*го* и ча*во́*, май*го́*, мая*го́* и мая*во́*. до́бры*го* и до́бры*ва*, род., дат., твор., мѣстн. ед. женск. на *эй*: адн*э́й*, як*е́й*, свят*э́й* и т. п. (рядомъ на *ой*), род.-вин мяне́, тябе́, я́, дат ед. тябе́, сябе́ (рядомъ съ болѣе обычными т*а*бе́, с*а*бе́), им. мн. на *эя*, *эи* малад*э́я*. дамав*э́я*, чуж*э́я*, так*е́я* (рядомъ на *ыя*, *ыи*), им. мн. ў*си*, род. ў*сих*ъ и т. д. (рядомъ ўсе, ўсехъ), дат. мн. дите́мъ, гасьте́мъ, мѣстн. дите́хъ, гасьте́хъ, 3 л. ед. на *ть* (*ёсть*; на *е* очень рѣдко: мо́*жа*), 3 л. мн. на *ють* вмѣсто *ять*: хо́дють, 2 л. повел. накл. п*ий*, п*и* (Смол. у.), п*ей*. Сверхъ того: *л* звучитъ иногда твердо передъ твердымъ *н*: с*и*лно (Смол. у.); *с* звучитъ твердо въ *сы*йчасъ; *жд* переходитъ въ *ждж* въ *жджи* (=*жди*), *ждж*ешъ; *дн* переходитъ въ *нн*: ро́*нн*ый (Росл. у., с. Романовка; Духовщ. у.. с. Шиловичи). Формы дат.-мѣстн. ед. съ свистящими: на паро́*зи*, на даро́*зи*, и формы съ гортанными рядомъ, ф. дат.-мѣстн. ед. женск. р. могутъ быть на *ы* (Ельн. и Бѣльск. у.), а ф. твор. мн.—на *мъ* (Бѣльск. у.): на галав*ы́*, падъ нага́*мъ*; ф. имен. мн. могутъ быть — по-великорусски—

сильной степени, оно сопровождается и чоканьемъ: отеч, при· доч. Цоканье замѣчается около станціи Гусиное (Могилевск. губ.), Моск.-Брестской жел. дор.; распространяясь въ сосѣднія мѣстности Красненскаго и Смоленскаго у., оно переходитъ въ Порѣцкій у. (сс. Иньково, Лойно, Мамошки, Аретово, Борода, Луги, Низъ). Около Щучья озера цоканье ослабѣваетъ, проявляясь болѣе въ части Порѣцкаго у., прилегающей къ Бѣльскому у.»

на *а* (Бѣл. у.) галасá, ф. зват на *е* (кромѣ Бóжа) неизвѣстны; ф. возвр. з. могутъ быть на *са* (Ельн. у.) [1]).

Говоръ Рославльскаго у, с. Краснозаборья, отличается отъ предыдущихъ говоровъ только болѣе частымъ употребленіемъ глухаго *ы*. пы́хáть (=пахáть), рыбытáть, гывыря́ть, пры нáсъ (=про насъ), кыгдá, мáтушкый (твор.). Другія особенности въ немъ тѣ же: мягкія *д* и *т*, мягкое *р*, двойные мягкіе согласные, *ў* вм. *в* и *л*, частое *я* вм. *е* рядомъ съ *и*. мяне́, ямý, пусти́тя и ўзилá, ни влави́ли, *у* вм. *о*: пувплá, пуплáчъ; формы род. на *го* и *во*: таго́ и яво́, хластóга и прия́тныва, им. мн. на *э́я*: зылатэ́я, 2 л. ед. возвр. з. кидáисьтя (рядомъ· дакýписься) [2]).

О другихъ бѣлорусскихъ не цокающихъ говорахъ Смоленской губ. мы почти совсѣмъ не имѣемъ свѣдѣній и можемъ сказать лишь то, что въ приднѣпровскихъ селеніяхъ Красненскаго у., рядомъ съ двойными мягкими согласными и *зъ* вмѣсто *съ*, слышатся *дз* и *ц* и встрѣчаются формы род. на *во*: свавó [3]).

Говоры сѣверной (бóльшей) половины Могилевской губ.. кромѣ *дз* и *ц*, *ў* вм. *у*, *в*, *л*, *зъ* вм. *изъ*, *съ* и *изъ*, *исъ* вм. *съ*, имѣютъ всѣ, болѣе или менѣе часто, *у* вм. *а*, *о*, *ы*: паéхуў, пухувáю, пупá (=попа), мужукí, булó, *е* вм. *я* подъ ударенiемъ въ глéдзючи, дрéнно, *дж* вм. *ж* изъ *д·* вúджу, твердое *л* передъ твердыми *н* и *ц·* сúлный, вóлный, пáлцы и т п., твердое *с* въ *сы*чáсъ, сэ́рца и т. п., формы им. ед. тэ́й и той, маладэ́й и малады́й (на *ы* нѣтъ), род. ед. женск. р маé, тыé и ты́я, сляпы́я, дóбрыя, вáшыя, другúя, такéя (рядомъ съ маéй, дóбрай, такéй), дат.-твор.-мѣстн. ед. тэй, аднэ́й, мѣстн. ед. на канú, на канцý, род. мн. (изрѣдка) сястрóў (=сестеръ), дат. мн. людзéмъ, 3 л. ед. *есць*, 3 л. мн. вóзюць, 2 л. повелит. п. *би*, *пи*, неопр. н. на *ць* и (изрѣдка) на *ци* éсци (=ѣсть), данéсци, возвр. зал. (изрѣдка) на *си*: сабрáлиси. Формы зват. п. употребляются, но рѣдко.

Одинъ говоръ Сѣнненскаго у. имѣетъ въ однихъ мѣстахъ мягкое *р* (трéмъ и т. п.; рядомъ, нерѣдко: царъ, мора=море и т. п.), въ другихъ только твердое *р*. Глухое *ы* послѣ твердыхъ согласныхъ вмѣсто *а*, *о* безъ ударенія—какъ въ сосѣднихъ говорахъ Витебской и Смоленской губ., т. е. даже въ слогѣ передъ ударенiемъ: аддылá, дыстáць, скыкáць, кынú, астáлыся пяро, рызыйшлúси; *я* вм. *е* вполнѣ обычно: бярú, вялúкій, ямý, идзúця, вывяў (рядомъ: бидá, инá, ў лéси, пóисъ и т. п.). Предлогъ-префиксъ *отъ* изрѣдка звучитъ *одъ* въ *од*ымкнýць и т. п. Формы вин. ед. дóбраю, дóбрыю, мѣстн. ед. ны вакóшку, им. мн. тэ́я, 3 л. ед. на *ець* (*есь*=есть).

---

[1]) Смоленскій Этногр. Сб., чч. I и II.

[2]) Русск. Фил. Вѣстн. 1884 г. № 3.

[3]) Смоленскій Вѣстникъ 1892 г., №№ 14. 15. Текстъ изъ того же уѣзда—у Безсонова, Калѣки, стр. 118.

Другой говоръ того же у. (с. Ульяновичи и др.) — отличается отъ предъидущаго постоянно твердымъ *р* и рѣдкимъ употребленіемъ *ы* вмѣсто *а*, *о* въ слогѣ передъ удареніемъ (но: плáкыць, кóзычка). Формы им. мн. якéя дзярóвъя [1]).

Говоръ Оршанскаго у. близокъ къ первому говору Сѣнненскаго у., но имѣетъ только твердое *р*. Глухое *ы* даже передъ удареніемъ: мый, кызáць и т. п., *у* вмѣсто *о*, *а*, *ы* пумагáць, пругожый и т. п. [2]).

Одинъ говоръ Горецкаго у. (Городищенская волость и др.) также близокъ къ первому говору Сѣнненскаго у: глухое *ы* даже передъ удареніемъ дысáда, рыдний, *у* вм. *о* абубрáть; но отличается отъ него сохраненіемъ мягкихъ *д* и *т* дéгкі, тяперь; *р* въ немъ мягко· ипрямéнить [3]).

Въ другомъ говорѣ (с. Любиничи съ его волостью и др.) глухое *ы* повидимому, очень рѣдко, *и* вм. *е*, *я* не такъ часто, какъ *я* абнилá, сéиць, инá (но. мянé, цябé, нясí, цярыпéць, на зямлé и т. п.). Другія черты мягкое *р* (даже—въ отдѣльныхъ случаяхъ—вмѣсто твердаго: адбарíнваць), формы твор. мн. на *мы*: рукáмы, вáмы, людзьмú, мѣстн. мн. на лясóхъ (=лѣсахъ) и т. п., 3 л. ед. на *ець* (на *е*—рѣдко. *есць* и *е* [4]).

Прочіе говоры этого уѣзда—переходные отъ перваго говора ко второму. Напримѣръ, говоръ г. Копыся имѣетъ *дз* и *ц* при твердомъ *р* и сильномъ аканьѣ, говоръ с. Святошицъ—*дз* и *ц* при мягкомъ *р* и *ы* изъ *о* дыстáлысь и т. п. [5]).

Одинъ говоръ Чаусскаго у. (Гладковскій приходъ, въ юго-зап. части у.) близокъ къ говору Оршанскаго у.: *дз* и *ц* (спорадически *д* и *т*· тябé), мягкое *р*, глухое *ы* изъ *о*, *а* даже въ слогѣ передъ удареніемъ бырáмъ (=борамъ). танцывáць, пады мнóю (не часто), кылыхнúся, скрыпычка, жонык (род.), *и* изъ *е*, *я*: нихáй, вéчиръ, висялá (рядомъ съ *я*). Формы 3 л. ед. всегда на *ць* [6]).

Другой говоръ того же у. (Городецкая волость, въ сѣверо-восточной части у.) отличается отъ предъидущаго очень частымъ употребленіемъ мягкаго *р*, даже вмѣсто твердаго: пряжыць (=прожить), дряць (=драть), рябéць (=робѣть), кýчеря (=кучера), и очень рѣдкимъ употребленіемъ глухаго *ы* вмѣсто *о*, *а* (только во второмъ слогѣ передъ удареніемъ, и то рѣдко. Формы мѣстн ед на купцý, на тому свéци, тв мн. на *мы*: славáмы, гóрькамы слязмú, 3 л. ед. всегда на *ць* [7]).

---

[1]) Бѣлор. Сборн. (особенно в. III).

[2]) Бѣлор. Сборн., IV, №№ 9 и 15

[3]) Шейнъ. Мат.. т. I, ч II, стр. 641, 655, 669.

[4]) Бѣлор. Сб., IV. №№ 10. 23 и др.

[5]) Шейнъ. Мат., т. I. ч. I. Въ копысьскомъ говорѣ отмѣчено. виджу. дóжжыкъ. адамкну, форма им. ед. дóбры.

[6]) Тамъ же.

[7]) Бѣлор. Сб.. IV, №№ 2, 29. 33, 34. 41.

Съ этимъ говоромъ очень сходенъ одинъ говоръ Могилевскаго у. (с. Полыковичи, на сѣверо-востокъ отъ г. Могилева). Онъ имѣетъ мягкое *р*. Глухое *ы* изъ *о*, *а* въ немъ очень рѣдко.

Другой говоръ (Княжицкая волость, на сѣв.-западъ отъ Могилева, не далеко отъ с. Полыковичей, сс. Нѣжково, Браково) имѣетъ твердое *р* и формы 3 л. ед на *е* идзе́, заку́суя (=закусываетъ), про́ся (=проситъ), хо́дзя и т. п. (ф. на *ець* и *иць* гораздо рѣже). Аканье очень сильное (но. *и*на́, рядомъ съ *я*на́ и *й*на́, на даро́з*и*). Формы род. ед. е́т*ыя* мае́ дачки́, твор. мн. свата́*мы*, и́*мы*, касця́*мы* [1]).

Говоръ Мстиславскаго у.: мягкое *р*, сильное аканье (*ы* вмѣсто *о*, *а* очень рѣдко, *и* вмѣсто *е*, *я*—чаще), формы им. мн. т*э́я* гро́шы, 3 л. ед. на *ець* (*е́сь* = есть) и—рѣже—на *е* [2]).

Говоръ Чериковскаго у. почти тожественъ съ говоромъ Мстиславскаго. Можно отмѣтить лишь болѣе частое глухое *ы* во второмъ слогѣ передъ удареніемъ и въ слогѣ послѣ ударенія: н*ы* кани́, д*ы*гада́тца, рабо́т*ы*иць, изрѣдка встрѣчающееся мягкое *р* вмѣсто твердаго: ста*ря́*тца, формы им. мн. так*е́я*, бальш*э́я*, мѣстн. п. мн. на ляс*о́хъ*, на мх*о́хъ*, 3 л. ед. одинаково часто на *ець* и на *е* (даже: гаво́р*я*, ви́дз*я* [3]).

Одинъ говоръ Климовицкаго у. (с. Забѣлышино, въ южной части у., близь границы Рославльскаго у.) отличается, кромѣ мягкаго *р* (даже: сты*ря*целный = старательный), сравнительно частымъ употребленіемъ глухаго *ы* вмѣсто *а*, *о*, иногда даже въ слогѣ передъ удареніемъ. н*ы* за́ўтра, п*ы*ста́виць, укл*ы*ня́йся, и *и* вмѣсто *е*, *я*: пл*и*са́ць, се́*и*ць. Формы 3 л. ед. на *ець* [4]).

Другой говоръ того же у. (с. Тиманово, близь г. Климовичи, къ юго-западу) отличается отъ предъидущаго тѣмъ, что въ немъ рядомъ съ *р* мягкимъ (даже: ста*ря*тца) встрѣчается *р* твердое: ў го́*ра*сци (= въ горести), падгава́*ру*иць; употребленіе глухаго *ы* очень ограничено (изрѣдка во второмъ слогѣ передъ удареніемъ). Можно отмѣтить формы дат. мн. бацько́мъ, кавале́мъ.

Въ третьемъ говорѣ (с. Забычанье, въ южной части у., на границѣ Чериковскаго у.) отмѣчены, рядомъ съ формами 3 л. на *ець*, формы на *е*, даже: гаво́р*а* и т. п. [5])

---

[1]) Тамъ же, №№ 7 (Полыковичи), 38, 42, 76.

[2]) Тамъ же, дополненія, №№ 8. 11, 43, 44, 45. 47. У Шейна, Мат., т. I, ч. II. стр. 355, нѣсколько пѣсенъ будто-бы изъ с. Монастырщины. Мст. у., съ мягкими *д* и *т* и съ нерѣдкимъ твердымъ *р* вмѣсто мягкаго. Сравни въ Бѣлор. Сб. (№ 43), сказку изъ того же села.

[3]) Бѣлор. Сб., III. стр. 254, IV. №№ 75, дополн. 2, 13, 18, 46, 53, 58.

[4]) Тамъ же, IV, дополн.. №№ 1. 16, 52.

[5]) Тамъ же, III.

Одинъ говоръ Быховскаго у. (сс. Городище, Чигринка, м Пропойскъ и друг. [1]) имѣетъ твердое *р* и очень сильное аканье (*ы* вмѣсто *о*, *а* неизвѣстно, *и* вм. *е*, *я* рѣдко: мяне́, нясй, змяя́, вядро́, но: у даро́з*и*, *и*на́); формы мѣстн. на ўсемъ маймъ ца́рств*у*, дат. мн. брато́*мъ*, атцо́*мъ*, кучаро́*мъ*, твор. мн. на *мы* и на *ма*. харо́шы*мы* напи́тка*мы*, сваймы рука́*мы*, дзяцьмы́, и́*мы*, нага́*ма*, кнута́*ма*, сляза́*ма*, мѣстн. на твято́*хъ*, 3 л. ед. на *ецъ* и на *е*: идзе́*цъ* и и́дз*я*, пусциць и пу́сц*я*, бъе́. *есь* (= есть), *есь* (= ѣстъ), 1 л. мн. дадзе́мъ, повелит. н. уцяка́й*ма*.

Другой говоръ (с. Гайшино, въ южной части у, на границѣ Черпковскаго у.) отличается отъ предъидущаго тѣмъ, что имѣетъ то мягкое, то вмѣсто мягкаго твердое *р*, и тѣмъ, что въ формахъ им. ед. женск. р. и 3 л. ед. передъ *а* иногда отсутствуетъ *j*: та́*а* до́бра*а* баба, зна́*а*, ду́ма*а*, гоня́*а*, ска́зу*а* (= сказываетъ), завиду*а* (рядомъ: та*я*, зна*я* и т. п.). Формы дат. пятухо́*мъ*, твор. нога́*мы*, 3 ед. на *ецъ* и—чаще—на *е*, 1 мн. маго́мъ (= можемъ) [2]).

Говоры южной половины Могилевской губ. болѣе разнообразны, чѣмъ говоры сѣверной.

Одни изъ нихъ (въ юго-восточной части Рогачевскаго и въ большей части Гомельскаго у.) близки къ послѣднимъ и мало отличаются другъ отъ друга. Они имѣютъ, кромѣ обще-могилевскихъ чертъ, мягкія *д* и *т*, твердое *р*, сильное аканье (зямля́, гуля́яшъ, пасе́ямъ, 1 л. мн, пайди́тя), предлогъ-префиксъ *одъ* (рядомъ съ *отъ*), формы им. ед. на *ый* (но то*й*), мѣстн. мн. на *охъ*: на мужыко́*хъ*, балато́*хъ*, 3 л. ед. на *е* (хо́д*я* и т. п.) и на *ить*, 1 л. мн. на *омъ*· идо́*мъ*. запраго́*мъ*, сатко́*мъ*, заграбо́*мъ*, неопр. н. на *ти* (часто; мѣстами [3]) «почти совершенно оставлено окончаніе *ть*»): бе́*кти* (= бѣчь) и т. п.; въ формахъ 3 л. мн. употребляется окончаніе *ути*: ска́ч*ути* (мѣстами «окончанія *уть* избѣгаютъ»). Сверхъ того, въ нихъ, то чаще, то рѣже, слоги *вя*, *мя*, *вѐ* и т. п. замѣняются—

---

[1]) Этотъ говоръ Романовъ называетъ друтскимъ: онъ употребляется на р. Друти и въ треугольникѣ между нею и Днѣпромъ, какъ въ Быховскомъ, такъ и въ Рогачевскомъ у. Бѣл. Сб., III, стр. XV.

[2]) Бѣлор. Сб., III.—У Шейна, Мат., т. I, ч. I, тексты изъ с. Бовки, Быховскаго у., на востокъ отъ Ст. Быхова. Въ нихъ *ы* вм. *о*, *а* очень часто, даже передъ удареніемъ: к*ы*ня, з*ы*гыда́ю, ст*ы*я́ть, п*ы* с*ы*да́хъ; то *дз* и *ц*, то мягкія *т* и *д*, то твердое вмѣсто мягкаго, то мягкое *р*

[3]) Въ Дятловицкой волости. Г-жа Радченко, Гомельскія народныя пѣсни, Спб. 1888 (введеніе) —«Въ Гомельскомъ уѣздѣ . . . свой говоръ, нѣсколько отличающійся отъ бѣлорусскаго языка всего сѣв.-западнаго края. . . Рогачевскій уѣздъ (къ сѣверу отъ Гомельскаго) есть уже настоящая Бѣлоруссія. Эта разница отчасти находитъ себѣ объясненіе въ экономическомъ положеніи крестьянъ Гомельскаго уѣзда. Съ сѣверомъ они не имѣютъ никакихъ связей, и потому постепенно забывается бѣлорусскій яз.; а на югъ часто отправляются на заработки, и тамъ заимствуютъ малорусскія слова и пѣсни. Тамъ же, стр. IX.

по-малорусски—черезъ *въя*, *мъя*, *въе* и т. п. ўрэ́*мъя* (=время), за*въя́*съ (=завязъ), и употребляются формы им.-вин. ср. р. и нарѣчія на *э*· харашэ́, и мѣстоименіе *що* (иногда рядомъ съ *шо*), при *што*. Формы им. ед. муж. и дат.-мѣстн. ед женск. р. въ родѣ *тэй*, сляпэ́*й* и им. мн. въ родѣ тэ́*я*, сляпэ́*я* на югѣ Могилевской губ. рѣдки.

Изъ этихъ говоровъ говоръ с. Переростъ и близкихъ къ нему мѣстъ Гомельскаго у. (въ юго-восточной части у., близь границы Новозыбковскаго у.) имѣетъ, кромѣ указанныхъ особенностей, также формы 3 л. мн. на *ять* вмѣсто *ють* (при отсутствіи ударенія). лята́*ять*, лята́*яти*, дабега́*ять* и т. п [1]).

Другіе говоры юга Могилевской губ. болѣе своеобразны.

Это—одинъ изъ говоровъ Рогачевскаго у. (м. Городецъ, близь г. Рогачева, на юго-востокъ отъ него, с. Нисимковичи). Онъ, имѣя большую часть чертъ общихъ ему съ сѣверными говорами Могилевской губ. (между прочими очень сильное аканье, мягкія *д* и *т*, рядомъ съ *дз* и *ц*, твердое *р*, *дж*, твердое *л* въ си́*л*на, па́*л*ца и т. п., формы твор. мн. на *мы*, 3 л. ед. на *е*, неопр. накл. на *ти*), отличается отъ нихъ частымъ употребленіемъ *у* вмѣсто неударяемыхъ *а*, *о*: запла́*ку*ў, г*у*во́рацъ, св*у*ей (дат.), частымъ опущеніемъ *ј* передъ *а* и *у*. залата*а* уздэчка, се́на то́*а* (=то́е), тро́*а* су́такъ, чужы*а* ко́ни, прасты*а*, разу́мны*а* (им.-вин. мн.), ты*а* ра́дасци (род. ед.), жывы*а* вады́, гно́*а*мъ (тв. ед., =гноемъ), дабяга́*а*, спра́шу*а* (=спрашиваетъ), найма́*а*мъ (1 л. мн.), сва*ў*, ту́*у* часъ, збру́*у* (вин.). Сверхъ того слоги *вя*, *мя* и т. п. могутъ замѣняться черезъ *въя*, *мъя*. ўрэ*мъя*, да*въе*съ; формы 1 л. мн. на *омъ*: паедо́*мъ* (=поѣдемъ), вядо́*мъ*, маго́*мъ* (при во́зьмямъ), формы 3 л. мн. на *ти* (изрѣдка): падохну*ти*. Наконецъ, твердое двойное *ш*: ве́*шшы* (=вещи), пу*шшу́*; *ы* въ наг*ы́* (род.), *ф* вм. *хв*· у*ф*ачу́ [2]).

Это—другой говоръ того же уѣзда (с Озераны). Въ немъ [3]) обращаютъ на себя вниманіе очень закрытыя *а* и *о*, которыя наблюдателемъ были приняты за *о* и *у* [4]), или—быть можетъ—уже вполнѣ развившіяся *о* и *у* на мѣстѣ нашихъ ударяемыхъ *а* и *о*. ско́ска (=сказка), ко́жа (=каже), до́й (=дай), дуво́й, ступо́й, номъ (=намъ), кро́дзешъ, чосъ, жо́ли (=жали), слядо́ми (=слѣдами), пець (=пять), ўзе́ли, ме́са, ўсе́кій и т. п., пу́сли (=послѣ), хлу́пцы, дару́гай (твор.), пру́ся (=про-

---

[1]) Этотъ говоръ названъ у Романова переростовскимъ («юго-восточная часть Гом у.»). Бѣл. Сб., III, IV.

[2]) Бѣл. Сб. III. Говоръ мѣст. Жлобина отличается отъ говора с. Нисимковичей менѣе частымъ опущеніемъ *ј* и употребленіемъ мѣстоименія *шо*, рядомъ съ *што*.

[3]) Романовъ, называющій этотъ говоръ озеранскимъ, говоритъ, что онъ распространенъ въ западной части Рогач. у., на границѣ съ Минской губ.. и наиболѣе рѣзкимъ является въ Озеранскомъ приходѣ.

[4]) По Романову, «звукъ *о* произносится почти какъ *у* муй, гулува̀».

ситъ), в*у́*ко (=око), пл*у*тъ, хв*у*стъ, *ю*нъ (=енъ), *ю*й (=ей), *ю*, *ю*сь (=е, есть), л*ю*хъ (легъ), н*ю*съ, кул*ю́*сы (=колеса), ц*ю́*плый, жыв*ю́*мъ (1 л. мн.), бъяц*ю́*сь (=бьетесь), ўс*ю* сва*ю́* сял*о́* (=все) и т. п. Употребленіе *у* на мѣстѣ неударяемыхъ *о* и *а* очень часто, такъ что *о* замѣняется черезъ *у* чаще, чѣмъ черезъ *а*: г*у*л*у*в*а́*, п*у*р*у*сл*а́*, ч*у*л*у*в*и́*ча (зв.), зд*у*р*о́*ва, нав*у*р*и́*ли (=варили), в*и́*д*у*ю (=вѣдаю), чар*у*в*и́*ки. Затѣмъ, *ѣ* звучитъ какъ долгое *и*: хл*и*пъ («какъ бы хл*и*пъ»,=хлѣбъ), мядзв*и́*ць, *и́*хаць, зус*и́*къ (=засѣкъ), пув*и́*шу, дз*и́*лаць, ц*ы́*лый, р*ы́*заць. Сверхъ того: *дз* и *и*, твердое *р* и другія черты общія говорамъ Могилевской губ., сохраненіе (иногда) древняго *е* безъ ударенія, отсутствіе *j* въ *а*къ (=якъ), здур*о́*ва*а*, б*у́*жа*а* м*о́*церъ (=божья матерь), зн*а́а*, умол*я́а*, папыт*а́а*мъ (не часто), формы 3 л. ед. на *е* (х*о́*дз*я*), 1 л. мн. на *омъ* начн*о́мъ*, напад*у́мъ*, повел. н. худз*е́*мъ. Глухое *ы* очень рѣдко; *я* вм. *е* обычно: м*я*н*е́*, пер*а*вяд*у́*, б*е́*га*я*, формъ твор. на *мы* не отмѣчено [1]).

Это—говоръ южной полосы Гомельскаго у. (сс. Марковичи и Старо-Юрковичи съ волостью послѣдняго), имѣющій кое-что общее съ говоромъ озеранскимъ, именно иногда *и* (какое?) вмѣсто *ѣ*: *и́*хали, д*и́*ло, ц*ы́*лая няд*и́*ля, р*ы́*зать (=рѣзать), и отсутствіе *j*: д*о́*бра*а*, д*о́*бру*у*. Сверхъ того: мягкія *д* и *т*, твердое *р*, спорадическое неударяемое *о*, частое *я* вмѣсто *е*. *я*н*а́*, м*я*л*а́*, *я*е́, в*я*с*е́*льля, н*я*сл*и́*, б*я*р*ы́*, запрага́йт*я*, рядомъ съ *и*: л*и*т*е́*ть, н*и*в*е́*хна, з*и*л*е́*ная, н*и*м*а́*, в*о́*з*и*ра; изрѣдка твердые согласные (по-малорусски): ўс*э* (=все), м*э*тъ (=медъ; Юрковичи), изрѣдка (по преимуществу послѣ губныхъ) *и* вм. *ы*: в*и́*шла, кор*о́*в*и* (им. мн.), в*и* (=вы), в*и*с*и*х*а́*ть, с*и*н*о́*чки (при няв*е́*ск*ы*, им. мн.), *въя*, *мъя* и т. п. вм. *вя*, *мя*: *пъя*ть, *въе*съ (=везъ), сто *въе*рстъ; формы твор. мн. на *мы*, 3 л. ед. на *е* (х*о́*д*я*), 3 л. мн. на *ять* вм. *ють*: гул*я́ять*; б*у*ў, б*у*л*а́*; мѣстоименіе *що* [2]).

Романовъ сводитъ говоры Могилевской губ. къ тремъ:

1) центральному, чистому бѣлорусскому, въ уу. Сѣнненскомъ, Чаусскомъ, большей части Могилевскаго, западныхъ частяхъ Оршанскаго и Горецкаго, съ дзеканьемъ, твердымъ *р*, съ формами 3 л. ед. на *ть*. Изъ Могилевской губ. онъ направляется въ Витебскую и Минскую губ. и переходитъ во всей своей чистотѣ въ Дисненскій и Вилейскій уу. Виленской губ.,

2) восточному, въ уу. Климовицкомъ, Чериковскомъ, Мстиславскомъ, восточныхъ частяхъ Горецкаго и Оршанскаго, сѣверной части Сѣнненскаго, съ дзеканьемъ, мягкимъ *р*, формами 3 л. ед. на *ть*. На сѣверѣ онъ сливается съ говоромъ смоленскимъ, направляется къ Днѣпру и затѣмъ, за Днѣпромъ, переходитъ въ Витебскую губ., гдѣ наполняетъ

---

[1]) Бѣл. Сб., III.

[2]) Бѣл. Сб., IV, №№ 60, 102. Шейнъ, Мат., т. I, ч. I (здѣсь еще. им. ед. сиз*ой*, род. т*абя*, вин. *яе*, что сомнительно).

Витебскій, часть Городокскаго и Невельскаго уу. и сливается въ Велижскомъ у. съ говоромъ смоленскимъ цокающимъ;

3) южному, въ у. Гомельскомъ и большей части Рогачевскаго (сѣверная граница на востокѣ, въ Климовицкомъ у.,—рѣка Бесѣдь, на западѣ—граница Сѣнненскаго у.), безъ дзеканья, съ твердымъ *р*, съ формами 3 л. ед. на *е*. Онъ переходитъ въ Минскую губ. [1]) и имѣетъ въ ней значительное распространеніе, пока не сливается съ окающимъ говоромъ. Этотъ говоръ разбивается на много подговоровъ, изъ которыхъ важнѣйшіе переростовскій, озеранскій и друтскій [2]).

Говоры Минской губ. дѣлятся на три группы: сѣверо-восточную, западную и южную.

Говоры сѣверо-восточной группы очень близки къ сосѣднимъ говорамъ Виленской. Витебской и Могилевской губ. и отличаются сильнымъ аканьемъ и употребленіемъ *дз* и *ц*, *ў* вм. *у*, *в*, *л*, двойныхъ мягкихъ согласныхъ, твердаго *р*, твердыхъ шипящихъ (даже двойныхъ: цёшша = теща, дажджы = дожди) и *с* въ сэрца, съножаць и т. п., *зъ* вмѣсто *изъ*, *съ*, формъ дат. мѣстн. съ свистящими, дат. и мѣст. гасцёмъ, гасцёхъ..

Въ говорѣ Борисовскаго у. (сравн. говоры виленскій и витебскій) нерѣдко употребленіе *и* вм. *е*: литала, плила, у набоpы=въ наборѣ и т. п. (рядомъ: мядокъ, ляцiць, нясецъ, сейця; с. Волосовичи), формы им. ед. на *ы*, дат.-мѣстн. ед. тэй, 3 л. ед. въ однихъ мѣстахъ обыкновенно на *ець* (сс. Волосовичи, Лотыголичи), въ другихъ, къ югу отъ первыхъ, обыкновенно на *е* (м. Холопеничи; даже: ходзя), повел. н бiи, пи. Формы звят. п. обычны. мужу, нягадзяю; рядомъ съ формою цябе—форма це (род.-вин.) ў це (=у тебя).

Въ говорѣ сѣверной, большей [3]) части Минскаго у. (сравн. говоръ виленскій) употребленіе *и* вм. *е*, повидимому, очень рѣдко (въ концѣ формъ дат.-мѣстн.); двойные мягкіе согласные иногда замѣняются простыми. свиня; формы им. ед. на *ы* и на *ый*, 3 л. ед. въ однихъ мѣстахъ обыкновенно на *ець* (рѣдко на *е*; с. Лусково), въ другихъ обыкновенно на *е* (но ходзя и т. п. извѣстны, м. Койдановo, д. Грычино), 3 л. мн. ходзюць (с. Лусково), возвратн. зал. на *ця*: гадзiцця (с. Лусково).

Объ одномъ изъ говоровъ этой части уѣзда — объ говорѣ Семково-Городецкой волости—мы имѣемъ болѣе свѣдѣній. Употребленіе *и* вм. *е* въ немъ отмѣчено въ бiрагi (= берега, им. мн.), сiрабро, нисiцё (= несете), ў хацiи; *дж* отмѣчено въ гляджу и виджу; формы им. ед.

---

[1]) По г-жѣ Радченко, гомельскій говоръ слышится въ Рѣчицкомъ у. Минской губерніи.

[2]) Бѣл. Сб., III, введеніе.

[3]) Съ м. Койдановымъ включительно (на юго-западѣ, въ 40 верстахъ отъ Минска). На основаніи сообщенія В. З. Завитневича.

на *ы́й*, род. ед. женск. *тый*, сляпы́й бабы, глухи́й дзе́ўки, мѣстн. ед. на кани́, на гво́здзику, род.-дат.-твор.-мѣстн. ед. ж. р. *таéй*, *тэй* и *той*, аднаéй, аднэ́й и аднóй, дат. мн. панóмъ, хлапцóмъ (и—чаще—панáмъ и т. п.), тв. мн. ачы́ма, ушы́ма, пáрма (= парами), мѣстн. мн. у дварóхъ, у грудзéхъ, 3 л. ед. хáпа, гулí, съ долгимъ *а*, при гуля́я, гуля́ець, 1 л. мн. вядзéмъ, нясéмъ (при вядзéшъ, нясéшъ), хадзéмъ, хадзéма, пóйдзима (повел.), 2 л. мн. повел. изрѣдка нясéця, хадзéця (при обычномъ нясíця и т. п.), 3 л возвр. на *ица*, неопр. н. пéкци и пякцú и т. п. Формъ им. мн. на э́ (валэ́) нѣтъ [1]).

Сверхъ того, въ говорѣ мѣстечка Волма (въ 40 верстахъ отъ Минска) и окрестныхъ деревень, Минскаго же у., отмѣчено óў, éў изъ *ав*, *ал*: зóўтра (= завтра), дóў (= далъ), казóў, ўзéў [2]).

Говоръ части Игуменскаго у. употребленіе *и* вм. *е* рѣдко (дзисíтникъ, мине́, нихай, у камóры, но: на марóзя, на стрэ́ся, на чужой старóнушца, новыя сéня = сѣни), встрѣчается *у* вм. *о*: шшы́руя = широе, на крупéнькумъ бярашкý (с. Микуличи), на жóўтумъ пясóчку (м. Узды), изрѣдка *дж*, формы им. ед. на *ы*, им. мн. блинэ́, валэ́ (= волы), купцэ́ (м. Узды и с. Цитво), 3 л. ед. на *е*, повелит. 2 л. ед. ч. *жджы* (= жди), 1 л. мн. хадзéмъ (с. Цитво), 2 л. мн. завéця (м. Узды), возвр. з. садзися (с. Цитво).

О говорахъ части Бобруйскаго у. наши свѣдѣнія крайне скудны. Употребленіе *и* вм. *е*, повидимому, рѣдко (дат.-мѣстн. дарóзи, свáси и т. п., но: кусáяшъ, рáдуятца, ед.; д. Михалево), двойные твердые шипящіе иногда замѣняются простыми *яшеръ* (= ящеръ, д. Михалево); нерѣдко *дж*; формы им. ед. на *ы* и на *ый*, мѣстн. ед. на хвóстику, зват. рабóтничку (с. Жилинцы), дат.-мѣстн. ед. *тэй*, им. мн. стральцэ́ (с. Жилинцы), каралькé, павадкé, касничкé (= поводки, коснички; д. Михалево), твор. мн. плячы́ма, свячы́ма (= свѣчами, д. Михалево), 3 л. ед. въ однихъ мѣстахъ обыкновенно на *ець* (с. Бацевичи), въ другихъ обыкновенно на *е* (д. Михалево; даже хóдзя, с. Жилинцы), 1 л. мн. бýдамъ (д. Михалево), повел. н. сварэ́цеся, памирэ́цеся (= сваритесь, миритесь; Городокъ). Сверхъ того, употребляется *j* передъ начальнымъ *а* въ началѣ рѣчи и послѣ словъ, оканчивающихся на гласные *я* (= а, союзъ), ягóнь (с. Жилинцы), и два *е* сливаются въ одно: смешъ, умешъ (д. Михалево) [3]).

---

[1]) На основаніи сообщенія А. А. Розенфéльда.

[2]) Р. Филол. Вѣстн. 1895 г, № 3, ст. Карскаго.

[3]) Тексты изъ разныхъ мѣстъ этихъ уѣздовъ Минской губ. — у Шейна, «Пѣсни» и «Мат.», тт I и II. — Вполнѣ возможно, что въ нѣкоторыхъ говорахъ, нами здѣсь описанныхъ, слышатся дифтонги *уо*, *ге*, не отмѣченные въ текстахъ Шейна.

Извѣстные намъ говоры Рѣчицкаго у. всѣ съ *дз* и *ц* (рядомъ съ которыми изрѣдка мягкія *д* и *т*), твердымъ *р* и формами 3 л. ед. на *е* и *ицъ* Въ одномъ изъ нихъ, м. Горваля, можно отмѣтить только частое *я* вм. *е* (но на яво́ры, мѣстн.) и форму 1 л. мн. по́йд*амъ*. Въ другомъ говорѣ, с. Колки, при аканьѣ и частомъ *я* изъ *е*, кажется, послѣ ударенія спорадически сохраняются *о* и *е*. Сверхъ того, въ немъ *у* вм. *ы* (спорадически) пута́ли (пытали), нав*у́*ми, нав*у́*хъ (= новыми, новыхъ), кап*у́*цики (= копытики), им. мн. мало́тцэ, твор. мн. тры*ма́* (= тремя), 1 л. мн. на *мо*, 2 л. мн. повел. н. кладзе́ця, неопр. накл. на *ци* (рядомъ на *цъ*), возвр. зал. на *са* [1]). Въ третьемъ говорѣ, д. Рудни, Якимовичской волости, при аканьѣ и *я* изъ *е*, также, кажется, *о* и *е* послѣ ударенія сохраняются. Еще въ немъ: *у* вм. *ы* исъ сало́м*у*, часав*у́*е (им. мн.), в*у́*цяну; им. ед. утаро́*й* (?), дат. ма́миньки (?), 3 л. идз*ецъ* (?), пайма́*е*, возвр. з. зары́*ўсе*, напъ*ю́са*. Въ пятомъ говорѣ, Дубицкой волости, кромѣ аканья и спорадическаго *дж* (са*джу́*), отмѣчено: Иванов*у*й (род. и дат.), Ива́нов*у*го, не*бгесъ* (род.), в*у* (вы), зу́б*у* (им. мн.), г*у*ляў, 3 л во́зьм*ецъ*. Наконецъ, въ говорѣ с. Мухоѣдовъ отмѣчено: *е́ки* (им. ед.) *е*къ (якъ), в*у́*скочили [2]).

Изъ говоровъ Мозырскаго у., тоже съ *дз* и *ц* (спорадически также *д* и *т*) и формами 3 л. ед. на *е*, мы знаемъ кое-что лишь объ одномъ (неизвѣстной мѣстности). Онъ отличается сильнымъ аканьемъ и частымъ употребленіемъ *я* вм. *е* залато́г*а*, варано́г*а*, дале́к*а*, бо́ж*а*, зват. (но. на паро́з*и*, на ха́ц*и*, на рэ́чц*ы*). Формы им. ед. на *ы*, 1 л. мн. пайдо́*мъ*, ся́дзьм*а*, павячара́йм*а* [3]).

Говоры западной группы отличаются соединеніемъ аканья съ оканьемъ, т. е. сохраненіемъ болѣе или менѣе часто неударяемыхъ *о* и *е*, при *дз* и *ц*, твердомъ *р*, *дж*, *зъ* вмѣсто *съ* и рядомъ съ *съ*, *одъ* вм. *отъ*, формахъ им. ед. на *ы* до́бр*ы*. Формъ им. ед на *эй*, дат.-мѣстн. ед. на *эй*, им мн на *эя* въ этихъ говорахъ не отмѣчено.

Одинъ изъ говоровъ Новогрудскаго у. (Щорсовская волость) [4]) сохраняетъ неударяемое *о* послѣ ударенія и неударяемое *е* какъ послѣ ударенія, такъ часто и передъ нимъ [5]) старо́*го*, пи́в*о*мъ (твор.), кита́йк*о*ю (тв.), сэ́рц*о*, со́нц*о*, пагуля́ньё, злета́*е*ць, прылега́*е*ць, чецве́рты, ў

---

[1]) Шейнъ, Мат, т. I, ч I.

[2]) Тамъ же, т. II, стр 52, 640, 469.—Жив. Стар 1894 г., I, 110. 113.—Янчукъ говоритъ какъ объ особенности рѣчицкихъ говоровъ — о замѣнѣ *ы* черезъ *у* *му* = мы, с*у*нъ, б*у*къ. б*у*йстрый = быстрый. Сборникъ свѣдѣній..

[3]) Тексты у Запольскаго, Бѣлорусская свадьба и свад. пѣсни, Кіевъ, 1888.

[4]) «Piosnki wieśniacze z nad Niemna... są zebrane w Nowogródzkiem we włości Szczorsowskiej (на границѣ Виленской губ.), najbardziej w Prześliczce, i kilka w Dałmatowszczyźnie».

[5]) «Porównywając dialekt nadniemnowy z naddzwińskim.. w pierwszym ma przewagę samogłoska *e*, a w drugim *a*».

селé, залаты́е, любы́е (им. мн.), стрэча́е; рядомъ. табé, золаты́, ў дарóзе мядокъ, у вянку. При этомъ неударяемое *о* послѣ ударенія можетъ звучать какъ *у*: на цихумъ Дунаю, на бéленькумъ кáмени, у трэ́цюмъ поли (рядомъ: цихомъ), неударяемое *а* съ предъидущимъ *j* или мягкимъ согласнымъ послѣ ударенія—какъ *е* пóесъ, хóдзець, а неударяемое *е* передъ удареніемъ—какъ *и* нимá, минé, ципéръ (рядомъ немá, менé, цепéръ). Сверхъ того, группа согласный+*j* сохраняется куцья́, вéцье, гальé, пагуля́нье (но. весéле); формы имен -винит. мн. жэньпэ́, касьцэ́ (= жнецы, косцы), сватэ́ (= сваты), дамэ́, дварэ́, пастушкé, дзеўкé, лю́дзе; 3 л. ед. обыкновенно на *е* (рѣдко. скáчець), но. *есць*, *есць*, *есть* (= есть), *есць* и даже *есци* (= ѣстъ), 1 л. мн. иногда на *мо*. рóбимо, седзимó; повелит. накл. съ *е*: жнéце; неопр. накл. на *ць* и на *ци*: возвр. зал. на *ся* и *ца*, *се* и *це*· прасúласе, смею́цце (на *сь* нѣтъ). Сверхъ того: формы дв. ч дзве шкóдзе и дзве шкóды, им.-вин. ед. ср. р. сэ́рцо· маé и маé, мѣстн. ед. на бары́ и на бару́; придыханіе *г* (= *h*): гарáць при арáць (= орать), рядомъ съ болѣе обычнымъ *в*: вóко, вакнó (при око, акно) [1]).

Другой говоръ того же уѣзда (с. Березовецъ) имѣетъ безъ ударенія звукъ близкій къ *о* во второмъ слогѣ передъ удареніемъ и въ слогѣ непосредственно слѣдующемъ послѣ ударенія· молады́й, сокалá, отступи́ся, дóброга, жóнко (зват.), сéрцо, зéлле, застóллé; въ другихъ слогахъ неударяемое *о* = *а*: бали́ць, мае. Неударяемое *е* сохраняется въ тѣхъ же слогахъ, гдѣ и *о*, но гораздо рѣже; оно замѣняется въ остальныхъ черезъ *я* или черезъ *и* сястрá, вязи́, ляцéць, éздзя, минé, цибé, засмія́ўся. Въ этомъ говорѣ удвояются мягкіе согласные. зéлле, формы мѣстн. ед. на *и*, *ы*: ў сяльцы́, на гары́ (= горѣ); формы 3 л. ед. только на *е*: вязé, пляцé, кáжа; формы повел. накл. жнéця. Формы зват. п. [2]).

Третій говоръ того же уѣзда (мѣстности неизвѣстны) сохраняетъ неударяемыя *о* и *е* во второмъ слогѣ послѣ ударенія. вяли́каго, цéлаго, мéрано (= мѣряно), дзéраво, за пáзухой, далéкае, бли́скае, сáмые, мéньшые, на пéрадзе, а спорадически, можетъ быть, и въ слогѣ слѣдующемъ за удареніемъ· пóле, здарóвъе; въ другихъ слогахъ *о* и *е* замѣняются черезъ *а*, *я* и *и*· аднá, казá, мя́хка, вязé, лéзя, ў лéся, нимá, ищé. Двойные мягкіе согласные обыкновенно замѣняются простыми: свиня́, вясéля (но: здарóвъе) Формы им. ед. на *ы* (той), мѣстн. на канцы́, твор.

---

[1]) Матеріалы въ двухъ книжкахъ Чечота· Piosnki wieśniacze z nad Niemna i Dzwiny, z dołączeniem pierwotwornych w mowie sławiano-krewickiej, Wilno, 1844,—Piosnki wieśniacze z nad Niemna i Dzwiny, niektóre przysłowia i idiotyzmy w mowie sławiano-krewickiej, Wilno, 1846.

[2]) Русск. Филол. Вѣстн. 1884 г, № 2 и 3.—У Шейна, Мат., т II, стр. 131: хлѣвэ, пастухé, шапкé, им. и вин мн, би, повел. н. С. Березовецъ—на юго-западѣ отъ Щорсъ, недалеко отъ послѣднихъ.

плячы́*ма*, 3 л ед. на *е*, но *есць* = ѣстъ, повел. н. дарэ́це, нап*и*ся, возвр. зал. всегда на *ся* [1]).

О четвертомъ говорѣ того же уѣзда (дер. Круговичи) мы не можемъ сказать ничего опредѣленнаго, кромѣ того, что неударяемое *о* въ немъ иногда въ концѣ словъ сохраняется, записано· друго*е*, суджоно*е*, перъ*е*, сняданьнѐ, даўсѐ (= дался), рядомъ съ цв*я*токъ, ц*я*бе, глядая, пъец*я*, бѣло*я* лицо, на болоц*и*, на рыб*и*, жы*н*а, сусѣдочы*к*ъ (род.), даже· у вялик*уй* дорози. Въ этомъ говорѣ двойные мягкіе согласные. зе*льле*, сняда*ньне*, формы вин. ед. бел*аю* руку, пм.-вин. мн. гужэ́, паслэ́ (= послы), мядэ́, быке́, дзяўке́, 3 л. ед. на *е*, 1 л. мн. велича́я*мо*, повел. н. идзе́це, возвр. зал. на *се* (рядомъ на *ся*). Сверхъ того: *ящэ* (двойные твердые согласные?) [2]).

Какъ далеко на востокъ заходятъ говоры западной группы, мы не можемъ опредѣлить, такъ какъ находящійся въ нашемъ распоряженіи матеріалъ внушаетъ къ себѣ мало довѣрія.

Тексты, записанные Дмитріевымъ въ неизвѣстныхъ мѣстностяхъ Минскаго и Игуменскаго уу., позволяютъ думать, что говоры этихъ мѣстностей, не имѣя дифтонговъ *уо*, *іе*, въ томъ или другомъ количествѣ сохраняютъ неударяемыя *о* и *е*. Напримѣръ, въ нихъ стоитъ· хороша*е*, дастаўс*е*, налетаўс*е* (минск.), скажыс*е*, подзелис*е* (иг.), рядомъ съ формами абрус*е* (вин. мн., = убрусы, иг.), у сян*ехъ* (минск.), збира*ицъ* (минск.), хо́дз*е*, пасяко́*мъ* (иг.) [3]).

Тексты изъ сс. Побережья и Скуплины (на р. Березинѣ), Борисовскаго уѣзда, изданные графомъ Тышкевичемъ, также позволяютъ думать, что говоръ этихъ селъ (несомнѣнно дифтонговъ *уо*, *іе* не имѣющій) часто сохраняетъ послѣ ударенія неударяемыя *о* и *е*. Записано. т*а*бе́, з*а*л*а*ты, г*а*л*а*ва́, *я*е́, мяне́, дзе́л*а* (= дѣло), це́ст*а* (тѣсто), ли́ж*а* (3 л. ед.), засто́ль*я*. падво́рь*я* (им.-вин. ед.), дубо́в*ай* (твор.), и рядомъ· дале́к*о*, на́шаг*о*, до́браг*о*, у до́ўг*ой* даро́з*е*, крыни́ц*ой* (твор.), у гаро́дз*е*, на частако́л*е*, до́бры*е*, угада́*е* (3 л.), ржы́ц*е* (повел.), раеч*е*къ, ве́ч*е*ръ. Другія особенности: *дз* и *ц*, твердое *р*, сохраненіе мягкихъ согласныхъ+*j*· засто*лья* (рядомъ: каха́*не*=коханье), формы им. ед. на *ы*, род. ма*й*го́, мѣстн. пры

---

[1]) Тексты изъ Новогрудскаго у., Дыбовскаго, въ Zbiór wiadomości do antropologii krajowej, тт. V. X, Kraków, 1881—86, и у Шейна. Мат. т. I, ч. II, 221 сл.

[2]) Тексты у Шейна, Мат., т I, ч II, 235 сл. Еще тексты изъ Новогрудскаго у.—у Дмитріева въ «Собраніи пѣсенъ, сказокъ, обрядовъ и обычаевъ крестьянъ сѣверо-западнаго края», Вильна, 1869 (пѣсни перепечатаны у Шейна), и въ «Сказкахъ» Аѳанасьева, вып. 3-й, №№ 2—10 (сообщенные Дмитріевымъ). Здѣсь· сви*ня*, пи*щы* (род), формы зват. кумк*о* (ж. р.), дурачк*у*, возвр. з сашли*се*, схватили*се*.

[3]) Памятная книжка Гродненской губ. на 186

татэчку, твор. мн. ручками бяленьками, 3 л. ед. на *ець* и на *е*, возвратн зал. на *се* и на *ся*; формы зват. п. [1]).

Говоры южной группы—переходные отъ бѣлорусскаго нарѣчія къ сѣверно-малорусскому поднарѣчію—слышатся въ центрѣ Минской губ.: въ южной окраинѣ Минскаго у., въ Слуцкомъ, Игуменскомъ, Бобруйскомъ и Мозырскомъ уу. Они соединяютъ въ себѣ бѣлорусскія аканье (въ той или другой степени неполное) и дзеканье съ сѣверно-малорусскими дифтонгами *уо*, *уы*, *ыо* и *іе* на мѣстѣ собственно бѣлорусскихъ ударяемыхъ *о*, *е́* и *е* (= древн. *е* и *ѣ*) и (иногда) ихъ неударяемыхъ рефлексовъ, причемъ въ этихъ дифтонгахъ въ сѣверо-восточной части территоріи говоровъ южной группы преобладаетъ вторая часть звука в*уо́*лъ, м*ыо́*дъ, с*іе́*мъ (= семь), с*іе́*но, а въ прочихъ мѣстахъ—первая: в*ы́*олъ, м*о́о*дъ, с*и́е*мъ, с*и́е*но [2]). Сверхъ того. *р* звучитъ обыкновенно лишь твердо: двойные мягкіе согласные (съ болѣе или менѣе частыми исключеніями); *зъ* вмѣсто *изъ*, *съ*; *дж*; твердое *л* въ си́*л*но, бо́*л*но, па́*л*цы, что́ «не составляетъ однако общаго правила» (Игуменскій, Слуцкій, Бобруйскій уѣзды) [3]). Формы им. ед. на *ы*, род. ма*йго́* и ма*го́* и т. п., 3 л. ед. на *е* и *иць* (но: *ѐсць* и *есць* = есть, *есць*=ѣстъ), формы зват. пад. на *е* и на *у*. Формъ им. ед., дат.-мѣстн. ед. на *эй*, им. мн. на *эя* здѣсь совсѣмъ или почти совсѣмъ нѣтъ.

Неизвѣстно, звучатъ ли въ этихъ говорахъ древніе звонкіе какъ глухіе, или сохраняются, т. е. произносится ли мюо*дъ*, или мюо*тъ*, сало́*дк*ій, или сало*тк*ій [4]).

Часть этихъ говоровъ, тѣ, которые находятся на сѣверномъ берегу Припети, исключительно или по преимуществу послѣ губныхъ имѣютъ *у* вмѣсто *ы*: бу*к*ъ (быкъ).

Объ степени аканья въ говорѣ дер. Ячонка (близь м. Столбцы), на южной окраинѣ Минскаго уѣзда, мы не можемъ ничего сказать, отмѣчено: пясо́*ч*акъ, пча*л*а́, погляда́*я* и т. п.; несомнѣнно, неударяемыя *о* и *е* въ большемъ или меньшемъ количествѣ случаевъ сохраняются. О дифтонгѣ *іе* (онъ одинъ отмѣченъ) также мы не можемъ сказать, какая часть, первая, или вторая, въ немъ преобладаетъ, и какъ часто онъ упо-

---

[1]) Tyszkiewicz, Opisanie powiatu Borysowskiego. Wilno, 1847.

[2]) Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи, вып. I, М. 1889 г. (Извѣстія И. Общ. Любит. Естествозн., Антропол. и Этногр., LXI), ст. Янчука.—Позволяемъ себѣ напомнить, что дифтонгъ—о д и н ъ звукъ.

[3]) Т а м ъ ж е, стр. 70

[4]) «Относительно тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ я не успѣлъ побывать, я могу сказать только, что на югѣ Минской губ., въ сторону Польши и Малороссіи, бѣлорусскій языкъ далеко не такъ чистъ, какъ въ сѣверной части, не только въ отношеніи звуковъ, но и въ отношеніи словоупотребленія и формъ; тамъ совсѣмъ особый типъ языка съ большой примѣсью польскаго и малорусскаго». Т а м ъ же, стр. 70.

требляется; едва ли можно сомнѣваться, что онъ употребляется много рѣже, чѣмъ въ сѣверно-малорусскихъ говорахъ таб*іе* (= тебѣ), выб*іе*гла, посѣдз*іе*нки, п*іе*сня, п*іе*ли, зацв*іе*та́е, стрэм*іе*но́ў (род. мн = стремянъ), и рядомъ на двор*э́* (мѣстн.) и т. п. Другія особенности. твердое двойное *ш*: *шшы*гелъ (= щеголъ), формы род. св*эй* матушки, сво*е́* цетушки, повелит. н. заверне́це, одбер*э́*це, запросе́це, возвр. з. женици*се* [1]).

Въ говорѣ Ново-Сверженской волости, на границѣ Минскаго у. съ Новогрудскимъ, отмѣченъ звукъ средній между *о* и *а*, являющійся спорадически и передъ удареніемъ (во 2-мъ слогѣ), и послѣ него: похава́йма, жы́то, жа́лко, рядомъ съ чистымъ *а*. Сверхъ того *и* изъ *е* безъ ударенія: дз*и*ся́токъ, п*и*не́къ, ц*и*пе́ръ. Дифтонги *уо* и *іе*, неизвѣстно съ преобладаніемъ какой части,—обычное явленіе: сак*уо*лъ, б*уо*йся, м*уо*й, вал*уо*мъ (дат.), ж*уо*нка, даже: б*уо*рзды (= борзый), в*уо*ўкъ (= волкъ) п*уо*вянъ (= полонъ), ст*уо*ликъ, гав*уо*рыць (3 л.), залат*уо*му, жыв*уо*га (род.), рядомъ съ конь; н*іе*тъ, нявіехна, *ј*іесьци (= ѣсть), р*ые*чка, гар*ые*лка, таб*іе*, щац*ые* (=щекѣ, дат.), п*іе*чка, пасьц*іе*ль, даже м*іе*ду (род.); рядомъ: на роки́тав*у*мъ кусту, пра́в*у*й, си́н*ю*й (дат.), р*ы́*ку (= рѣку, вин.), сястр*ы́* (дат.). Другія особенности: чат*ые*ры (= четыре), *и*къ (безъ ударенія) = якъ, *пъя*ць (пять), *мъе́*тъ (медъ), скаро́*джу*. Формы: им. ед. свят*ы* дзень, род. ед. у мо́*я* ма́тки, им.-вин. мн. съ ударяемымъ дифтонгомъ въ концѣ арл*ые*, мяд*ые*, сват*ые*, ключ*ые*, гаршк*ие*, залат*ые*, жалк*ие*, род. мн. ўс*ю*хъ (= всѣхъ), 3 л. ед. жыве́ць, вязе́ць, 2 л. ед. повел н. б*и*, 1 л. мн. повел. н. да́й*ма*, пагуля́й*ма*, 2 л. мн. повел. пакаже́ця, сяче́ця, возвр. з. закаци́ла*се* [2]).

О степени аканья въ говорѣ с. Подлѣсья, Слуцкаго у., мы не можемъ ничего сказать; записано: го́рд*а*—гордо, таб*и́*, подм*а*в*и́*ли, в*я*нокъ, ч*а*го́, в*я*зли́, ж*а*ню́, дз*я*ўчи́на, на́ш*а*го, пла́ч*а*, 3 л., ма́тц*а*, дат., буольшо́*я*, пуойдз*и*шъ. Дифтонги *уо* и *іе*, неизвѣстно съ преобладаніемъ какой части, употребляются очень часто м*уо*й, дв*уо*ръ, б*уо*ръ, б*уо*гъ, т*уо*льки, дор*уо*жка, в*уо*йна, *юо*нъ (=онъ), м*юо*дъ, лябю*о*дка, ж*уо*нка, зял*юо*нъ [3]), дз*іе* (= гдѣ), в*іе*къ, чалов*іе*къ, л*іе*съ, об*іе*дъ, на стол*іе*, п*іе*чъ, м*іе*чъ, причемъ рядомъ съ ними изрѣдка являются съ одной стороны *у* и *и*. вуойт*у*ўна (= войтовна), вол*у*ў (род. мн.), дол*у*ў (=доловь) [4]), таб*и*, в*іе*, с*іе* (= вѣетъ, сѣетъ), п*и*ръя (= перье), съ другой—*о* и *е*. м*е́*дъ, с*е*мъ (= семь) и т. п. Придыханіе *г* въ *г*остры (= острый) Формы: им. ед. т*о*й, хитр*ы*, род. кажд*аи* ночи, мѣстн. на вуойськ*у*, дат. мн. па-

---

[1]) Шейнъ, Мат. т. I, ч. I. Д Ячонка—близь границъ Новогрудскаго и Ошмянскаго уу.

[2]) Жив. Стар. 1893 г, I, ст. Довнара-Запольскаго; матеріалы, тамъ же, 1894 г, I, стр. 111—113

[3]) Даже: т*уо*й, им. ед., немн*уо*го и т. п

[4]) Даже: зъ Бѣл*уй* Руси.

н*уо*мъ, твор. плеч*ыма*, оч*ыма*, 1 л. мн. бу́д*амъ*, повел. н. 2 ед. помо*жы́*, 1 л. мн. поста́*ўма*, возвр. з. на *са*: забыла*са*, бою*са*, и на *ця*: напьец*ця*. Форма буд. вр. 3 л. мн. собираць *муць* [1])

О говорѣ с. Семежова, того же у., наши свѣдѣнія очень скудны. Повидимому, онъ близокъ къ говору подлѣсскому т*а*бѣ́, ч*а*му́, на́ш*а*го, сцё*жа*чка; р*уо*дны. гол*уо*вка, к*уо*жны (= каждый), ў бож*у*мъ домѣ, у шелков*у*мъ пуцѣ (отъ путо), рядомъ съ м*о*й, тв*о*й и т. п. Сверхъ того: *е*къ (=якъ), сва*е́*, род. ед., зал*и*ся, повел. н., *о*дорвё*ця*, 3 л. ед., хорош*э* (= хорошо).

То же можно сказать о говорѣ д. Островковъ, Царевской волости, того же у. Отмѣчено: га́*е*къ, ст*уо*лъ, с*уо*ль, м*уо*й (рядомъ· тв*о*й), неб*юо*съ (род.), растр*уо*съ (= растресъ), сл*юо*зки, сверхъ того: *е*къ (=якъ) Въ говорѣ д. Малой Млынки, той же волости, отмѣчены ф. им. ед. сам*ый*, высок*и*, так*и*, и возвр. з. на *се*. Сверхъ того. *е*къ [2]).

Въ говорѣ д. Конюховъ, того же у., при сильномъ аканьѣ (п*а*х*а*ва́е, *я*на́, дз*я*ржа́ў, п*я*р*а*ли́чимъ), тѣ же дифтонги· т*уо*льки, мужык*уо*ў, ма*іе* апастолы (им. мн. [3]).

Въ говорѣ дер. Мелешкевичей и Мащицъ (въ 10 и 8 верстахъ отъ Слуцка), при аканьѣ (т*а*бѣ, ч*а*го, гет*а*го), отмѣчено. б*у*йсь, что, по всей вѣроятности, должно читать· б*уо*йсь [4]).

Въ говорѣ имѣнія Рачковичи отмѣчено. ба́б*о* (зв.), таб*и* (дат.), пов*ъе́*ў, пом*ъе́*ръ, *пъя*дзеся́тъ, в*у́*пиць (=выпить). дат. мн. жыд*о́*мъ, 2 л. мн. пов. поглядзе́це, *есь*=есть [5]).

Въ говорѣ с. Юревичи, Игуменскаго у., сильное аканье: г*а*ло́вочка, м*а*лады́, д*а*лина, з*я*ле́ны, б*я*ле́нькій, н*я* зняў, дифтонги только подъ удареніемъ. м*уо*й, т*уо*й (дат.-мѣстн. женск. р.), в*уо*нъ (= онъ), р*уо*дны, веч*юо*ръ, мн*іе* (= мнѣ), сус*іе*дъ, слезы ма*іе*, у крыв*іе* (= въ крови), рядомъ. на син*ю*мъ моры, формы имен. ед. не только на *ы*, но и на *ый*, род ед. ма*е́* (= моей). Сверхъ того. быва́це (= бываете) [6]).

О степени аканья въ говорѣ Якшинской волости, того же у., не можемъ сказать ничего (отмѣчено на мо́р*а*, мѣстн., и на даро́з*и*). Дифтонгъ *ыо* только при удареніи к*ыо*нь, т*ыо*лько, н*ыо*чъ, н*ыо*ччу, т*ыо*й (дат.), жарапц*ыо*ў (род.), даже мн*ыо*го, рядомъ съ ка́жд*у*й (дат.), объ гэ́т*у*мъ. Еще

---

[1]) Шейнъ, Мат. т. I, ч. I; т. II.

[2]) Тамъ же, т. I. ч. II, стр 206 сл., 290 сл., т. II. Въ текстахъ изъ д. Іодчицы, Грицевич. волости, Слуцк. у: по вороненьк*у*мъ. ф. повел. н. будзе́це (= будите), ходзе́це. Тамъ же, ч. I, № 151.

[3]) Календарь съв-зап. края на 1889 г., стр. 136. Здѣсь, стр 135, два стихотворенія, повидимому, на этомъ же говорѣ; въ нихъ мы находимъ к*а*хан*а*къ. (им. ед.), *а*тк*а*па́цца, ж*уо*нка. н*уо*ччу, *спъя*ць (= спятъ).

[4]) День (газета) 1863 г., № 28, стр. 10.

[5]) Шейнъ, Мат. т II, стр 301, 302.

[6]) Тексты въ Сборникѣ свѣдѣній...., ст. Янчука.

отмѣчено: *дж*, формы свайго́, чу́*я*, хо́*ча* (3 л., рядомъ на *ицъ*), неопр. н. помоiчи.

О степени аканья въ говорѣ Бродецкой волости (с. Колбча) также сказать нечего (отмѣчено. со́сня, е́лацца=елочкѣ, дат.). Дифтонгъ *уо* подъ удареніемъ: кобыла жаруобна, пануомъ (дат.), при *у* безъ ударенія: у гэ́тумъ ста́дзи, у це́мнумъ ле́ся. Сверхъ того: прыѣу, помѣ́ръ, формы им. ед. м. на *ы*, дат. свайму, 3 л. ед. мо́жа, гово́ра, 2 л. пов. би, возвр. з. набра́ўсе [1]).

Въ говорѣ одного глухаго селенія на Полѣсьѣ, того же у., сильное аканье· карава́й, памажы́, залато́га, при зевзю лька, ена́ (она), старые; отсутствіе двойнаго мягкаго согл. въ снѣда́ньо, твердое двойное *ш* въ це́шша (при пушчавъ), твердое *в*: въ чатво́ртомъ, *дж* въ побуджа́ла, формы род. ед. ж. р. свято́ъ, пречи́стаъ, тваъ́, сваъ́, род. свайго́, дат. свайму́, 1 л. мн. из. н. ведо́мъ. Ѣдамъ, 1 л. мн. пов. Ѣдзьмо, пакланьмся, 2 л. ед. пов. вы́ли (=вылей), 2 л. мн. пов. вазьмьце, палажьце, ламьце, возвр. з. крыйса, пастригавса. Сверхъ того, ф. буд. вр. мѣць *меiшъ* [2]).

Говоръ Дерновичской волости, Рѣчицкаго у., имѣетъ дифтонги *оу* (не *оу*) и *iе*: боугъ, коунь, стоулька, лiесъ, сьвiетъ [3]).

Говоръ с. Языль, Бобруйскаго у., имѣетъ сильное аканье передъ удареніемъ: карава́й, залаты́, аны́=они, нясли́, вязли́, цябе́, жана́, но: свiча́ (рядомъ. гае́чокъ, до́брого и т. п.), и дифтонги въ ударяемыхъ слогахъ: муой, нуочъ, руодъ, малуодочка, нуожка, туой (дат.-мѣстн.), мiесяцъ, лiето, табiе, таiе (род. ед. жен. р.), чыiе, маiе (им.-вин. мн.), мiечъ, пiечечка, вясiеля, изъ которыхъ *уо* замѣняется, при отсутствіи ударенія, чрезъ *у*: вувто́рокъ, у первумъ угліе, на паповуй синажаци, у це́мнуй цямницы, пиваварувъ (род. мн.) Сверхъ того формы им.-вин. муж. р. на *ый* (и на *ы*), им.-вин. ед. сред. р на *э*, *эе* бясхвостэ, шырокее, вяликее (рядомъ на *ое*: другóе), повелит. накл. съ *ъ*: хадзiемъ, сядзiеце, абламiеце, повел. накл. пи (= пей), возвр. з. на *ся* и на *са*: збира́ўса, накры́юса, буойса (повел. н.). Еще отмѣтимъ· формы мѣстн. ед. ў вишневаму саду, двойств. ч. дзвiе бярозе, трама (дат.-тв.), прош. вр. буў и быў [4]).

Въ говорѣ с. Петриковъ и его волости, Мозырскаго у. (на сѣверномъ берегу Припети), аканье неполное, повидимому, чаще передъ удареніемъ: акно́, хадзи́ў, нясе́, ня бу́дзе (но iе́=ее), чѣмъ послѣ ударе-

---

[1]) Шейнъ, Мат, т II, стр. 276 (Якш. в), 50, 159 (Брод в).

[2]) Кiевскiй Телеграфъ 1859 г., №№ 17—25, ст «Свадьба на Полѣсьѣ» Полагаемъ, на основаніи особеннаго употребленія *ъ*, что авторъ ея не умѣлъ изобразить дифтонговъ.

[3]) Жив. Стар. 1893 г., I, стр. 13, ст. Запольскаго

[4]) Тексты въ Сборникѣ свѣдѣній.... ст. Янчука

нія: угаль, мóжа, 3 л единств. (рядомъ: егó ѐмý). Дифтонгъ подъ удареніемъ—обычное явленіе: звуонъ, луый (лой), суыль (но свой, носъ, марóзъ), бíѣгали, бгѣдны, чаловíѣкъ, собíѣ, íѣсци (при ф. дат. дарóзи, хáци). Сверхъ того, твердое *р*, *дж* въ ходжý, *у* изъ *ы*: вýскочиць, вýйду, мýю, *е* изъ *я· е*ки, пóесъ, рóбець (3 л. мн.), *е* въ мѣсецъ, *мъя* изъ *мя*: *мъя́со*; формы им. ед. муж. на *ы* и *ый*, ср. р. такóе, якóе, род. ед. маго́, моé жóнки, жывэ́ воды, дат. маймý, тв. ед. однэю рукою, дат. мн. братóмъ, сынóмъ, бацькóмъ, 1 л. мн. повел. ходзéмъ, побáчемо, уцекáймо, 2 л. мн. пов. пúце, возвр. з. на *са* и *со*, буд. вр. йци *ме*, бачиць *ме* (3 л.). Губные согласные передъ *е* часто звучатъ твердо: доўбэ́шка, вэрнецца, вэльми [1]).

Говоръ м. Скрыголовъ, на южномъ берегу Припети (почти напротивъ Петрикова, повидимому, ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ говора Петрикова. Отмѣчено: маладзúца, начавáць, сцяна́, дифтонги въ луый, чóрнуый (дат.), суоль (при носъ), хаджý, вýйду (=выйду), мýю (=мóю), мъя́со, мъя́ць, ф. им. ед. на *ы*, 3 л. ед. збира, при лятúе.

То же, кажется, слѣдуетъ сказать о говорѣ Михалковской волости (на югъ отъ г. Мозыря). Отмѣчено: акнó, начавáць, дифтонги *уо* и *уы*, *дж* въ ходжу, *у* изъ *ы* въ мýю, *е* изъ *я* въ любець, рóбець (3 л. мн.), при пóясъ, яки, мъя́со, привъезъ. формы малады́ (им. ед.), майго, маймý, 3 л. ед. на *е* и *ицъ*, 2 л. мн. пов. пице, бице, 3 л. ед. возвр. бъеца. Можетъ быть, въ отдѣльныхъ словахъ вмѣсто бѣлорусскаго *ц* передъ *е* слышится *т* (отмѣчено: стена́) [2]).

Говоръ с. Мелешковичи (на югъ отъ Припети) въ сущности тотъ же, что и петриковскій. О степени его аканья мы не можемъ сказать ничего рѣшительнаго (отмѣчено табé, цябé, няйдзéшъ, козяня́ты, чамý, на́шаму; рядомъ: козынька и козанька, светы, вежý, везáла = вяжу, лáецъ, неопр. н., ечмéнь), объ употребленіи дифтонговъ тоже (отмѣчено лишь *уо* подъ удареніемъ на туомъ сельцэ́, пируохъ, туолько, коруовочка, руожечки, нуожечки, даже: дуоброва; рядомъ: бóйся, уцéкъ, стральцóў, род.). Сверхъ того: *у* вм. *ы*: вýшеў (= вышелъ), копýцики (=копытики), *и* вм. *ъ* зъ лива ýшка; формы им.-вин. средн. светэ, правэ, колосúстэ, тэ́е сельцэ, им. мн. хлопцэ́, стральцэ́, род.-вин. табé, дат. мн. сынóмъ, 3 л. ед. шыя, гýбя, 1 л. мн. на омъ: знайдомъ, 1 л. мн. повел. на мо, неопр. н. éсци (=ѣсть), возвр. з. на *са* и *со*. Рядомъ съ *дз* и *ц* какъ будто слышатся мягкія *д* и *т* [3]).

---

[1]) Труды этнографическо-статист. экспед. въ юго-зап. край, Чубинскаго, т. VII, стр. 597;—Шейнъ, Мат., т. II, 173.

[2]) Труды, VII, 596, 597.

[3]) Шейнъ, Мат., т. I, ч. I, стр. 56 и др.

Въ говорѣ с. Кочищи, Скородинской волости (къ югу отъ с. Мелешковичей, близь границы Волынской губ.), отмѣчено. *табе́*, *вяра*цена (= веретена) *мяне́*, рядомъ съ *па́нно*, *ба́бо* (зв.), *гэ́тае* *се́но*, формы им. ед. м. р. на *ый*, ср. р. (и нарѣчія) на *э*, *эе* *хоро́шэ*, *тэ́е* акно, род.-дат. мѣстн. ед. на *эй*, 1 л. мн. на *мо*, возвр. з. на *са* и *ця* вярну́ц*ця* (неопр. н.). Дифтонги не отмѣчены, но въ ихъ существованіи трудно сомнѣваться [1]).

Въ говорѣ Морочскаго прихода (Полѣсье) аканье слышится, повидимому, только передъ удареніемъ· *малады́*, *галасо́къ*, *табе́*, *чаты́ры* (при *ба́цюхно*, *ло́жочки* и т. п.; но *бо́рза*). Дифтонги не указаны, но въ ихъ существованіи трудно сомнѣваться. Отмѣчено: *е*кая, формы им ед. на *ы*, ср. р. *хорошэ*, род *свого* и *свойго́*, *маладо́е*, мѣстн. мн. въ *сѣнѣхъ*, 3 л. ед. на *е*, 1 л. мн. *ведо́мъ*, подзякуй*мо*, 2 л. мн. пов. идз*ѣ́*це, возвр. з. на *са*. Еще. *а*скресенье=воскресенье, *ся*ты=святой. Рядомъ съ *дз* какъ будто слышится мягкое *д*.

Въ говорѣ Грабовской волости отмѣчено очень немногое: *ма́таццы* (дат.,=*ма́точкѣ*), *весть*=*вѣсть*, формы род. ед. *пра́вое* руки́, тв. мн. стары*ма* пчелы*ма*, 3 л. ед. на *е*, 2 л. мн. повел. *би*те, диве́те (дивите); *дз* и *ц* и мягкія *д* и *т* рядомъ [2]).

Въ говорѣ с. Красная Воля, Лахвинской волости (къ сѣверу отъ Припети, близь границы Пинскаго у.), аканье не полное. Отмѣчено *твая́*, *я́сянъ*, посыла́*я* (3 л.) *вэдзе́*, *бэрэ́* (3 л.), *свэча*. Изъ дифтонговъ отмѣченъ дифтонгъ *уо*: *муой*, *друобны*, *жуонка*, *жуоўты*; рядомъ: ранн*юй* (дат), *мэдь*. Сверхъ того *у* вм. *ы* *бу́стры*. *му́ты* (=мытый), *ву́шоў* (=вышелъ), изрѣдка *и* вм. *ѣ*: мн*и* (дат.), на не́б*и*, на ла́ўц*ы*, *г* въ *г*остры, *дж* въ бу*дж*у, одиночное мягкое *л*: на ра*лье́* (отъ ролья), *и* изъ *о*: до *и*боры. Формы им. ед. на *ы*, им.-вин. ср. р. на *е* и *ее* (чы́стэ), род. ма*й*го, ма*е́* дочаньки, дат.-мѣстн. ма*е*й, ц*и*бэ (=тебѣ), зв. му́ж*у*, им. мн. жураўл*е́*, дат. мн. ворого́*мъ*, 3 ед. посыла́*я*, зазыва́*я*, 1 л. мн бу́д*амо*, дожд*омо*са, 2 л. мн. повел. щэбэчэ́ця, идзе́це, возвр. з на *са* и *ца*. Повидимому, рядомъ съ *дз* и *ц* слышатся мягкія *д* и *т* [3]).

Бѣлорусскіе говоры Гродненской губ могутъ быть раздѣлены на двѣ группы, отличающіяся другъ отъ друга главнымъ образомъ тѣмъ, что одна, сѣверная, или вовсе не имѣетъ дифтонговъ, или имѣетъ дифтонгъ *уо* и *у* на мѣстѣ *о* лишь изрѣдка, а другая, южная, напротивъ того, богата дифтонгами. Другія черты ихъ въ значительной части одни и тѣ же· *дз* и *ц*, твердое *р*, двойные мягкіе согласные, неполное аканье

---

[1]) Шейнъ, Мат., т I, ч I, стр. 44. О говорѣ с. Скороднаго – малорусскомъ— см. ниже.

[2]) Минскія Губ. Вѣд 1877 г., №№ 23—26 (Мор. пр), 32—33 (Граб. в.).

[3]) Довнаръ-Запольскій, Пѣсни Пинчуковъ, Кіевъ, 1895, стр 140. Тексты записаны очень дурно.

(*о* и *е* безъ ударенія болѣе или менѣе часто сохраняются), формы им. ед. на *ы*, 3 л. ед. на *е* и *иць*, 1 л. мн. на *мо*, неопред. н. на *ць* и *ци* (безъ ударенія); отсутствіе формъ им. ед. на *эй* и дат.-мѣстн. ед. на *эй*.

Говоры сѣверной группы занимаютъ сравнительно небольшую территорію въ Гродненскомъ и Сокольскомъ у.

Вотъ нѣсколько данныхъ о говорѣ д. Новоселки, Масляно-Богородицкой волости, Гродненскаго у.: *сабе́*, *сястра́*, *ка́жа* (3 л.), *пла́чаця* (2 л. мн.), на *све́ци*; *ту́лько* (т. е. *туолько*?) = только, ў *гэ́туй* рэ́ццы; формы род. ед. *сваго́*, *мае́* мацяры, род. мн. *сястро́ў* (=сестеръ), им. мн. *пастухе́*, 3 л. *бу́дзя* и *идзе́ць*, повел. н. *складзе́ця*, *спусьце́ця*, неопр. *запрагци́*, возвр. з. *баю́са*, *вярну́со*, *вы́браўсо*.

Вотъ данныя о говорѣ деревень Конюхи и Демидково, того же уѣзда: *ззяси́* (2 л., съѣшь), *ту́льки* (т. е. *туольки*?), у *на́шумъ* *сяле́*; формы род. ед. *карчмэ́*, 1 л. мн. *дамо*, 2 л. повел. *вазьме́це*, *спале́це* (=спалите), *разлаже́це*. Въ сосѣдней съ этими деревнями околицѣ Залевичи записано: *мѣйсьцо*, *екъ*, *ла́ець* (неопр.), *знаюса* [1]).

Вотъ данныя о говорѣ с. Лаши, того же у: *малада́я*, *табе́*, *вяли́ки*, *нядзе́ля*, *на́шаго*, *ако́нца*, *пла́ча*, *зна́я*, *на дарози*; *на гэ́тумъ* *све́ци*; *о* изъ *а* передъ *j* подъ удареніемъ: *устав́ойце*, *лето́ючы*, *вечэро́й* (=вечеряй); *дж* въ *абуджаць*; *пья* въ *пьяты*; твердое *с* въ *сэрцэ*; твердые шипящіе въ *щэ*; отсутствіе начальнаго *г* въ *атава́ць*, *адава́ць*, удзе. Формы им. ед. на *ы*, им.-вин. ср. р. на *э*, род. *маго́*, *доброй*, *пшени́чнэй*, мѣстн. на *маи́мъ* лицу, зв. *Юръю*, им. мн. *жэньцэ́*, *сватове*, род. *дзвѐхъ*, дат. *людзе́мъ*, дв. ч. тры *лѣци* (=лѣта), 3 л. ед. на *е* и *иць*, 1 л. мн. на *мо*, повел. *пойдзе́мъ*, *тамеце* (=томите), при *дагани́це*, и возвр. зал. на *са*: *валю́са* [2]).

По словамъ наблюдателя, говоръ сѣверной части Гродненскаго у. отличается отъ говоровъ бѣлорусскаго центра «болѣе твердымъ произношеніемъ и меньшимъ измѣненіемъ *о* въ *а*»: *гаспода́рыку* (зват.), *адному́*, *каро́ўка*, *аста́лася*. Имъ отмѣчено: *бугъ* (=богъ), *ру́вня* (рядомъ: *твуя́*), *хли́бъ*, *ри́жъ* (= рѣжь) [3]).

Одинъ изъ говоровъ Сокольскаго у., д. Жуки (въ 7 верстахъ отъ г. Соколки къ сѣверу), наблюдатель называетъ «вообще чисто бѣлорусскимъ». Онъ отмѣчаетъ въ немъ лишь формы: род. ед. *зямле́*, *руке́*, *сястрэ́*, *травэ́*, *пяче́* (отъ печь), им.-вин. мн. *валэ́* (волы), *чапцэ́*, *жанке́*, дат. ед. *сы́нови*, *жабраке́ви*, *жарапце́ви* (жеребцу), возвр. з. обыкновенно на *са*. но при подлежащемъ средн. р. на *со*: *праси́лосо*, а при подле-

---

[1]) Шейнъ, Мат., т. II, стр. 149, 183 (Новос.). 318 (Кон. и Дем.).

[2]) Шейнъ, Мат. т. I, ч. I, № 588, ч. II, стр. 359, 615, 683. Довнаръ-Запольскій, Пѣсни Пинчуковъ, стр. 148.

[3]) Матеріалы для геогр. и старист. Россіи. Гродн губ, I стр 626—627.

жащемъ мн. ч. на *сэ*: напили́*сэ*. Сверхъ того, ф. буд. вр. по-польски: будзешъ прасі*ў*. Еще: га́ты рокъ=гэты [1]).

Въ одномъ изъ говоровъ Бѣлостокскаго у. отмѣчено: *са*бе́, ба́б*а*ю (тв.), *а*бъ ры́бц*ы*, ни́т*а*къ (род.), гало́в*а*нька, бе́дн*а*й (род.), м*я*не́, при две́сц*е* (= двѣсти), вы́в*е*дз*е*, пущ*а*е; сверхъ того. осе*н*ю (=осенью) [2]).

Говоры южной группы—говоры переходные, постепенно сливающіеся съ сосѣдними сѣверно-малорусскими говорами.

Одинъ изъ говоровъ Сокольскаго у., окрестностей м. Суховоли, имѣетъ *а* изъ *о* передъ удареніемъ и послѣ ударенія не въ исходѣ слова: м*а*л*а*до́й (дат.), ў н*а*че́ (въ ночи), гэ́т*а*го, сохраняя *о* въ исходѣ слова: ме́йсц*о*, васе́л*е* (=веселье), му́ц*но*; рядомъ н*и*да́ўно, *е*го́, старі*е*йшы*е* (им. мн.). Дифтонгъ *уо́*. б*уо*гъ, к*уо*стка, на т*уо*мъ свеци, *юо*й (ей), *юо*нъ (онъ), зв*юо*ў (свелъ), даже. т*уо*й (им. ед.), паш*уо*ў, дв*уо*хъ (род.). рядомъ съ малад*о́*й, дат., паст*о́*й (пов.), прын*е́*съ. Дифтонгъ *іе́* (изъ *ѣ*) послѣ *р*: р*іе*чка, р*іе*дко, хитр*іе*йшы. Формы: мѣстн. на земл*е́*, на све́ц*и*, ў нач*е́* (отъ ночь), им. мн. грэх*е́* людзк*іе*, крыж*э́*, ўс*е́* (дат. мн. ўс*е*мъ и ус*и*мъ), 1 л. мн. повел. зраб*е́*мъ, возвр. з. на *се*. Сверхъ того. *е*къ. Звонкіе согласные въ концѣ словъ и передъ глухими повидимому сохраняются

Говоры Волковыскаго у. мало отличаются отъ предъидущаго говора. Они имѣютъ *а* изъ *о* передъ удареніемъ и послѣ ударенія не въ исходѣ слова и сохраняютъ *о* въ исходѣ слова; отмѣчено зо́л*а*т*о*, здарэ́н*е* (им.), п*а*ко́*я*ў (покоевъ, род.), ўс*я*го́, рядомъ· н*и*да́ўно, н*и*дзе́ля, м*и*жъ нуогъ, *е*е (род.), *е*го́, пыта́*е*, хо́ч*е* (3 л.), хо́ч*е*шъ (2 л.). Дифтонгъ *уо́*: пар*уо*хъ, кс*юо*ндзъ, ж*уо*нка, па дам*уо*хъ (мѣстн.), м*уо*хъ (мохъ), хв*уо*ры, м*уо*ста, н*уо*чи (род.), мн*уо*го. п*юо*ро (перо), ўвайш*уо́*ў, т*уо*й (им. ед.), дурн*уо*й (им.), в*уо*ўкъ, в*уо*ўка (волкъ,-а), д*уо*ўго, ч*уо*рны, кр*уо*ўю (кровью), даже: атс*юо*къ (отсѣкъ); рядомъ: на прав*о́*й старан*е́*, *е*й (дат.), перэв*е*ў. Дифтонгъ *іе́* (изъ *ѣ*) послѣ *р*, *л*, *ш* и *ц*: ср*іе*бро, на гар*іе*, р*іе*жу, ўл*іе*зъ, ў л*іе*си, хл*іе*ба (род.), ш*іе*сць, ц*іе*лы, рядомъ съ *е́*хаць, на дарозі и др. Сверхъ того, *дж* въ гле*дж*ў́, ра*дж*ў́, са*дж*а́ць. Формы род. ед. та*е́* карчмы, сва*е́* земля́нки, ма*е́* галавы, тако́*и* жуонки, бе́л*а*е, да *се* (=до себя), мѣстн. ед. на канц*ы́*, на меж*ы́* и на меж*е́*, на печ*е́*, пры агн*е́*, зв. дзе́ўк*о*, им. мн. святы́*е*, ўс*е́* (род. ўс*и*хъ), 2 л. мн. повел. накл. ведз*е́*це, скраб*е́*це (скребите), вар*іе́*це (варите), неопр. н. се*к*чи, бе*г*чи, возвр. з. на *се* и *се* (каза́ла*сё*, ср. р.), мѣстами (близь м. Роси и Свислочи) на *са*. Наконецъ: *е*къ, *е*на́ (=она); *г*ара́ць (=орать).

Говоръ Слонимскаго у., д. Студеровщизны,—тожественъ съ предъидущими. Можно отмѣтить лишь щ*а*ка́, ж*а*ню́ся, пш*а*ница, нич*уо*го (=ни-

---

[1]) Р. Фил. Вѣстн. 1896 г., № 2.

[2]) Матер. для геогр. и статист. Россіи. Гродн. губ., I, стр. 639 — Дмитріевъ, Собраніе. Одинъ текстъ въ Запискахъ Акад. Н., т. 60, стр. 151 (ст. Авенаріуса) Другіе тексты изъ Бѣлост. у. здѣсь и въ другихъ изданіяхъ—малорусскіе.

чего), *г* въ *го*ўца(=овца), ф. зв. дзе́*ду*, челаве́чку, им. дв. дзве ха́*ци*, 3 л. буд. вр. думаць *ме*, 2 л. мн. пов. забье́це, возвр. з. на *ся* [1]).

Бѣлорусскіе говоры Черниговской губ. намъ извѣстны очень мало. Романовъ говоритъ объ могилевскихъ говорахъ, по его названіямъ—восточномъ и южномъ, что они выходятъ въ Могилевскую губ. изъ Черниговской (первый въ Климовицкій у.). Г-жа Радченко сообщаетъ, что тотъ говоръ, который слышится въ Гомельскомъ у., слышится также въ сѣверныхъ уѣздахъ Черниговской губ.

Говоръ Суражскаго у.—чистый бѣлорусскій сильное аканье, частое *я* вм. *е*: вя́нецъ, мя́не, пасто́йця, рядомъ съ *и*: на паро́зи, *дз* и *ц*, формы им. ед. на *ы* и на *ый*, 3 л. ед. на *е* и *ець*: вядзе́ и вядзе́ць (даже: уку́ся), 3 л. мн. на *яць* вм. *яць*: хва́люць. Что до *р*, то этотъ звукъ или всегда, или часто звучитъ твердо: бя́ро́за [2]) Въ текстахъ изъ с. Попова гора (въ 60 верстахъ отъ Суража): цяпе́рь, пр*я*сци, тр*я*сці́, стр*я*лцы́, ф. вин. ед. шалкова́ю, 3 л. ед. на *е* (хо́дзя) [3])

Говоръ Новгородсѣверскаго у. (с Юриновка) представляетъ пеструю смѣсь бѣлорусскихъ особенностей съ малорусскими (онъ слышится «въ мѣстности между Бѣлоруссіею и Малороссіею»), съ преобладаніемъ однако первыхъ. Аканье сильно: пада́й, вадица, барада́, паласка́ть, но иногда, повидимому, *о* безъ ударенія сохраняется; *я* изъ *е* вполнѣ обычно: тябе́, вля́ў, слухайт*я*, пытайц*я*; *дз* и *ц* рядомъ съ мягкими *д* и *т*: л*ю*дзи и вади́ца, даéць и крычы́ть; *р* то твердое вм. мягкаго, то мягкое; ф. 3 л. ед. на *е* и на *ець*. Рядомъ спорадически малоруссизмы. мы́й (=мой, при мой), ро́дный (при ро́дный), с*и*ль (=соль), дры́бный, мат*ю*нка, пудъ но́сомъ, пудъ ребро́; ходы́ли, обсады (повелит.), вы́дно, си́сты (при плыви́ця, вади́ца и т. п.), яи́ (= ее, род.), ди́вочка, ми́сяцъ, хлибъ (при зве́здочка). Сверхъ того: формы им.-вин. средн. р. на *э*, *эе*: пра́в*э*, т*э* сельцо, дат. майму́, 3 л. ед. *есть* и *е*, було́, 1 л. мн. на *мо*, возвр. з. на *се* оказалисе, мѣстоименіе *що* и *шо* (=что). Относительно произношенія согласныхъ передъ *е*, какъ часто они звучатъ твердо, по-малорусски, и какъ часто мягко, по-бѣлорусски, нѣтъ данныхъ (но: дятéначки, *сё*, *ўсе* и т. п., по-бѣлорусски) [4]).

О говорѣ Новозыбковскаго у. (с. Денисковичи) мы знаемъ очень мало. Отмѣчено: сяло́, ѣсьци и ѣсьты, тре́йтее, пошли (повел.), *е́* (=есть) [5]).

---

[1]) Данныя въ издаваемомъ Краковскою Академіею Наукъ трудѣ Федеровскаго Lud Białoruski Сверхъ того, тексты изъ Волк. и Слон. у. (съ *у* на мѣстѣ дифтонга *уо*)—у Шейна, Мат

[2]) Шейнъ, Мат, т I, ч. II. стр. 495 сл.

[3]) Записки Черниг. Губ. Стат. Комит. 1872 г., кн. 2-я.

[4]) Черниговск. Губ. Вѣд. 1854 г. № 15, 1855 г. № 19 слѣд.

[5]) Шейнъ, Мат, т. II, стр. 161, 168.

Дополненія.

Къ стр. 8, примѣч. 2. Населеніе г. Астрахани, повидимому, и теперь еще окаетъ. «Типическая сторона русско-астраханскаго кореннаго нарѣчія. . — произношеніе русскими Астраханцами буквы *о*... по печатному» [1]).

Къ стр. 15. Въ говорѣ с. Алнеръ, Фроловской волости, Мещовскаго уѣзда, отмѣчено: х*а*рашо́, ч*а*саво́й, н*я*су́, л*я*пе́шка, иди́т*я* (2 л. мн.), на даро́г*я*, у го́рад*и*; а*ў*ца́, рядомъ съ а*ф*ца́ (=овца), дро*ў* (род. мн.), кро*ў* (=кровь), *у*се́ (=всѣ), *у*сталъ (=всталъ); *г*=*h* (паро́*х*ъ = порогъ, даро́*х*ъ=дорогъ, род.); мягкое *к* въ Васьк*я* и т. п.; *хв* вм. *ф*: Х*в*илипъ и т. п.; формы род. на *во*, мин*е́*, тиб*е́*, і*е́*, дат. и мѣстн. мн. лашад*я́*мъ, абъ лашад*я́*хъ и лашад*е́*мъ, абъ лашад*е́*хъ, 3 л. на *ть* (ид*е́*ть), возвр. з. на *са* и *си*: напи́л*си*. Формъ дат.-мѣстн. ед. съ свистящими вм. гортанныхъ (ру*цэ́* и т. п.) нѣтъ [2]).

Въ говорѣ с. Петроселье, Жерелевской волости, въ юго-западномъ углѣ Мосальскаго у., отмѣчено. х*а*рашо́, н*я*су́, ж*а*на́, л*я*пе́шка, иде́т*я*, на даро́г*и*, *ў*си́ (=всѣ), дро*ў*, при кро*ф*ъ (=кровь), а*ф*ца́; *г*=*h* (астро́*х*ъ, тваро́*х*ъ, но даро́*к*ъ, род., бе́ри*к*ъ=берегъ); *ф* вм. *хв* и на оборотъ: *ф*остъ, *ф*ата́ть, у*ф*ати́ть (послѣдовательно), *Хв*е́даръ, *Х*о́ка=Фока, *Х*адо́ра=Федора; формы род. на *во*, мин*я́*, тиб*я́*, і*е́*, возвр. з. на *са*, *ца*. Мягкаго *к* и формъ дат.-мѣстн. ед. съ свистящими нѣтъ [3]).

Къ стр. 16. Въ говорѣ неизвѣстной мѣстности Новосильскаго у. отмѣчено. х*а*рашо́, м*а*лати́ть, *я*го́, у ц*а*не́ (=въ цѣнѣ), не́гд*я*; *у*сяго́ *у* во́лю; мягкое *к*: то́ль*кя*, пине́ч*кя* (род.); *х* въ *Х*ама́; стяженіе гласныхъ въ ве́д*а*шъ (2 ед.); формы род. на *го*, і*э*=ее, вин. ед. ж. ныняшн*я*ю, 3 л. ед. иде́, мѣстоименіе *що* и *чо*. Вѣроятно, къ той же или ближайшей мѣстности относятся еще слѣд. данныя: *ф* вм. *хв*: *ф*а́л*я*, 3 л.

---

[1]) Астраханскій Справочный Листокъ 1867 г, № 258.

[2]) На основаніи сообщенія о. І. Субботина.

[3]) На основаніи сообщенія С. П. Суходольскаго.

ед., *фалютъ*, 3 л. мн., род. *тавó* и *свагó*, *сля́*=себя, дат. *табе*, *сабé* и *таé* *таэ́*, *саэ́*, дат. *тэй* (=той), 3 л. ед. *бýдя* [1]).

Къ стр. 17. Въ говорѣ Брянскаго у. отмѣчено *устáть* (=встать), *унéсть* (=внесть), *въ* насъ, *въ* няго́ (=у—), *ф* вм. *хв* и на оборотъ: *фостъ*, *фалúть*, *фóрай* (=хворый), *фатить*, *фошшъ* (=хвощь), *грахвинъ*; формы род. на *ho* [2]).

Къ стр. 21, прим. Мы познакомились съ окончаніемъ книги Будде. Къ сожалѣнію, она не даетъ возможности составить достаточно ясное представленіе о говорахъ Касимовскаго у. и дополнить сказанное раньше.

Къ стр. 24. Вотъ еще данныя о говорѣ Старобѣльскаго у.

Слобода Райгородка (жители—переселенцы изъ Калужской, Тульской, Орловской, Воронежской губ.): сильное аканье, мягкое *к* въ Ванькя и т. п., твердое двойное *ш* въ *шшакá* (=щека); формы род. на *во*, 3 л. ед. безъ *ть*: *йдя*, *хóдя*, при: *зальéтца* (съ *е*, не *е*).

Слобода Бахмутовка (жители—отчасти переселенцы изъ Курской и Воронежской губ.): сильное аканье (даже: *вянцó*=винцо, *мялéя*=милѣе) *усé*=всѣ, *хф* вм. *ф*; формы род. *минé*, *табé*, дат. *табé*, наст. вр. *нясéшъ* *нясéть*, съ *е*, 3 л. съ *ть* и безъ *ть*: *бялéя*, *нóся*; вопросительная частица *чи*.

Слобода Больше-Черниговка (жители — переселенцы изъ Щигръ, Курской губ., изъ Бирюча, Воронежской губ., изъ Бѣлоруссіи): сильное аканье, *у* вм. *в* и на оборотъ: *у* пéрвай расъ, *въ* яго (=у него), *j* въ *прiюснуть*, формы род. на *во*, 3 л. ед. съ *ть* и безъ *ть*.

Слобода Спѣваковка: сильное аканье, *у* вм. *в* въ *узять*, *усé*, твердое *ш* изъ *щ*: *знáюшый*, *шавéль*, формы род. на *го*, 3 л. ед. только безъ *ть* [3]).

Къ стр. 25. «Нарѣчіе, употребляемое на Дону, — одно изъ самыхъ блúзкихъ къ нарѣчію московскому»,—говоритъ наблюдатель. Онъ указываетъ на окончаніе *ть* формъ 3 л., на *и* вм. *ы* въ *бúлъ*=былъ, *ви*=вы, *мило*=мыло, *ри*ба=рыба и на *у* въ *булъ*=былъ; сверхъ того,—въ «нѣкоторыхъ» мѣстностяхъ — на конечное твердое *н* въ ячмéнг, *корень* [4]).

«Вообще казаки коверкаютъ русскій языкъ. Обнизовые и Черкасцы вездѣ, гдѣ нужно говорить твердо *ы*, употребляютъ *и*, напримѣръ: ты=*ти*, рыба=*ри*ба. Женщины непремѣнно принуждаютъ себя шепелявить, а имъ подражаютъ молодцы. Они употребляютъ *ш* вм. *с*, *с* вм. *ш*, *ч* вм. *щ* и на оборотъ и т. д. Напримѣръ, крышу они назовутъ крысой, а

---

[1]) Тульск. Губ. Вѣд. 1861 г., № 8 сл., № 25 сл.

[2]) Брянскій Вѣстникъ 1894 г., № 13.

[3]) Харьковскій Сборникъ, вып 9. Хар. 1895.

[4]) Донск. Области. Вѣдом. 1874 г., № 81. Мѣстность неизвѣстна.

крысу — крышой, самоваръ — шамоваромъ». Еще: вше музья нажадъ вожвратилишя [1]).

Въ говорѣ станицы Филипповской, 1-го Донскаго округа (близь ст. Цымлянской) отмѣчено: харашо́, нясу́, ямý, чисавóй, липе́шка, на да ро́ги; г=h (бе́рихъ); мягкое к въ Васькя и т. п. (но курочка); твердыя двойныя ж и ш (шшука); хв изъ ф хвланéль, Хвéдаръ; формы род. на во, род. тибé, дат. табé, 3 л. на ть, возвр. з. прош. вр на сы: купáлсы. Сверхъ того: формы 2 л. мн. наст. вр. совершенно своеобразны: игрáютя, бéгаютя, пúшутя, éдутя, глидя́тя; формы 3 л. мн. нѣкоторыхъ глаголовъ втораго спряженія имѣютъ твердые согласные: хóдуть, лю́буть: имена существительныя средняго р. въ формѣ им.-вин. ед. имѣютъ при себѣ опредѣленія женск. р.: мáя гумнò; а нѣкоторыя имена сущ. женск. р. въ формѣ им.-вин. ед. оканчиваются на о: звѣздó, стѣнó, икрó (прочія падежн. формы—обычныя). Еще: мѣны у и в нѣтъ; мѣны шипящихъ и свистящихъ нѣтъ; формъ 3 л. безъ ть нѣтъ; мѣстоименіе што [2]).

«Казачья рѣчь въ донецкихъ станицахъ составляетъ ближайшую вѣтвь рязанскаго (южно-русскаго) говора; но это сходство не мѣшаетъ ей имѣть свой мѣстный колоритъ». Наблюдатель имѣетъ въ видѣ говоръ станицъ Гундоровской и сосѣднихъ, находящихся въ той части Донской области, которая соприкасается съ Харьковской и Екатеринославской губерніями. Имъ отмѣчены очень сильное аканье: халаднó, вядú, бярú, вядúтя, мѣна у и в: устаю́=встаю и взнáю=узнаю, мягкое к: Ва́нькя, —кю, ся́ть-кя, г=h (лянь, лядú=глянь, гляди, всяды́=всегды́), щ=твердое шш; формы род. чивo, тибé, дат. табé, 1 л. ед. схадю́. свадю́ (=схожу, свожу), 3 л. на ть и безъ ть. бярéть (съ е, не є) и бярé, носить и нòся, возвр. з. на гa и си (послѣднее окончаніе въ ф. прош. вр.: набéгалси). Сверхъ того, въ говорѣ донецкихъ станицъ, благодаря сосѣдству малорусскихъ поселеній, «обращаются во множествѣ» малорусскія слова, а въ говорѣ самой западной изъ этихъ станицъ, Луганской, малорусскій элементъ очень силенъ; говорятъ: шо вм. что, якъ вм. какъ, цэ вм это, ф. твор. мн. шашкамы и т. п. [3]).

Вотъ болѣе подробныя свѣдѣнія объ говорѣ станицъ Луганской и Митякинской: очень сильное аканье, мѣна в и у, мягкое к (Васькя, курачкя, но: матушка); формы род. на во, дат.-род. тибé, сибé, род.-вин. jié, тв. ед. рукóю и рукóю и т. п., тв. мн. синáмы (отъ сѣни), лашадьмы́ [4]).

---

[1]) Московскій Вѣстникъ 1860 г., № 28, ст. Сонина.

[2]) На основаніи сообщенія сотника Н. Е. Сизова.

[3]) Донская Газета 1876 года, № 100

[4]) На основаніи сообщенія М. М. Казмичова

Къ стр. 26. Вотъ данныя о говорѣ с. Бѣговатова, Орѣховской волости, Ардатовскаго у., Нижегородской губ.: умѣренное аканье: *нявéста* и *нивéста*, *цавó*, *нисý*, *жына́*, *идети*; цоканье (съ твердымъ *ц*) и чаканье рядомъ *цасъ*, *чарь*, формы род.-вин. *миня*, *тія́*, *сія́*, *јіе́*, дат. *тіе́*, *сіе́*, твор. ед. *слипы́мъ* и *слипе́мъ*, *бальшы́мъ* и *бальшэ́мъ*, 3 л. на *тъ*. возвр. з. на *ца* и *си*: *купа́тьси*. Мѣны *у* и *в*, мягкаго *к* въ *Ванькя* и т. п., смѣшенія *ж*, *ш* съ *з*, *с* нѣтъ [1]).

Говоръ с. Кочкурова, Лукояновскаго у.: довольно сильное аканье: *харашó*, *жана́*, *яво́*, *нясу́* и *нису́*, *шылúть*, *жылéть*, *идéти*; цоканье (*ч* вм. *ц* очень рѣдко); мягкія *д* и *т* съ свистящимъ оттѣнкомъ, близко къ *дз* и *ц*; формы род.-вин. *тія́*, *сія́*, дат. *тіе́*, *те*, *сіе́*, 3 л. на *тъ*. Мѣны *у* и *в*, мягкаго *к*, смѣшенія *ж* и *ш* съ *з* и *с* нѣтъ [2]).

Къ стр. 28. Уральское казачество акаетъ: *нясу́*, *чавó*, *гыварáть*, *чисавóй*, *липéшка*, *идéти*, *гóрыть* (=*гóродъ*); есть *и* вм. начальнаго *о*, *а*: *игарóть*, *игурéцъ*; *г* обыкновенно=*h* (но *бирéкъ*, *бéрикъ*=*берегъ*, *дóрыкъ*=*дорогъ*); стяженіе гласныхъ въ *играшь*, *играть* и т. д.; формы род. на *во*, *миня́*, *тибя́*, дат.-мѣстн. *грудé* (=*груди*), *кравé* (=*крови*), *тибé*, *сибé*, 3 л. на *тъ*. Мѣны *у* и *в* нѣтъ (*крофь*), мягкаго *к* въ *Ванькя* и т. п. нѣтъ, *ж* вм. *з* и *ш* вм. *с*—лишь у части казачьяго населенія Уральской области, главнымъ образомъ у женщинъ въ поселкахъ и станицахъ [3]).

Къ стр. 28. О говорѣ Мологинской волости, Старицкаго у, мы имѣемъ слѣдующія данныя: сильное аканье: *вядрó*, *ляпéшка*, *улятéлъ*, *у мяне́*; *у* вмѣсто *в*: *у лéсъ* (=*въ—*); *г*=*h* (*бéрякъ*); *хв* и *х* вм. *ф*· *Мархва*, *Хилипъ*, *Хедаръ*, формы род. на *во*, *яе́*, *мяне́*, *тябé*, дат. *тябé*, *сябé*, дат.-мѣстн. ед. ж р. на *ы*: *жаны́*, *вады́*, род.-дат.-мѣстн. ед. ж. р. прилаг. на *эй*: *бальшэй*, 3 л. на *ть*. Цоканье вполнѣ обычно (особенно у женщинъ); есть и *ч* вм. *ц*: *чарь*. *атечь*. Въ говорѣ сосѣдней Коробинской волости, Зубцовскаго у., отмѣчена ф. мѣстн. мн. *сянéхъ* [4]).

Къ стр. 36. Наблюдатель о говорѣ селъ Васильевскаго и Михайловскаго и деревни Орудова подъ Тверью говоритъ· «нарѣчіе очень своеобразно; оно рѣзко выдѣляется среди говора окрестныхъ селеній» [5]).

Вотъ данныя о говорѣ волостей Вознесенской, Воскресенской-Прозоровскихъ и Быковской, Ковровскаго у.: *о* звучитъ открыто («среднее между *о* и *а*») во второмъ слогѣ передъ удареніемъ и въ слогѣ непосредственно слѣдующемъ за удареніемъ: *хорошó*, *голосúть*, *господúнъ*,

---

[1]) На основаніи сообщенія П. В. Пахомова.

[2]) На основаніи сообщенія г. Сереброва.

[3]) На основаніи сообщеній хорунжаго А. И. Бочкарева и г. Юрьева. По словамъ послѣдняго, *и* вм. начальнаго *о*, *а* особенно часто у илецкихъ казаковъ.

[4]) На основаніи сообщенія А. А. Тютчева.

[5]) М. А. Плетневъ.

въ го́роде; *е* звучитъ открыто («среднее между *е* и *а*») въ слогѣ послѣ ударенія: пи́шетъ, остае́тесъ; *ѐ* отмѣчено въ нѐсу́, ѐво́. ѐму́, пишитѐ (при лета́ть); формы возвр. з. на *са*, *ца*, *съ*, *си* (осталс*и*). Мѣны *в* и *у*, мягкаго *к*, дзеканья, цоканья не отмѣчено [1]).

Вотъ нѣсколько данныхъ о говорѣ с. Петровскаго, Переславскаго у.: неударяемое *о* звучитъ иногда открыто въ слогахъ послѣ ударенія: окно роство́рчитае, ми́лава, те́мнай (им. ед.), изрѣдка *ъ* = *и*: би́лые, фс*и*хъ (род.), стяженіе гласныхъ въ свово́, де́латса, формы род.-вин. те́*я* (= тебя), мѣстн. во чисты́мъ полѣ (пѣсня), тв. мн. на *мъ*, возвр. з. на *са*, *ца*, *съ*; остатки формъ члена: кашу-*ту*. Цоканья нѣтъ [2])

Къ стр. 38. Вотъ еще нѣсколько отрывочныхъ данныхъ изъ Ярославской губ.: деньт*е́*въ=деньковъ (Яросл. у.); *ц*ело, нед*и*ля. жал*и*ть, *и*здѣть (=ѣздить), пр*и*никъ, опеть, ро*нн*ой, ф. буд. вр. бить *иму* (Пошех. у.); дамск*ѣ*й, ла*нн*о (Моложск. у.); в*и*теръ, нед*и*ля, л*и*нта=лента (Васильевская волость, Любимск. у.); ж*у*латъ, молос*н*ый, русникъ, берегчи (безъ указанія мѣстности) [3]).

Къ стр. 45. Въ говорѣ г. Устюжны и ближайшихъ къ нему деревень отмѣчено лишь твердое *ч* вм. *ц*: офсеча́ (род.), месча́ (=мясца), ругаетчы (3 л.); неударяемое *о* въ немъ произносится близко къ *у*. кума́ръ, войлукъ, упя́ть; неударяемое *е* звучитъ то средне между *е* и *е*, то какъ *и*: би*с*е́да, чи*т*ве́рка, возни*с*е́нье, то наконецъ, послѣ шипящихъ и *и*, какъ *а*: жа*н*а́ (и жо*н*а́), жа*н*и́ть, фч*а*ра́, цалковой; *е* вм. *я* только безъ ударенія: пето́къ, при пять, зетька́ (род.), при зять, вѐзать и т. п.; твердое *ц*, твердыя двойныя *ж* и *ш* (подо*жжы*=подожди), твердые конечные губные: се*мъ*, кро*фъ*, голу*пъ*, ру*пъ* (=рубль); *нн* изъ *дн*; часто *ф* вм. *х*: на двора*ф*ъ, добры*ф*ъ, пы*ф*те́ть (=пы́хтѣть); стяженіе гласныхъ: дума́шъ, дума́тъ, дума́мъ, при дума́*ѐ*шъ, уме́шь, копе́къ, съ долгимъ *е*. «Употребленіе долгихъ гласныхъ вообще обширно, особенно протягиваются послѣднія слова и слоги въ предложеніяхъ. Обозначить, впрочемъ, эту протяжность гласныхъ буквами *уо* и *оу* было бы не совсѣмъ точно. Менѣе удобно, но болѣе точно можно выразить это такъ: *оо*» (*поо*шъ, съ первымъ *о* долгимъ и съ вторымъ *о* краткимъ). Формы род. ед. на ов*а* (добров*а*, при добр*оо*, добр*оа*), ти́*я*, *тя*, при ти́бя́, си́*я*, при си́бя, дат. ти́*е*, *те*, при ти́бе́, си́*е*, при си́бе́ (ф. тобе́ и собе́ нѣтъ, равно какъ и ф. дат. ед. ж. р. на *ы*), дат.-мѣстн. лошаде́, на ра́дост*е*, дат. мн. на *мъ*, тв. мн. прилагательныхъ на *ми* и на *ма*, членныя формы прилагательныхъ добр*ыи*хъ, добр*ыи*мъ, даже въ зелен*оем*ъ саду (?), 2 л. ед. идешо, 3 л. ед. идето, идета, 1 л. мн. идемо, идема, знаема, возвр. з.

---

[1]) На основаніи сообщенія П. Н. Дербенева.

[2]) На основаніи сообщенія А. В. Маркова.

[3]) Якушкинъ, Матеріалы для словаря народнаго яз. въ Яросл. губ Яр. 1896

учимс*и*, взялс*ы*, хочет*цы*, вернёш*чы* (2 л. ед.), 3 л. ес*ь*, ест*е*, ест*и*, ест*я* =есть; сравн. ст. на *е́я*, *што*; остатки формъ члена: руку-*ту*, робята-*те* [1]).

Къ стр. 50 «Олончане любятъ ставить удареніе какъ можно далѣе отъ конца, на первомъ слогѣ или ближайшемъ къ нему», такъ же какъ Корелы (у нихъ обычно удареніе на первомъ слогѣ) [2]).

Къ стр. 54. Въ говорѣ Заднесе́льской волости, Кадниковскаго у., отмѣчено *ц* мягкое, рѣзко отличающееся отъ *ч*; мѣна *ц* и *ч* послѣдовательна, и кто говоритъ съ *ц*, тотъ рѣдко скажетъ съ *ч*, а говорящій съ *ч* не употребляетъ *ц*; *у* изъ *о* въ *у*куну́сь; *ё* въ мо́р*ё*, здоро́вь*ё*, зна́ётъ, напи́шомъ; *и* изъ *ѣ* передъ мягкими согласными (Тимоф*і*й); *и* изъ *е* безъ ударенія: н*и*ди́ля, т*и*бя́, л*и*те́лъ, *і*е́, а иногда подъ удареніемъ: д*и*нь, дв*и*рь, л*и*бедь, п*и*тля; *е* изъ *я* передъ мягкими согласными (иногда, при отсутствіи ударенія, и передъ твердыми: вз*е*ла́, св*е*то́й, *е*зы́къ); *ў* изъ *в* и *л* передъ согласными и въ концѣ словъ, мягкое *к* въ Ва́нь*кя* то́ль*ке* (и све́р*хю*), но. женьс*ко*й и т. п.; твердое двойное *ш*: *шш*ока́ и т. п.; *с* въ моло*с*ной; твердое *ф* въ кро*фъ* (=кровь), любо*фъ*, твердое *л* въ бо́*л*но, колоко́*л*на; *мм* изъ *бм* въ о*мм*анъ; стяженія гласныхъ (ду́*м*атъ и т. п.) нѣтъ; *ф* изъ *хв* нѣтъ. Формы род. ед на ово, молоды́*е* жоны и т. п., дат. т*е*бе́, с*е*бе́, дат.-мѣстн. печ*е́*, на лошад*е́*, род. мн. отц*е́й*, огурц*е́й*, тв. мн. на *мъ* (фсе́мъ и фсе*ма́*=всѣми), возвр з. на *се*, *це*. про́сит*се*, про́сит*цѐ*, остатки формъ члена: баба-*та*, бабу-*то*, бабы-*те*; мѣстоименіе *што*, *штѐ*, *що*, *щѐ* [3]).

Въ говорѣ Нижнеслободской волости, того же у., тѣ же особенности, что въ предъидущемъ Можно отмѣтить почти полное отсутствіе звука *ч* (зато иногда *ц* произносится какъ звукъ средній между *ц* и *ч*), *у* вм *о*. *у*гурцы́, *у*пусти́лъ, *у*куну́сь, *е* въ формахъ им.-вин. мн. до́бры*е* и т. п., *ф* вм. *хв* въ *ф*а́стать, *ф*оя, *ф*ата́ть, *шт* и *шш* рядомъ: и*шт*о́ и и*шш*о́ (=еще), све*шт*енникъ и све*шш*енникъ (*шш* и *жж* твердыя); мягкаго *к* въ Ванькя и т. п. нѣтъ. Формы буд. вр., рѣдко употребляющіяся: *иму* дѣлать и т. п., неопр. н. же*г*чи́, бере*х*чи́ и т. п.; сравн. ст на *я́э* [4]).

---

[1]) Изв отд р. яз и слов. Ак Н. 1896 г., IV, стр 977 сл. «Мѣстный говоръ вообще отличается или пѣвучестью, или просто протяжностью. Отрывистая рѣчь—рѣдкое явленіе».

[2]) Олон. Губ. Вѣд 1896 г., № 76.

[3]) Извѣстія отд. р. яз. и слов Ак. Н. 1896 г., IV, стр. 952. «Въ женскомъ разговорѣ болѣе, чѣмъ въ мужскомъ, замѣчается протягиваніе нѣкоторыхъ словъ и слоговъ».

[4]) Тамъ же, стр 962. «Говоръ стариковъ—болѣе твердый и грубый, нежели молодежи».—«Только въ дер Якунинской говоръ жителей отличается отъ сосѣднихъ деревень нѣкоторою растянутостью гласныхъ; въ остальныхъ деревняхъ говорятъ отрывисто»

Къ стр. 55. Наблюдатель указываетъ оканье въ Тверскомъ у. вообще [1]). Кромѣ того: *у* въ *у*горцы́ла (=огорчила), *ѐ* въ несу́, жона́ и т. п. (но слышится также: ля́пешка), спорадическое *ц* изъ *ть* гри́ю, *г*=*g*, *ц* вм. *ч* и рядомъ *ч* вм. *ц* (по преимуществу у женщинъ, съ послѣдовательностью, противоположною нашему употребленію), мягкія *д* и *т* съ свистящимъ оттѣнкомъ, стяженіе гласныхъ въ быва́ть и т. п.; формы род. *тля́*, твор. це́мъ и цымъ (=чѣмъ), им. мн. фси (=всѣ), возвр. з. 2 л. отогри́исти, 3 л. умори́лси, умори́лася [2]).

Къ стр. 57. Вотъ данныя о говорѣ с. Дальняго Константинова, Нижегородскаго у. (въ 60 верстахъ на югъ отъ Нижняго-Новгорода): оканье неполное: са́ла, ви́дна, го́рькай, по́ля, им. ед. (послѣ ударенія); *ѐ* даже въ пѐтухъ, пёсо́къ, слёпо́й; *и* въ идѐти (2 л.); *е* въ кричѐть (но: печать, опять); *ѣ*=*е*, мягкаго *к* въ Васькя и т. п. нѐтъ; формы род *тея́*, *сея́*, дат. *тее́*, *сее́*. Цоканья нѐтъ (лишь въ челизна, не распаханное поле [3]).

Къ стр. 63. Въ говорѣ с. Покчи, Чердынскаго у., отмѣчено: *и* вм. *ѣ*, *е* вм. *я* передъ мягкими согласными, средній между *ц* и *ч* звукъ вм. *ц*; формы род. на ова, дат.-мѣстн. ед. пече́, дат. мн. имя́ (=имъ), тв. мн. волкима, но́гима (=ногами), печкима, возвр. з. на са [4]).

Въ говорѣ Билимбаевскаго завода, Екатеринбургскаго у., отмѣчено: *е* въ весе́лье́, воркуешь, жа́луѐтъ и т. п. и въ формахъ род. ед женск. р. и им.-вин. мн. на ые, *я* вм. *е* въ сясть, дря́во, дря́вичко, *и* изъ *ѣ* и *е* въ ди́вья красота, *ишшо́*, *щ*=*шш*; формы род. на ова, у тя, тв. мн. на мъ; остатки формъ члена: поклоны-те, за столами-те.

Въ говорѣ деревни Косой Бродъ, того же у., отмѣчено: *ё* въ си́не́ мо́ре́, ове́чокъ (род.) и т. п., *е* въ хозе́юшка и въ любе́ть (=любить), *и* въ чужининъ, *в* въ овали́ть; формы род. на ова, дат.-мѣстн фъ Каза́не, сравн. ст. смирне́я [5]).

Въ говорѣ с. Богородскъ, Красноуфимскаго уѣзда, отмѣчено: *ё*, *о* въ шшолка́ть, пра́зничокъ, добрые́ (им. мн.), *и* изъ *ѣ* какъ передъ мягкими согласными, такъ и передъ твердыми: кли́ть, свити́ть, кли́ту́шка, вино́къ, *и* изъ *е* въ си́бе́ (дат.), *ишшо́* (еще· кари́та=карета), *е* изъ *я* въ реби́на, вежу, нарежа́ть, тежолъ, мягкое *ц* (рядомъ съ *ч*, но *цыдить*, при *чидить*), *щ* = *шш*, стяженіе гласныхъ: прибиви́ть; формы род. на ова, мѣстн. фъ Каза́не, неопр. н. пекчи́ [6]).

---

[1]) Онъ называетъ лишь одну мѣстность—дер Сакулино, въ 8 верстахъ отъ Твери.

[2]) На основаніи сообщенія М. А. Плетнева. «Любятъ растягивать слова».

[3]) На основаніи сообщенія г. Садовскаго.

[4]) На основаніи сообщенія г. Белдыцкаго

[5]) Скудные матеріалы въ Запискахъ Урал. Общ., т. XIII, вып. 1-й (К. Бр) и 2-й (Бил. з.).

[6]) Матеріалы тамъ же, т. XV, вып. 1-й.

О говорѣ волостей Устиновской, Комаровской, Савинской и Бымовской, Осинскаго уѣзда, мы теперь владѣемъ хорошими свѣдѣніями Здѣсь *ё* изъ *е* безъ ударенія очень часто: го́рё, роди́моё, си́нёё, лю́бите (но рядомъ идите́ и идите́), формы род. ед. женск. р. и имен.-вин. мн. на *ые*, *іе*, *и* изъ *е* безъ ударенія также очень часто, и не только изъ древняго *е*, но и изъ *е* происшедшаго изъ *я*, много случаевъ *и* изъ *е* подъ удареніемъ: д*и*рже́ть, с*и*ре́дней, д*и́*в*и*ть (=девять), д*и́*с*и*ть, см*и*рть, щ*и*ль, ш*и*сть, с*и*мь, ш*и́*я (=шея); есть случаи *е* изъ *и*· бреть, любе́ть, шале́ть, слы́хевалъ; есть случаи *а* изъ *е* послѣ *ж*: жани́ть, жала́нной (также кря́сло, задя́рживать, извя́ска=известка), *е* изъ *я* передъ мягкими согласными: зеть, петь, жель, стуче́ть (также ле́гу=лягу); *ѣ* = *и* передъ мягкими согласными: си́ме (=сѣмя), д*и*ли́ть, р*и́*чка, м*и́*сесъ (=мѣсяцъ), также д*и́*вушка, в*и*но́къ (но· хлепъ, нивéста, тибé); твердыя двойныя *ж* и *ш*: до*жжа́*, *шш*отъ, и*шш*о́ (и и*ш*о́); *нн* изъ *дн*: схо*нн*о, ла́*нн*о, *мм* изъ *бм*: о*мм*а́нъ, о*мм*орозить, *сс* и *с* изъ *тс*: три́*сс*ать (=тридцать), сре*с*тво (=средство), ро*с*тво, твердое *ф* въ кро*фъ*, любо́*фъ*, отсутствіе *в* (*ф*) въ началѣ словъ передъ согласными: сера́, чера́ (=*в*чера), сякъ (=*в*сякъ), скормить, споить; мѣсто *ц* (древняго и изъ *ч*) занято *с*: се́рсо, рукови́сы, *ся́*шка (=чашка), *сю́*ла (чула), *ч* рѣдко: *ч*иди́ть, *ч*ерква; стяженіе гласныхъ: руга́шъ, руга́тъ, свово́.

Формы род. ед. матер*е*, дочер*е*, род.-вин. *те*, іё, дат.-мѣстн. клите́, пече́, ноче́, матере́, мѣстн. на ста́р*ы*мъ дому, тв. мн. на *мъ*, на *ми* и особенно часто на *мя*· соба́к*и*ми, бе́лы*мя*, свои́*мя* (послѣднія отъ прилагательныхъ и мѣстоименій), 2 и 3 л. ед. пе*ко́*шъ, пе*ко́*тъ (у переселенцевъ изъ Вятской губ.), 2 л. ед возвр. руга́*шш*а, дере́*шш*а, неопр. н. «часто» на *ти*. ходи́*ти*, бере*к*ти и т. п., возвр. з. на *са*; мѣстоименіе *що*; сравнит. ст. на *яя* и *я* [1]).

Къ стр. 65. О говорѣ с. Плехановскаго съ окрестными деревнями, Тюменскаго округа, мы имѣемъ слѣд. данныя: *у* изъ неударяемаго *о* *у*куну́сь, *у*пе́ть (=опять), б*у*стись (бодаться), *а* изъ неударяемаго *е* послѣ *ж*. *ж*анихъ, *и* изъ *ѣ* въ с*и́*мя, ц*и*дить (дер. Сидорова: зд*и*ся), *е́* изъ *я́*: упе́ть, *е́*исъ (=яицъ; дер. Сидорова: гресь, зеть, ме́чикъ), *е* изъ неударяемаго *я*: гледе́ть, чесы́, веза́ть, месной, твердое двойное *ш*: *шш*ока́ (откуда: ве*ш*ъ=вещь), *мм* въ о*мм*анъ, мягкое *л* въ мо*ль*ча́ть, *к* вм. *т* въ *к*е́сто (=тѣсто), стяженіе гласныхъ: зн*а*шъ, быв*а́*тъ, уме́шъ, хозя́ва, мил*а* дочь, до́бр*ы* молотцы, еще. *с* изъ *ц* въ е*и*съ (=яицъ; дер. Сидорова и Верхне-Сидорова: *с*арь, со́нсо, купе́съ); формы род. на о*в*а, тобя́, собя́, дат.-мѣстн. лошаде́, на пече́, мѣстн. фъ худы́мъ де́ле, фъ больш*ы́*мъ саду, дат. мн. им*я́*, фсем*я́* (дер. Сидорова: дат. мн. на*ми́*,

---

[1]) Извѣстія Оренбургскаго отдѣла И. Р. Географич. Общ. вып. 8. Оренбургъ, 1896.

вами, людями, лошадьми). неопр н. стерегчи, берегчи; остатки формъ члена. каша-*та*, робята-*те*, бабы *те*; сравн. ст. на *яе* и *яя* [1]).

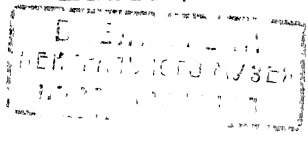
Къ стр. 66. Жители г. Нарыма, повидимому, акаютъ. Отмѣчено: *а*ногдась, *ла*ни́сь [2]).

Вотъ еще нѣсколько данныхъ изъ говора пріалтайскихъ крестьянъ: мѣна *ц* и *ч*, дат.-мѣстн. ед. во плоте́ (=плоти), неопр. взясть, смо*тч*ись (исправиться) [3]).

Къ стр. 67. «Сибиряки вообще окаютъ и говорятъ особеннымъ тономъ, котораго письменно передать нельзя, развѣ нотами». Цоканье у нихъ, особенно у мѣщанъ, нерѣдко: *цай*, *сци* (=щи). Еще. *я* въ *сясть* *сялъ*, *с* въ молосной, стяженіе гласныхъ въ бѣгатъ, бѣгамъ (1 л. мн.), формы тв. мн. на *мъ*, дат.-тв ми *имя*. Сверхъ того, «своеобразность удареній».

Наблюдатель, житель Молькинскаго миссіонерскаго стана, Балаганскаго округа, Иркутской губ., характеризуетъ мѣстный говоръ такимъ образомъ: вмѣсто неударяемаго *о* въ *хорошо́* звучитъ *а*; вмѣсто неударяемаго *а* въ *шали́ть*, *часовой*—*и*, *п*=*и* въ *жалъть*, *а* и *ъ* въ *печаль*, *кричать*, *невъста*, объ *невъстъ* произносятся правильно; *ц* и *ч* смѣшиваются: *чарь*; *з* и *ж*, *с* и *ш* также смѣшиваются. *жемля*, *жи́ма*, *жять*=зять, *жнаю* (всего чаще передъ мягкими гласными и согласными; рядомъ одно *з* въ *з*орька, *з*удъ, *з*ыкать), *шпдѣть*, *шеребро*, *шамъ*, *шкажалъ* (въ звукѣ *ш* «слышится немного и звукъ *с*»), *с* изъ *ц* только у инородцевъ Бурятъ: *сарь*; *в* и *ў* вм. *л* нѣтъ. Стяженіе гласныхъ въ ду́мать, ломи́тъ. Формы дат.-ед. *табѣ*, *сабѣ*, вин. *мя*, *тя*, 1 л. ед. ход*ю*, сид*ю*, глад*ю* вмѣсто *чего* слышится *кого* (т. е. каво?): *кого* тутъ думаешь? *кого* дѣлать-то [4]).

Въ Верхоленскомъ округѣ записана такая фраза: *жимою шибко жвѣригито шабакъ давятъ* [5]).



[1]) Извѣстія отд р яз и слов Ак. II 1896 г., IV, стр. 973

[2]) Томск Губ. Вѣд. 1862 г, № 29

[3]) Тамъ же, №№ 7, 16

[4]) На основаніи сообщенія С А. Инкигрина

[5]) Одесскій Вѣстникъ 1877 г., № 9 (статья помѣчена Иркутскомъ).

Указатель губерній и областей.

Стр.

Архангельская 51—52, 63.
Астраханская 28, 100
Виленская 77.
Витебская 73—75, 77—78.
Владимирская 36—37, 57, 103—104.
Вологодская 52—55, 105.
Воронежская 22—23.
Вятская 58—62
Гродненская 96—99
Донская 24-25, 101—102.
Иркутская 67, 108.
Казанская 27, 41—42
Калужская 14—15, 100.
Костромская 39—40, 62.
Кубанская 25—26.
Курская 17—19.
Минская 86—96.
Могилевская 80—86.
Московская 12—13, 28.
Нижегородская 26—27, 40—41, 57—58, 62, 103, 106.
Новгородская 34—35, 43—46, 104.

Стр.

Олонецкая 47—50, 105.
Орловская 17, 101.
Пермская 62—63, 106—107.
Петербургская 43, 47.
Псковская 29—32.
Пензенская 26.
Рязанская 19—21, 101.
Самарская 42.
Саратовская 27—28.
Симбирская 27, 42, 58.
Смоленская 28—29, 75—76, 78—80.
Тамбовская 21—22.
Тверская 28, 35—36, 55, 76—77, 103, 106.
Терская 26, 55—56.
Тобольская 64—66, 107—108.
Томская 66, 108.
Тульская 15-17, 100
Уральская 42—43, 103.
Харьковская 24, 101.
Черниговская 23—24, 99.
Якутская 65, 67—68, 108.
Ярославская 37—39, 56, 104.

Замѣченныя опечатки.

		Напечатано:	*Слѣдуетъ читать:*
Стр. 39,	строка 16 сн.	Буинскаго	Буйскаго
— 47,	— 18 —	*е* вм. *и*	*и* вм. *е*
— 61,	— 10 —	короу	короў
— 94,	— 19 св.	на *оу*	не *уо*

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

Оглавленіе.

	Стр
Введеніе	1
I Великорусское нарѣчіе	5
А. Южно-великорусское, или акающее поднарѣчіе	9
Б Сѣверно-великорусское, или окающее поднарѣчіе	32
1 Группа не цокающая	34
2 Группа цокающая	43
II Бѣлорусское нарѣчіе	69
I. Цокающіе говоры	73
II Не цокающіе говоры	77
Дополненія	100
Указатель губерній и областей	109